

Science Publishing Center «Sociosphere-CZ»
University of Guilan
Belarusian State University
Secondary school №54, Moscow

**ACTUAL PROBLEMS OF THE THEORY
AND PRACTICE OF PHILOLOGICAL
RESEARCHES**

Materials of the IV international scientific conference
on March 25–26, 2014

Prague
2014

Actual problems of the theory and practice of philological researches : materials of the IV international scientific conference on March 25–26, 2014. – Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2014. – 232 p.

Editorial board:

Gay Mariya Vitalyevna, candidate of pedagogical sciences, associate professor, teacher of Secondary school №54, Moscow.

Golandam Arash Karim, lecture of Gilan State University (Iran).

Shimanskaya Olga Yuryevna, candidate of philological sciences, associate professor of the foreign languages department of Belarusian State University.

These Conference Proceedings combines materials of the conference – research papers and thesis reports of scientific workers and professors. It examines the problematic of actual problems of the theory and practice of philological researches. Some articles deal with questions of general and special linguistics. Some articles are devoted to literary science. A number of articles are covered with problems of disciplines the philological cycle.

UDK 81+82

ISBN 978-80-87966-14-3

The edition is included into Russian Science Citation Index.

© Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ», 2014.
© Group of authors, 2014.

CONTENTS

I. QUESTIONS OF GENERAL AND SPECIAL LINGUISTICS

Южакова Ю. А.

Специфические средства репрезентации конструкций
тождества в русском языке 8

Чанг Д. Ч.

Русские метафоры и их перевод на китайский язык
(на материале тематической группы «пища») 12

Коваль Л. М.

Предикатно-предикатные структуры с сопроводительными
предикатами возможности и необходимости
в украинском языке 16

Шийка С. В.

Курган, курганы в микротопонимии Ровенщины 25

Нифанова Т. С.

Сопоставительный анализ местных терминов
(на материале денотативно связанных местных
терминов английского и французского языков) 27

Кузьмичева В. А., Доборович А. Н.

Влияние межфреймовых процессов на особенности
семантики и синтаксиса глагольных лексем
современного английского языка 30

Каримова З. Р.

Некоторые особенности перевода многозначных
и широкозначных слов английского языка 34

دکتر علی رفیعی جیردهی

فیروز رحیمی طلب

نگاهی واژه شناختی به ابزار پخت نان سنگک در رشت (گیلان) 37

Шавелашвили Е. В.

Функциональная реализация категориальной
семантики прилагательного турецкого языка 45

Кузьмина Р. П.

Категория числа имени существительного
в говорах крайне-западного наречия эвенского языка 51

Кудашина В. Л.

Ключевые слова как механизм формирования
проекции текста 54

II. LANGUAGE, CULTURE AND COMMUNICATION

Полуяхтова С. В.

К вопросу о некоторых аспектах исследования
национально-культурной специфики лексических единиц 56

Романчук М. Г.

Национальная специфика концептов 58

Афинская З. Н.

Концепт в ракурсе мотива и темы:
опыт дискурсивного исследования 61

Фисенко О. С.

Предметные признаки концепта «душа»
в языковой картине мира В. В. Розанова 71

Федотова О. С.

Концептуально-метафорическая репрезентация
в интроспективных контекстах 72

Тюленёва Н. А.

Исследование особенностей метафорического
моделирования в англоязычной рекламе туризма 77

Огородникова Т. М.

Отношения «дальней дистанции» как область
использования эмотивно-немаркированной просодии
в британской лингвокультуре 81

دکتر حسن کهنسال و اجارگاه

آلاله عابدی

نقد اسطوره شناختی توتمیسم در باورهای مردم ترکمن 85

Ивлева М. В.

Особенности реализации принципов вежливости
и кооперации в условиях кросс-культурных различий 95

Чапаева Л. Г., Трифонова Е. С.

Гендерный аспект языковой политики Франции 99

Петрова И. А.

Особенности работы журналиста в Интернет-СМИ 102

III. LITERARY SCIENCE

Адизова И. И. Украшение стихотворения	105
Юрина Н. Г. Поэтическая традиция А. К. Толстого в лирике В. С. Соловьёва	109
Родина М. В. «Плавание Св. Брендана» и «Покоритель зари, или Плавание на край света» К. С. Льюиса: изображение рая и околорайского пространства	113
Куренкова Т. Н. Микрополе «дичь» подполя «блюда» микрополя «пища» ЛСП «еда» в произведениях Н. В. Гоголя, А. П. Чехова, М. А. Булгакова	118
Кайгородова И. Н., Лазарева Л. М. Функционирование ментальных номинаций в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»	121
Демеуф З. М. Фразеологизмы как компонент идиостиля В. М. Шукшина	124
Косенкова И. О. Мотив музыки и темпоральный аспект акустических образов в художественной прозе Гайто Газданова (на материале романов «Вечер у Клэр» и «Возвращение Будды»)	128
Дзюбенко А. И., Журначева Н. Д. К вопросу о лингвостилистических приемах отражения эволюции внутреннего мира героя (на примере романа Д. Киза «Цветы для Элджернона»)	137
Дугина Л. П., Кайгородова И. Н. Орнитонимы в узуальных сравнениях астраханских писателей	145
Карабаев С. Ю. Творчество Амира Хамзы Шинвари	148
Пашкевич О. И. Национальная картина мира в творчестве Семёна Попова–Тумата	149

Дзюбенко А. И., Елизарова Ю. С. К вопросу о способах создания речевого портрета персонажа (на примере романа Дж. Линдсея «Дремлющий демон Декстера»).....	154
Харюк И. Р. Соотношение науки и религии в романах Д. Брауна	158
دکتر حسن کهنسال و اجارگاہ محمد عطار آبکنار اقدامات فرهنگی سید محمد تدین.....	162
Турдиева О. З. Иранский рассказ на современном этапе развития	175
Kabylov A. D. Irony as a style – forming top in works of A. Kekilbayev	179

IV. QUESTIONS OF STUDYING THE DISCIPLINES OF PHILOLOGICAL CYCLE

Ахмедова Е. Х. Развитие речи детей в процессе труда	186
Яшина М. Е., Шарафиева А. Д. Использование периодических изданий на уроке английского языка	189
Левченко Н. А. Формирование коммуникативной компетенции на основе чтения аутентичных текстов по специальности.....	193
Нуруллина Г. М. Лингвокультурологический подход в презентации грамматического материала по русскому языку	196
Тележко И. В. Концепт в формировании социокультурной компетенции переводчика профессионально ориентированных текстов	198
Багров Ю. Д. О некоторых трудностях освоения жанра мотивационного письма при изучении французского языка	204

Ежкина Т. М. Формы организации внеаудиторной академической работы студентов	206
Адолина Л. В. Интеграция системы образования новых субъектов Российской Федерации республики Крым и города федерального значения Севастополя в образовательное пространство страны	208
План международных конференций проводимых вузами России, Азербайджана, Армении, Белоруссии, Болгарии, Ирана, Казахстана, Польши, Узбекистана, Украины и Чехии на базе НИЦ» Социосфера «в 2014 году	211
Plan of the international conferences organized by Universities of Russia, Armenia, Azerbaijan, Belarus, Bulgaria, Iran, Kazakhstan, Poland, Uzbekistan, Ukraine and the Czech Republic on the basis of the SPC» Sociosphere «in 2014	217
Информация о журналах «Социосфера» и «Paradigmata poznání»	221
Information about the journals «Sociosphere» and «Paradigmata poznání».....	224
Издательские услуги НИЦ «Социосфера» – Vědecko vydavateľské centrum «Sociosféra-CZ»	228
Publishing services of the science publishing centre «Sociosphere» – Vědecko vydavateľské centrum «Sociosféra-CZ»	228

I. QUESTIONS OF GENERAL AND SPECIAL LINGUISTICS

СПЕЦИФИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНСТРУКЦИЙ ТОЖДЕСТВА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Ю. А. Южакова

Рязанский государственный университет
им. С. А. Есенина, г. Рязань, Россия

Summary. Concept «identity» is used both in the everyday speech for the characteristic of the surrounding reality and in the science about the language. The presence of special binary structure and specific means of expression makes it possible to estimate identity as the general linguistic category, which requires special study.

Keywords: an identity category; identity; an invariance.

При совпадении в одной единице функционального, структурного и семантического тождества можно говорить о реализации языковой категории тождества. Категориальное значение тождества получило толкование в «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой: «функциональная общность, принадлежность к одному и тому же инварианту, объединенность этой принадлежностью разных конкретных воспроизведений инварианта» [2, с. 476]. Термин «категория тождества» находим у П. А. Леканта в статье «К вопросу о категории тождества в русском языке» [4, с. 61]. Все эти термины, хотя и недостаточно распространенные, называют и объясняют существующие на всех языковых уровнях явления. Конструкции тождества активно используются в речи, но являются недостаточно описанными.

Анализ конструкций, в которых реализуется категория тождества, с нашей точки зрения, должен вестись по нескольким направлениям: во-первых, соответствие семантики категориальной; во-вторых, наличие структурного тождества; в-третьих, использование в специфическом значении формальных показателей. Перечисленные особенности можно отметить у синтаксических единиц всех уровней: простого, осложненного, сложного предложения, текста. Рассмотрим основные из них.

1. Биноминативные или биинфинитивные предложения. Для характеристики двусоставных несогласованных предложений типа *Нестор – отец русской истории* А. А. Шахматов ввел термин «предложения тождества» [5, с. 150]. В таких конструкциях

тождество содержательной стороны (отождествление двух представлений) сочетается с формой тождества, допускающей обратимость компонентов, например *Мещера – остаток лесного океана* (К. Паустовский). Основанием для определения биинфинитивных предложений как одного из логико-грамматических подвигов предложений тождества является соответствие формы и содержания, дискретность двучленной синтаксической и семантической структуры. Значение отождествления выражается в форме тождества через симметричность означаемого и означающего: *В камень стрелять – стрелы терять* (пог.).

2. Простые предложения с номинацией предметов, признаков или обстоятельств, тождественных друг другу, например: *Они перешли из маленького зальца в столь же маленькую и уютную гостиную* (Н. С. Лесков). Показателем тождества является частица *же*. Она относится к одному слову, но вносит дополнительную семантику во всё предложение. Частица *же* употребляется после местоимений и местоименных наречий и передает значение точного соответствия. Местоимение обычно указывает на уже названный объект или субъект. Частица подчеркивает одинаковость, неизменность, постоянство чего-либо. Впервые на значение тождества частицы *же* указал В. В. Виноградов в труде «Русский язык (грамматическое учение о слове)»: «К указательным частицам, по-видимому, примыкает постпозитивная отождествительная частица *же* в таких сочетаниях, как *тот же, туда же, там же, тогда же* и т. п. Она соединяется с местоименными словами по методу агглютинации» [3, с. 668].

3. Наименование тождественных признаков или обстоятельств может быть оформлено однородными членами предложения: *Стол, который столько же мог называться письменным, сколько игорным, обеденным или даже швальным...* (Н. С. Лесков). Одинаковость объектов или их свойств передается с помощью формального показателя частицы *же* и референтно тождественных наименований сопоставляемых автором компонентов.

Частица *же* со значением тождества может использоваться в составе фразеологизированных сочетаний *в то же время; тотчас же; сейчас же; одно и то же* и др.: *В его натуре сохранилось много простоты, искренности, задушевности, бесхитростности и в то же время живой русской сметки, которую он сам называл мошеннической философией* (Н. С. Лесков).

4. Предложения, осложненные пояснительными конструкциями, имеющие двучленную структуру, поясняющий и поясняемый компоненты полностью тождественны по содержанию, формальными показателями тождества являются пояснительные союзы, легко восстанавливаемые в случае пропуска. *Сало и казачья при-*

сяга – откидное кислое молоко, привезенное из дому в сумке, – весь обед (М. Шолохов). Часто в форме пояснительных конструкций объясняется термин и его дефиниция или аналог, полное наименование объекта и его сокращенная форма, например: *Тождество, то есть функциональная общность, принадлежность к одному и тому же инварианту, проявляется на уровне фонем, морфем, слов, синтаксических единиц; Орфография (то же, что правописание) – система правил...; Сложноподчиненное предложение (СПП)...* Во втором предложении тождество реализовано дважды: равнозначным термином и определением.

5. Предложения с именительным темы имеют особое коммуникативное задание. Именительный темы вызывает в сознании говорящего образ, с которым в дальнейшем высказывании отождествляется представление, характеристика или оценка: *Этот дядя Володя-то, он неплохой мужик (В. Шукшин); Дочь Юскова! Сумасшедшая (А. Черкасов).* Рассматриваемые конструкции могут содержать слова, повторно указывающие на тему, «эквиваленты» темы – соотносительные существительные, дейктические слова, концентрирующие внимание адресата на предмете речи.

6. Псевдосложные предложения с выделительными оборотами, где структурное и семантическое выражение тождества выполняет функцию актуализации компонента высказывания. Это предложения типа: *Что же другое можно любить на земле, если не свою родину (И. С. Тургенев).*

Формально двухкомпонентная структура и наличие специфических союзных средств дают основание многим ученым относить данные конструкции к сложным предложениям. Однако это монопредикативные структуры. Семантика тождества выражается в них специфическим образом. Отождествляются желательный и единственно возможный деятель, объект, признак. Таким образом передается значение единственности, исключительности, через которое выражается отношение уважения к объекту речи или привлекается внимание к говорящему, единственно способному произвести определенное действие или проявить чувства или способности. *А кто сочинит, если не я же (А. Н. Островский).* Отождествляются в данных предложениях указательное слово (обычно местоимения *кто, что*) и наименование конкретного объекта или субъекта. Тождество здесь настолько полное, что происходит совмещение номинаций. Глагол выполняет чисто служебную функцию, с помощью связки *это* отождествляются наименование субъекта и представление о нём.

7. В сложносочиненном предложении значение указания на точное соответствие, тождество частица *же* имеет в том случае, когда она употребляется при повторяющемся прилагательном или су-

ществительном, а также при использовании личного местоимения для указания на названное имя. Частица указывает на один и тот же субъект или одно качество двух разных существительных. Например: *Ведь для людей и в шинели ходишь, да и сапоги, пожалуй, для них же носишь* (Ф. М. Достоевский).

8. Отождествительные отношения в сложноподчиненном предложении выражаются при помощи союзов *тоже, также*. Они близки к частице *же* по значению и происхождению. Союзы устанавливают отношения тождества между предметами мысли или элементами речи, синтаксически разъединенными на части отождествительно-соединительного сложноподчиненного предложения или части текста, и подчеркивают тождество действия, состояния, впечатления, производимого двумя объектами или субъектами действия: *Лицо ее было бледно; слегка раскрытые губы тоже побледнели* (И. С. Тургенев); а также тождество двух объектов или субъектов: *Ваш отец давно знает меня, вы тоже знаете, что я люблю вас* (Н. Г. Лесков).

В отождествительно-соединительных предложениях сообщается о существовании сходных или тождественных явлений. Части таких предложений имеют один и тот же модально-временной план, близки семантически и по лексическому составу. Носителями общности в них являются сказуемые, а различия вносятся соотносительными субстантивными элементами. Например, *Секунду он молчал, мать смотрела на него тоже молча* (А. М. Горький). При полном лексическом совпадении главных членов этот компонент может содержаться только в одной части: *Вам тяжело жить в этом доме, мне тоже* (А. М. Горький). Такие конструкции характерны для разговорной речи. Позиция частей строго фиксирована. Союзы *тоже, также* всегда находятся перед словом, которое является носителем общности содержания. Наряду с ними может быть употреблен союз *и*, придающий конструкции большую тесноту связи частей, например: *Все громко засмеялись, и я тоже не мог удержаться от улыбки*.

9. Сложноподчиненные местоименно-соотносительные предложения, где придаточная часть семантически тождественна местоименному контактному слову главной части: *Я тот, кого никто не любит, Я тот, чей взор надежду губит...* (М. Ю. Лермонтов). Конструктивно обязательный коррелят служит для того, чтобы указать на предмет, лицо, признак, которые надо назвать. Местоименно-соотносительные предложения с частями, выступающими в позиции существительных, выполняют функцию номинации: *Кто находил силы, тот с ужасом вырывался из этого заколдованного круга* (Л. Н. Толстой). Местоименно-соотносительные предложения, образованные по схеме *так – как, такой – какой*, с частями, выступающими в позиции прилагательных или наречий, обладают

возможностью сопоставлять представляемые факты: *Таких молодых, которых я, выражаясь на студенческом языке, гоняю или проваливаю, у меня ежегодно набирается человек семь (А. П. Чехов).*

10. Сложное синтаксическое целое, или сочетание самостоятельных предложений, в которых находятся отождествляемые компоненты. Показателями тождества являются частица *же* и местоимение *это*. *Я уже три дня в Чемеровке. Вот оно, это грозное Заречье! (Н. С. Лесков).*

Все рассмотренные конструкции являются синтаксическими синонимами предложений тождества и легко в них трансформируются.

Библиографический список

- 1 Аругюнова Н. Д. Язык и мир человека. – М., 1998. – 896 с.
- 2 Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – С. 476.
- 3 Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). – М.: Высшая школа, 1947. – С. 668.
- 4 Лекант П. А. Очерки по грамматике русского языка. – М.: Изд-во МГОУ, 2002. – 312 с.
- 5 Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. – 3-е изд. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – С. 150.

РУССКИЕ МЕТАФОРЫ И ИХ ПЕРЕВОД НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ПИЦЦА»)

Д. Ч. Чанг

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Summary. This article is devoted to the study of metaphorical meanings and usages of the thematic group «Food» in Russian and comparison of their translation into Chinese. Reveal the mechanism of metaphorization of this group and similarities and differences between Russian and Chinese languages.

Keywords: metaphor; metaphorization; figurative meaning; metaphorical meaning; similarity; difference; comparison; translation.

Метафорой называется перенос названия с одного предмета на другой на основе сходства не только тех или иных внешних признаков (формы, расположения, функции), но и внутренних (ощущения, впечатления или оценки) [3, с. 127].

Новые значения слов возникают тогда, когда появляются незнакомые нам предметы и явления, признаки которых напоминают

уже известные предметы, явления. Как отмечает С. И. Камелова, «в соответствии с этим название ранее известного предмета переходит на вновь появившийся в поле нашего внимания объект. В результате слово к своему исходному значению добавляет новое» [1, с. 58].

Рассматривая метафоры в плане их перевода с одного языка на другой, следует помнить, что перевод – это, прежде всего, обмен информацией между представителями различных культур. В связи с культурными различиями перевод представляет собой сложный, трудный процесс. Как справедливо указывает В. Н. Комиссаров, «каждый язык создает своеобразную «языковую картину мира», что является одной из причин трудностей, возникающих при переводе» [2, с. 76].

В данной статье предпринята попытка рассмотреть особенности метафорического употребления слов, входящих в лексическую группу «Пища» в русском и китайском языках на примере трех подгрупп: наименований пищи, названий вкусовых свойств пищи и названий физических действий, связанных с употреблением пищи, и на основе этого выявить характер перевода русских метафор всех трех подгрупп на китайский язык. Материалом для анализа нам послужили лексические единицы с их метафорическими употреблениями из двуязычных, толковых словарей русского и китайского языков [«Большой толковый словарь русского языка» С. А. Кузнецова (2000); «Толковый словарь русского языка» Д. Н. Ушакова (2013); 《俄漢詳解大詞典》(1998); 《俄漢詳解大詞典》(1998) и т. п.]. Рассмотрим все три подгруппы русских метафор подробно.

А. Метафоры наименований пищи в русском языке и особенность их перевода на китайский язык.

В данную подгруппу включены имена существительные, называющие конкретные виды пищи. В эту подгруппу входят *хлеб; каша; винегрет, кавардак, окрошка*.

1. *Хлеб*. На основании сходства функции слово *хлеб* в русском языке приобрело метафорические значения «пища, пропитание, иждивение» (напр., *нет ни платья, ни хлеба* 沒衣穿, 沒飯吃 /букв. нет ни платья, ни риса/) и «средства к существованию, заработок» (напр., *верный хлеб* 鐵飯碗 /букв. железная чаша для риса/).

В связи с различием природно-климатических условий и культуры России и Китая главные средства существования для данных народов являются разными, поэтому буквальный перевод вышеуказанных примеров не допускается. В данном случае при переводе на китайский язык должно быть употреблено слово *рис* (米飯).

2. *Каша*. На основании сходства формы слово *каша* приобрело метафорические переносные значения «какая-л. полужидкая масса, напоминающая видом это кушанье» (напр., *снежная каша* 雪地泥濘 /букв. снежная грязь/) и «беспорядочное смешение чего-л., путани-

ца» (напр., каша в голове 思緒混亂 /букв. путаница в мыслях/; каша в изложении 語句毫無條理/букв. нет порядка в изложении/). В переводе данных метафорических употреблений не наблюдается отражения этой пищи, так как в сознании китайского народа ассоциация с ней отсутствует. В связи с этим в переводе используются только обычные лексические единицы.

3. *Винегрет, кавардак, крошка*. На основании сходства внешней формы конкретных предметов с представлением об описываемых явлениях данные слова приобрели переносное значение «о беспорядочной смеси, смешении разнородных предметов и понятий» (напр., *винегрет в голове* 思緒混亂 /букв. путаница в мыслях/; *В комнате кавардак*. 房間一片混亂 /букв. В комнате хаос./ (см. словарь Кузнецова, с. 408); *крошка в голове* 思緒混亂 /букв. путаница в мыслях/ (см. там же, с. 710).

Данные слова не только называют различную пищу, но в переносном значении обозначают беспорядок или смешение разнородных предметов. Однако в китайской кухне не существует данных блюд, поэтому эти слова русского языка в переносном значении относятся к безэквивалентной лексике. В переводе на китайский язык данные слова нуждаются в лингвокультурологических комментариях.

Б. Метафоры русских слов, характеризующих свойства, вкусовые качества пищи, и специфика их перевода на китайский язык.

В эту подгруппу нами включены имена прилагательные, обозначающие основные вкусовые признаки. Это такие прилагательные, как *кислый, сладкий, горький, соленый*. Механизм формирования метафорических значений данной подгруппы слов заключается в том, что перенос названия осуществляется на основе «внутреннего» сходства, т. е. сходства ощущения, впечатления или оценки.

1. *Кислый*. Переносное значение «выражающий недовольство, неудовлетворенность, тоскливо-унылый» (напр., *кислое лицо* 不滿的臉 /букв. недовольное лицо/; *сказать несколько кислых слов* 說些酸言酸語 /полная эквивалентность – ПЭ/).

2. *Сладкий*. Вторичные значения «исполненный дольства, счастья, радости (о жизни, судьбе)» (напр., *сладкая жизнь* 甜蜜的生活 /букв. сладкая медовая жизнь/); «умильный, приторно-угодливый» (напр., *сладкие речи* 甜言蜜語 /букв. сладкие медовые речи/; *сладкая улыбка* 諂媚的笑容 /букв. умильная улыбка /).

3. *Горький*. Переносные значения «исполненный тягот, невзгод, горя; тяжелый» (напр., *горькая судьба* 痛苦的命運 /букв. вызывающая боль, горькая судьба/); «причиняющий, вызывающий горе, огорчения» (напр., *горькое слово* 令人痛苦的話語 /букв. вызывающее боль, горькое слово/).

4. *Соленый*. Метафоричное значение «остроумный, выразительный, но грубоватый, не совсем пристойный» (напр., *соленое словечко* 生動卻稍嫌粗俗的字眼 /букв. выразительное, но грубоватое словечко/).

Следует заметить, что, во-первых, для описания речи, жизни человека в обоих языках используется одно и то же вкусовое восприятие (*кислое слово, сладкие речи, горькое слово; сладкая жизнь, горькая судьба*); во-вторых, в сознании китайского народа обнаруживается отсутствие ассоциативных связей между вкусовым восприятием и выражением лица человека (*кислое лицо, сладкая улыбка*). А что касается метафорических употреблений и переводов на китайский язык слова *соленый*, то в сознании носителей китайского языка в родном языке не существует связей между этим чувством восприятия и речью человека. В связи с этим перевод данных словосочетаний на китайский язык нуждается в объяснительном описании.

В. Метафоры русских слов, обозначающих физические действия, связанные с процессом употребления пищи, и особенность их перевода на китайский язык.

В эту подгруппу входят русские глаголы, которые обозначают конкретные физические действия, связанные с употреблением пищи. Это такие глаголы, как *грызть / загрызть, вкушать / вкусить, пожирать / пожрать, жевать*.

1. *Грызть / загрызть*. Метафорическое значение «терзать, мучить, тревожить (о мыслях, чувствах и т. п.)» (напр., *Сомнение грызет душу*. 疑慮啃蝕著心 /ПЭ/).

2. *Вкушать / вкусить*. Метафорическое значение «испытать, ощутить что-л.; изведать» (напр., *вкусить любви* 嘗到愛情的滋味 /ПЭ/).

3. *Пожирать / пожрать*. Переносное значение «захватывать целиком (о чувствах)» (напр., *Ненависть пожирала душу*. 仇恨吞沒了心靈 /ПЭ/).

4. *Жевать*. Переносное значение «долго и нудно обсуждать, разбирать одно и то же» (напр., *жевать одну и ту же проблему* 咀嚼同一個問題 /ПЭ/).

Анализ приведенных метафорических значений слов, обозначающих процесс употребления пищи в русском и китайском языках, позволяет выявить механизм их образования, а именно – наличие сходства или ассоциативных связей между конкретными действиями и абстрактными явлениями, понятиями, в том числе внутренними ощущениями человека.

Таким нам представляется механизм формирования переносных значений данной группы лексики в русском и китайском языках, сходства и различия в передаче метафорических употреблений в русском и китайском языках, которые должны учитываться в практике перевода.

На основании сравнения метафорических наименований тематической группы «Пища» в русском и китайском языках и способов перевода русских метафор на китайский язык можно сделать следующий вывод. Географические и культурные особенности России и Китая обусловили различия в самом характере пищи двух народов, наименований пищи и их метафорического употребления, что, в свою очередь, вызывает определённые трудности перевода метафорических названий с русского языка на китайский язык. Эти трудности выражаются в отсутствии адекватных, точных эквивалентов, полных аналогов русских метафор в китайском языке. Однако метафоры, основывающиеся на вкусовых свойствах пищи и различных физических действиях, связанных с употреблением пищи, носят более общий характер для носителей языка обеих культур и имеют соответствия в русском и китайском языках, что, безусловно, облегчает задачу переводчика.

Библиографический список

- 1 Камелова С. И. О механизме формирования переносных значений // Облик слова : сб. памяти Д. Н. Шмелева. – М., 1997. – С. 58–64.
- 2 Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. – 2-е изд., испр. – М. : Р. Валент, 2011. – 408 с.
- 3 Маслов Ю. С. Введение в языкознание : учеб. для филол. спец. вузов. – Изд. 3-е. – М. : Высшая школа, 1998. – 328 с.

ПРЕДИКАТНО-ПРЕДИКАТНЫЕ СТРУКТУРЫ С СОПРОВОДИТЕЛЬНЫМИ ПРЕДИКАТАМИ ВОЗМОЖНОСТИ И НЕОБХОДИМОСТИ В УКРАИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Л. М. Коваль

**Винницкий государственный педагогический университет
им. М. Коцюбинского, г. Винница, Украина**

Summary. In the article have analyzed the specificity of interlevel correlation of two-element main component of impersonal sentences with its basic semantic-syntactic correlates – predicy-predicate's component of the semantics necessary condition of the person and the predicy-predicate's component with a value possible condition of the person.

Keywords: impersonal sentence; main component; interlevel correlation; formal-syntactic structure; semantic-syntactic structure; predicy-predicate's component; main predicate; accompanying predicate.

Главный компонент (ГК) безличного предложения (БП), образованный семантико-грамматическим единством безличного модального глагола и инфинитива, на формально-синтаксическом

уровне имеет двухэлементную структуру. Семантико-синтаксическим коррелятом такого ГК является предикатно-предикатная структура (ППС) со значением субъективной оценки состояния лица, формирующимся семантикой её составляющих – основного предиката состояния лица и сопроводительного модального предиката.

В соответствии с разветвлённостью семантики вспомогательных модальных глаголов, которые объективируют модальный предикат, размежевывают предикаты желательности, предикаты необходимости, предикаты возможности. Все семантические разновидности модальных предикатов последовательно сопровождают основной предикат состояния лица, образуя вместе с ними ППС, характеризующие состояние лица как желательное, необходимое либо возможное. Объектом исследования этой статьи являются предикатно-предикатные компоненты, указывающие на необходимость или возможность состояния лица, а её цель – определить семантический диапазон таких ППС, установить семантико-синтаксические функции составляющих их основного и сопроводительного предикатов.

В украинском языке более распространена корреляция двухэлементного ГК БП, выраженного модальным глаголом и инфинитивом, с ППС с семантикой необходимости состояния лица: *І колись таки доведеться ностальгію перетворити в гарну історію* (Т. Прохасько); *Раніше тобі доводилося приховувати свою ситуацію від колег...* (С. Пиркало). Дифференциальным параметром этой ППС прежде всего является смысловое наполнение сопроводительного предиката. Квалифицируя состояние как «безальтернативное и обязательное» [13, с. 147], такая предикатная синтаксема может передавать целый спектр смысловых оттенков – целесообразности, необходимости, обусловленности, неизбежности действия, представленных «автономными концептами, каждый из которых характеризуется собственными семантическими признаками и наборами средств выражения» [12, с. 7]. В частности, глагольные лексемы *належить, личить, не випадає, подобає, вартує, не завадить, годиться* как сопроводительные предикаты ППС маркируют целесообразность состояния, обозначая «потребность, которая соответствует определенной цели, выгодной для совершения определенного действия или поступка» [12, с. 7]), напр.: *Годилося б відвідати ті міся, та все ніяк не виходить* (С. Андрухович); *Сучасній молоді не подобає розмінюватися на фальшиві ідеали* («Україна молода»); *Людині з його статусом не личило б поступатися власними світоглядним позиціями* («Україна молода»). Значение долженствования как «обязательства, обязательности выполнения заданий, обещаний, поставленных перед собой, требований, связанных с наложением определенных обязанностей – гражданских, христианс-

ких, служебных, семейных, нравственных, общественных и т. д.» [12, с. 14], выражает сопроводительный предикат необходимости, эксплицированный безличным глаголом *доводитися*, напр.: *Ти точно знаєш, що тобі доведеться відповідати за сьогоднішнє блюзнірство* (С. Пиркало); *Їм довелося докласти безліч зусиль до того, щоб вижити на новому місці* (Т. Прохасько); *Держаком макогона й далі доводилось робити діри, щоб виходили гейзери газів* (Т. Прохасько). Этот глагол также объективирует предикат обязательности, передающий оттенок обусловленности, который представляет собой нежелательное, вынужденное действие, обусловленное определенными обстоятельствами: *Матері доводилося за нас червоніти кожного разу* (О. Довженко); *Тож коли ми увійшли, довелось всіх перекикувати* (С. Жадан). Близка к этому семантическому оттенку смысловая разновидность «неизбежность», служащая для обозначения повинности, «которую можно предотвратить, которой нельзя помешать, потому что она не зависит от воли, желания субъекта, а является тем, что суждено судьбой (высшей силой и т. п.)» [12, с. 14]. Её реализуют глагольные лексемы *судитися*, *доводитися* (*Не судилося тобі тут бути* (А. Дністровий); *Не раз доводилось їй відчутти наслідки тої незрячості* (М. Черемшина). Все смысловые разновидности сопроводительного предиката необходимости сопровождают основной предикат, выражающий внешнее или внутреннее состояние лица. Именно по критерию смыслового наполнения основного предиката разграничены две разновидности корреляций двухэлементного ГК БП с ППС, в состав которой входит сопроводительный предикат необходимости:

1) двухэлементный ГК БП ↔ ППС со значением необходимости внешнего состояния лица: *Часом їй доводилось продиратися через таку гущину, що вона ледве пролазила* (М. Коцюбинський); *Доводилось і через болота брести, і в лісах ховатися, і днювати біля кіп та стогів – всього попробували* (А. Шиян);

2) двухэлементный ГК БП ↔ ППС со значением необходимости внутреннего состояния лица: *У такому товаристві мені довелося почути не один «комплімент» («Україна молода»); Щоб зняти відчуття спраги, довелося випити дві склянки чаю.*

Доминирует корреляция двухэлементного ГК БП с ППС, обозначающей необходимость внешнего состояния лица, кроме того, она может указывать на его ненужность (*Як не дивно, у приймальні зовсім не довелося чекати* («Україна молода»). В качестве основного предиката этой ППС возможны экзистенциальные, посессивные и локативные предикаты. Превалирует соотношение с ППС, указывающей на необходимость экзистенциального состояния лица. Они характеризуют необходимость состояния лица, связанного с самыми

разнообразными проявлениями его существования – личной жизнью, социальным положением, профессиональной квалификацией и т. д., напр.: *Так і довелося літувати на полонині* (М. Коцюбинський); *Судилося нам перебирати ту квасолю весь день* (А. Подолинний); *В автобусі довелося стояти*.

Корреляции двухэлементного ГК БП с ППС, основной предикат которых выражен посессивными и локативными предикатами, ограничены. Универсальным средством реализации предикатов посессивного наличия, выполняющим функцию основного предиката ППС с семантикой необходимости посессивного состояния лица, является глагол *мати*. Нейтральная семантика этого глагола («собственно владение») обуславливает широкий диапазон его функций в семантико-синтаксической структуре предложения: быть предикатом внешнего состояния лица, маркируя «посессивные отношения с отчуждаемым и с неотчуждаемым объектом» [10, с. 117]), то есть характеризовать состояние собственности лица, неразрывно связанное с его существованием (иметь голос, слух, интеллект, прошлое, родственников и т. д.), или состояние, связанное с посессором функционально (владение имуществом, жильем, наличие профессии и т. п.).

Основной предикат *мати* сопровождают преимущественно модальные предикаты со значением целесообразности, образуя ППС, характеризующую состояние целесообразности внешнего вида лица (одежду, прическу, обувь) или состояние целесообразности владения лицом конкретным материальным предметом: *Годилося б мати копійчину про Чорний день* (І. Карпа); *Студентові не завадило б мати більш охайний вигляд*. Однако в качестве основного предиката такой ППС шире представлены глаголы, указывающие на получение (*взяти, вкрати, вимагати, виміняти, випросити, замовити, захопити, купити, присвоїти* тощо), напр.: *Вартувало б узяти з собою води та харчів, бо дорога неблизька* (Я. Гримайло); *Ліки доводиться замовляти з угорського ринку* («Україна молода»); *Загублену книгу довелося купити*, или потерю объекта владения (*віддати, конфіскувати, повернути, подарувати, позичити, поміняти, продати* і под.), напр.: *Подарунок довелося віддати; Маскарадний костюм довелося позичити*. Сопроводительными при таких основных предикатах могут быть предикаты необходимости с различными смысловыми оттенками, хотя предикаты, указывающие на повинность и обусловленность состояния получения / потери объекта владения, более употребительны, по сравнению с предикатными синтаксемами, маркирующими его целесообразность или неизбежность.

Корреляция двухэлементного ГК БП с ППС, которая характеризует определённое локативное состояние как необходимое,

спорадическая. Функция основного предиката в составе такой ППС свойственна в основном глаголам с семантикой размещения (*зосередитися, локалізуватися, опинитися, поміститися, розташуватися, розміститися, стояти, сидіти і под.*), напр.: *Усім довелося розміститися в маленькій кімнатці* (Г. Тютюнник), иногда глаголам поступательного движения (*брести, водити, іти, марширувати, прямувати, скакати, тікати тощо*), напр.: *Фабіянові довелося бродити посеред майдану весь день* (Василь Земляк); *По обіді знову довелося йти до комори* (Г. Тютюнник). Такие глагольные лексеммы в сочетании с безлично употребленными модальными глаголами, выражающими семантику необходимости, формализируют двухэлементный ГК БП, коррелирующий с ППС для обозначения различных оттенков необходимости определенного локативного состояния: его необходимость (*Так Степанові довелося тікати через вікно* (В. Кобець), вынужденность (*За цією розмовою тобі довелося просидіти увесь вечір за столиком ресторану* (С. Пиркало), неизбежность (*Так мені судилося опинитися аж на Донбасі* («Україна молода»)).

ППС с семантикой необходимости внутреннего состояния лица как базовый семантико-синтаксический компонент двухэлементного ГК БП в украинском языке имеет низкий уровень репрезентации. В зависимости от сферы внутреннего состояния лица выделено три разновидности корреляций этого типа:

1) двухэлементный ГК БП ↔ ППС со значением необходимости физиологического состояния лица: *Довелося тамувати біль знеболювальними* (І. Карпа); *Довелося насолоджуватися цими ароматами цілий тиждень* (І. Роздобудько);

2) двухэлементный ГК БП ↔ ППС со значением необходимости психоэмоционального состояния лица: *Нам судилося кохати й ненавидіти разом*;

3) двухэлементный ГК БП ↔ ППС со значением необходимости интеллектуального состояния лица: *Тоді козакам довелося помізкувати* (Б. Лепкий); *Депутатові міськради другого скликання не завадило б мати свою думку на такі речі* («Україна молода»).

Характерно, что семантическое наполнение основного предиката всех трех ППС с указанием на необходимость внутреннего состояния лица тождественно с семантическим наполнением основного предиката в составе ППС для определения желательности внутреннего состояния, что, в свою очередь, так же детерминировано одинаковой морфологической экспликацией. В частности, основной предикат в ППС со значением необходимости физического, физиологического состояния реализуют глаголы ЛСГ физиологических процессов (*відпочивати, дихати, їсти, кашляти, пити, спати і под.*), ЛСГ речи (*вимовляти, відповідати, говорити та ін.*); в ППС,

маркирующей необходимость психоэмоционального состояния, – глаголы ЛСГ психического состояния (*боятися, гніватися, журитися, радіти*, тощо) и глаголы ЛСГ отношения (*любити, ненавидіти, поважати, подобатися* та ін.); в ППС, указывающей на необходимость интеллектуального состояния, – глаголы ЛСГ мышления (*думати, гадати, міркувати, міркувати, мислити* та ін.) и глаголы ЛСГ познания (*вивчати, дізнаватися, досліджувати, пізнавати*, тощо).

Несмотря на то, что предикаты внутреннего состояния человека, выраженные этими глаголами, обладают потенциальной способностью к сопровождению предикатами необходимости различных смысловых оттенков, однако наиболее актуальными являются модальные значения «целесообразность» и «обусловленность». Значение целесообразности внутреннего состояния лица передает ППС, эксплицированная в формально-синтаксической структуре синтаксическим сочетанием безличных глаголов для обозначения целесообразности и инфинитивом совершенного вида: *Не завадило б відпочити перед поїздкою* (В. Малик); *Перед тим, як зважитися на переїзд, годилося б усе добре обміркувати* (В. Малик). Аналитическая синтаксическая морфема *бы* (*б*) в составе этого единства является средством трансформации семантики обязательности в значение целесообразности. Правда, предикаты с семантикой целесообразности, подобно другим смысловым разновидностям предикатов необходимости, спорадические в роли сопроводительных при основных предикатах психоэмоционального состояния. В этой функции также изредка встречаются предикатные синтаксемы, с которыми они формируют ППС для определения необязательности психоэмоционального состояния, напр.: *У таких умовах містянам не доводиться поважати чиновників ЖКК* («Україна молода»).

Периферийным коррелятом двухэлементного ГК БП, выраженного безличным или безлично употреблённым личным модальным глаголом и инфинитивом, является ППС, квалифицирующая состояние лица как возможное. Сопроводительный модальный предикат такой ППС передает значение возможности, то есть представляет «реальность предметной ситуации в настоящий момент, заключающейся в наличии условий для его возникновения» [4, с. 5]. Исследователи обосновывают потенциальность ситуации рядом факторов, связанных как с внутренними параметрами субъекта (интеллектуальными качествами, системой взглядов и убеждений, физическим и психическим состоянием, способностями, умениями, навыками, чертами характера и т. д.), так и с внешними факторами (внешними обстоятельствами постоянного или временного характера, социальными законами, законами

природы и т. д.) [4, с. 6; 1, с. 8; 8, с. 53]. В зависимости от специфики влияния детерминирующего фактора разграничивают такие семантические оттенки значения возможности:

- 1) «внутренняя способность», «условия», «право» [1, с. 14];
- 2) «внутренняя способность», «время», «условия», «право» [8, с. 73].

Хотя спектр семантических оттенков значения «возможность» широкий, однако арсенал средств его реализации в составе двухэлементного ГК БП очень ограничен. В украинском языке в этой функции достаточно употребителен безличный глагол *даватися* (*вдаватися*) (напр.: *Джинси таки тобі вдалося купити на сейлі* (С. Пиркало), спорадичны единоличный глагол *доводитися* (напр.: *Доводилось вам коли-небудь польову кашу їсти?* (Панас Мирний); *Коли доводиться в краях твоїх [на землі донецькій] бувати, од щастя плачу я, і плачу, і сміюсь...* (В. Сосюра) и безлично употребленный личный глагол *могти* (*Андрій занепокоївся, що до вечора їй, справді, могло погіршати* (Т. Прохасько). Глаголы *доводитися* и *могти*, объективирующие сопроводительный предикат возможности, избирательно сочетаются с предикатами внешнего состояния и предикатами внутреннего состояния человека, формируя с ними соответственно ППС для обозначения возможности внешнего состояния лица и ППС с семантикой возможности внутреннего состояния лица. Глагол *удаватися* шире употребляется в составе двухэлементного ГК БП. Соединяясь с инфинитивом в форме совершенного вида, это глагол конституирует вместе с ним семантико-грамматическое единство, на семантико-синтаксическом уровне выражающее ППС, обозначающую возможность соответствующего внутреннего или внешнего состояния вопреки определенным факторам, имплицированным (*Цієї суботи нам вдалося побувати в краєзнавчому музеї*) или эксплицированным в структуре предложения (*Незважаючи на постійну зайнятність, цієї суботи нам вдалося побувати в краєзнавчому музеї*). Несмотря на ограниченную лексическую репрезентацию такого предиката, в украинском языке обнаружено корреляции с двумя его семантическими разновидностями:

- 1) возможность состояния лица, вопреки его внутренней неспособности его реализовать: *Нарешті матері вдалося заселити нитку в голку*);

- 2) возможность состояния лица, вопреки внешним обстоятельствам, не способствующим его осуществлению (условия, время, место и т. д.): *Хоч у п'ятницю, коли у сина шість уроків, йому вдається потрапляти на тренування; Незважаючи на дощ, туристам вдалося відвідати замок у Меджибожі.*

Обе смысловые разновидности предиката возможности последовательно сопровождают предикаты внешнего состояния лица, конституируя с ними ППС, маркирующую:

1) возможность экзистенциального (*Після довгих поневірян чинівницькими кабінетами нарешті вдалося запатентувати винахід* («Україна молода»);

2) возможность посессивного состояния (*Нарешті вдалося дістати квитки на концерт* (Ю. Андрухович);

3) возможность локативного состояния (*Цього разу журналістам вдалося безперешкодно побувати на засіданні сесії міськради* («Україна молода»).

Однако при предикатах внутреннего состояния лица как сопроводительные функционируют только такие предикаты возможности, которые обозначают возможность определенного состояния лица (физического, физиологического, психоэмоционального, ментального) благодаря его внутренним параметрам – интеллекту, памяти, целеустремленности, воле, выносливости, физическим характеристикам и т. д.: *Незважаючи на тривалий конфлікт, колегам вдалося порозумітися; Нарешті вдалося розшифрувати ті давні послання майя; Незважаючи на неперервність телемарафону, ведучим вдалося трохи перепочити.*

Предикатно-предикатные компоненты, формально-синтаксическая репрезентация которых затруднена наложением аналитической синтаксической морфемы *не*, передают значение невозможности соответствующего состояния лица: *Сивовусий грек та молодий наймит-дангалак [весляр]... вибивалися із сил, налягаючи на весла, однак їм не вдалося розігнати човен на береговий пісок* (М. Коцюбинський); *Оксен зрозумів, що степом продертися не вдасться і завів своїх людей у порослу хащами глибоку яругу* (Григорій Тютюнник); *Як наш спортсмен не намагався, але фінішувати першим не вдалося* («Україна молода»). Такой модальный предикат потенциально сопровождает как предикаты внутреннего состояния лица, так и предикаты внешнего состояния лица.

Итак, семантико-синтаксическим коррелятом двухэлементного ГК БП, выраженного сочетанием безличного или безлично употребленного личного модального глагола и инфинитива, является ППС, сформированная основным предикатом состояния лица и сопроводительным модальным предикатом. Значение оценочной характеристики состояния лица ППС имеет две семантические разновидности: ППС, манифестирующая необходимость состояния лица, и ППС, передающая возможность состояния лица.

Для обеих разновидностей ППС основными являются экзистенциальная, посессивная и локативная разновидности предиката

внешнего состояния лица и физическая, физиологическая, психоэмоциональная и ментальная разновидности предиката внутреннего состояния лица.

Смысловое наполнение сопроводительного предиката представляют семантические разновидности предиката необходимости («целесообразность», «обязанность», «вынужденность», «неизбежность») и предиката возможности («внутренняя способность», «благоприятность внешних факторов»).

Библиографический список

- 1 Бернацька С. М. Модальне значення можливості / необхідності в сучасній українській мові : автореф. дис. ... канд. філол. наук : 10.02.01 «Українська мова». – К., 2011. – 20 с.
- 2 Васильев Л. М. Семантическая категория оценки и оценочные предикаты // Исследования по семантике : сб. научн. тр. – Уфа : Изд-во БГУ, 1996. – С. 55–62.
- 3 Вихованець І. Р. Семантико-синтаксична структура речення / І. Р. Вихованець, К. Г. Городенська, В. М. Русанівський – К. : Наукова думка, 1983. – 220 с.
- 4 Гапонова Ю. В. Средства выражения модальных значений возможности и необходимости в текстах печатной рекламы : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 «Русский язык». – Калининград, 2007. – 18 с.
- 5 Городенська К. Г. Дери́вація синтаксичних одиниць. – К. : Наукова думка, 1991. – 192 с.
- 6 Кавера Н. В. Семантична типологія предикатів стану : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.01. – К., 2007. – 206 с.
- 7 Коваленко Р. О. Синоніміка конструкцій з дієсловами мислення. URL: <http://kulturamovy.univ.kiev.ua//KM/pdfs/Magazine34-9.pdf>
- 8 Коваль Л. М. Інформативно недостатні слова української мови: семантика, функції : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.01. – К., 2005. – 210 с.
- 9 Лонська Л. І. Структурно-семантичні особливості буттєвих речень в українській мові : автореф. дис. ... канд. філол. наук : 10.02.01 «Українська мова». – К., 2001. – 19 с.
- 10 Мелекесцева Н. В. Предикати посесивної наявності / відсутності в сучасній українській мові // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. – Т. 25 (64). – № 1. – Ч. 1. – С. 116–120. – (Сер. «Филология. Социальные коммуникации»).
- 11 Мухометзянова Ю. В. Функционально-семантический аспект высказываний со значением возможности : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 «Теория языка». – Тверь, 2007. – 18 с.
- 12 Тронь О. А. Семантико-синтаксична структура речень із предикатами дебітності в сучасній українській мові : автореф. дис. ... канд. філол. наук : 10.02.01 «Українська мова». – Ів.-Франківськ, 2001. – 20 с.
- 13 Хузина Е. А. Модальность необходимости и долженствования конструкций с инфинитивом-сказуемым (на материале русских пословиц и поговорок) // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – 2011. – Вып. 51. – С. 147–152.

КУРГАН, КУРГАНЫ В МИКРОТОПОНИМИИ РОВЕНЩИНЫ

С. В. Шийка

Национальный университет водного хозяйства и
природопользования, г. Ровно, Украина

Summary. In the article it is analyzed microtoponyms as Kurhan, Kurhany presented in Rivne region of Ukraine. It has been decided the etymology of appellative basis, area of spreading. It is presented parallels of meaning of general and proper names.

Keywords: appellative; lexeme; microtoponym; nomination; term.

Наше внимание привлекли микротопонимы *Курган*, *Курганы*, зафиксированные на территории Ровенской области Украины, одной из древних западноукраинских земель. Во-первых, потому что эти собственные названия носят мелкие топографические объекты разносторонней семантики, во-вторых, имеют давнюю и одновременно спорную этимологию мотивирующего апеллятива, в-третьих, хорошо известны на славянской, в частности восточнославянской территории, в-четвертых, формируют объективное философское представление о современном языковом пространстве как единой и в то же время разной (противоположной) категории в плане происхождения, развития и распространения языковых единиц.

Микротопоним *Курган* номинирует древнерусский могильник (н. пп. Колоденка [2, с. 30], Забороль [2, с. 54], Шпанив [2, с. 78], Ставки [2, с. 95], Смержев [2, с. 121], Ясениничи [2, с. 153] Ровенского р-на), могильник времен Средневековья (н. пп. Степановка [3, с. 18], Спасов [3, с. 66], Коршев [3, с. 72] Здолбуновского р-на), холм (н. п. Рогизне Млиновского р-на) [4, с. 397–398], холм, где была крепость ([*курга́н*] н. п. Бакорин Млиновского р-на) [4, с. 397–398], большую земляную насыпь ([*курга́н*] н. п. Макотерты Ровенского р-на) [4, с. 397–398], снесенный песчаный горб ([*ку́рган*] н. п. Новостав Ровенского р-на) [2, с. 109], высоту среди болота ([*ку́рган*] н. п. Руда-Красная Ровенского р-на) [2, с. 112], урочище ([*курга́н*] н. п. Малеве Демидовского р-на) [4, с. 397]. Множественная форма *Курганы* называет древние могильники (н. пп. Великий Житин [2, с. 39], Ходосы [2, с. 70], Пересопница [2, с. 143], Плоска [2, с. 171] Ровенского р-на), угол села, где было монголо-татарское захоронение ([*курга́ны*] н. п. Острожець Млиновского р-на) [4, с. 398], хутор, где были песчаные насыпи ([*курга́ны*] н. пп. Березно, Антоновка Березновского р-на) [4, с. 398], урочище, где земляные насыпи ([*курганы́*] н. п. Полицы Владимирецкого р-на) [4, с. 398].

Собственное название образовано путем прямой онимизации нарицательного слова *курган*, имеющего спорную этимологию. Большинство исследователей склоняются к мысли, что оно имеет тюркское происхождение. *Курган* как ‘крепость’ заимствовано наверняка, отмечает М. Фасмер, а *курган* ‘могильный холм’ – вероятно из др.-тюрк. *kuḡan* ‘крепость’, тур. *kuḡan*, казах. *koḡan*, кирг. *koḡon*; ср. далее тюрк. *kuḡatak* ‘укреплять’, *kuḡtak* ‘сооружать’ [5, с. 424].

Белорусская исследовательница Р. М. Козлова, отмечая богатство и разносторонность семантики апеллятива *курган* (кроме значений ‘крепость’ и ‘могильный холм’, это также ‘холм, небольшая возвышенность’, ‘насыпанный холм’, ‘куча’, ‘островок’, ‘кочки’, ‘яма в воде’ и др.) в восточнославянском диалектном языковом пространстве и его отражение в гидронимии, ойконимии, антропонимии, микропонимии, утверждает мысль об исконности этого термина в лексической системе отмеченной территории. Словообразовательной базой для лексемы *курган* < **kъrganъ* выступают праформы **kъrga*/**kъrgъ*, где основа **kъrg-* < i.-ε. (s)*ker* ‘гнуть, кривить; крутить, вертеть’, расширенная детерминативом *-g-* [1, с. 256–258]. Принимая во внимание семантику анализируемого слова, можно предположить, что праформа **kъrganъ* изначально обозначала ‘что-то с кривизной, выпуклое’, а потом реализовалась во вторичных значениях ‘холм, курган’, ‘могильник’, ‘укрепление, крепость’ и под. [1, с. 256–257].

В обобщенном виде семантика географического термина *курган* отвечает философскому закону развития от общего к частному: ‘что-то с кривизной’ → ‘холм, курган, небольшая возвышенность’, ‘укрепление, крепость’, ‘древний могильник’, ‘пространственно смежные территории’ (метонимическое значение), ‘реалии негативного рельефа’ (энантисемическое значение). Подобная параллель имеет место и в микропонимии, в частности на Ровенщине: *Курган* – ‘что-то с кривизной’ → холм; большая земляная насыпь; снесенный песчаный горб; высота среди болота; древнерусский могильник; холм, где была крепость; урочище; *Курганы* – древние могильники; угол села; хутор; урочище.

Подытоживая вышесказанное, следует отметить, что апеллятив *курган* и мотивированные им микропонимы *Курган*, *Курганы* отражают похожую семантику в тюркских и славянских языках, что свидетельствует об определенном единстве мировой языковой среды, обеспеченном или этимологическими истоками этих слов или «диффузионным» характером их распространения.

Библиографический список

1. Козлова Р. М. Структура праславянского слова (Праславянское слово в генетическом гнезде). – Гомель, 1997. – 412 с.

2. Пура Я. О. Край наш у назвах. – Рівне, 1994. – Ч. 2. – 216 с.
3. Пура Я. О. Край наш у назвах. – Рівне, 1999. – Ч. 3. – 208 с.
4. Словник мікротопонімів і мікрогідронімів північно-західної України та суміжних земель : у 2-х т. / уряд. Г. Л. Аркушина. – Луцьк : Вежа, 2006. – Т. 1. – 408 с.
5. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – М. : Прогресс, 1986. – Т. II. – 672 с.

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МЕСТНЫХ ТЕРМИНОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ДЕНОТАТИВНО СВЯЗАННЫХ МЕСТНЫХ ТЕРМИНОВ АНГЛИЙСКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ)

Т. С. Нифанова

**Гуманитарный институт, Северный (Арктический)
Федеральный университет им. М. В. Ломоносова,
г. Северодвинск, Архангельская область, Россия**

Summary. This article represents an approach to comparative semantic analysis of denotatively related English and French local terms. Such an approach allows to show similarities and differences in semantic organization of the English and French languages structured with the help of local terms.

Keywords: local term; denotative class; semantic similarities; semantic differences.

Местные термины отличаются от терминов литературного языка тем, что в их состав входят местные названия объектов, они территориально ограничены и не всегда являются единственными наименованиями того или иного явления [2, с. 111].

В денотативный класс входят местные термины, в содержании которых закрепляется один и тот же денотативный компонент. Единицы денотативного класса проявляют жесткую ориентацию на некоторый объект, которая фиксируется либо планом содержания, либо планом выражения, поэтому использование денотативно связанной лексики позволяет преодолеть некоторую неопределенность в отборе материала для межъязыкового семасиологического анализа, которая нередко наблюдается в известных и новационных лексических группировках. Такой подход менее субъективен, так как способствует установлению естественной, стихийной классификации семантического пространства, сложившейся в языке в результате познавательной деятельности языкового сознания [3, с. 23].

Денотативно связанные местные термины имеются в обоих изучаемых языках, однако в английском языке местные термины

входят в состав только денотативного класса <ветер>, тогда как во французском языке местные термины встречаются в денотативных классах <ветер>, <облака> и <дождь>.

Местные термины в английском языке называют очень холодные пронизывающие ветры, направление которых указывается редко: *bleat wind* – ‘*wealden corruption of bleak wind, a very cold, piercing wind*’ [8, с. 10], *lazy wind* – ‘*a north-east wind that blows ferociously in winter was sometimes described as a lazy wind, because instead of blowing round you it tried to blow through you*’ [8, с. 62], *piercing wind* – ‘*a very bitter cold wind that chills the face and hands and seems to find its way through the thickest clothes and makes the person shiver and feel cold inwardly*’ [8, с. 78].

Во французском языке имеется группа местных терминов, в которых зафиксирована информация о тех сторонах света, откуда приходят воздушные массы: *vent de Lorraine* – ‘*qui soufflé du nord-ouest*’ [5, с. 5], *vent de Reppe* – ‘*vent du sud*’ [5, с. 5], *vent de sève* – *vent du sud*’ [4, с. 16].

В этом же денотативном классе французского языка много местных терминов, в которых указывается, из каких стран движутся ветры: *vent d’Egypte* – ‘*chaud vent*’, *bise de Russie* – ‘*bise*’, *vent de Prusse* – ‘*vent de sur les bois*’, *vent d’Ecosse* – ‘*vent d’écorce-veau, vent d’écorce*’ [7, с. 133].

Мы хотели бы привести выдержку из лингвогеографического атласа Н. Bourcelot, составитель которого на материале французских диалектных наименований ветра по направлению приходит к аналогичным выводам. Он пишет: «*Dans certains villages on appelle tel vent le bon vent et tel autre le mauvais vent. Souvent ces denominations suivent le temps sec ou pluvieux qu’il fait dans l’année. Si le temps est pluvieux, le bon vent est le vent du nord qui ramène le beau temps; au contraire, s’il ne pleut pas assez, le bon vent est celui qui amène la pluie. Mais il arrive que le bon vent et le mauvais vent soient fixes une fois pour toutes – il apparaît alors que le bon vent est en general le vent du nord et le mauvais vent – le vent du sud ou de l’ouest dans le sud de la Champagne, region plutôt humide et inversement* [4, с. 18].

Вместе с тем исследовательская картотека дает примеры семантического своеобразия французского языка. Так, лишь французские местные термины – названия ветров по направлению одновременно ассоциируются с другими природными явлениями или жизненными циклами животных / растений: *vent de Baume-les-Dames* – ‘*vent du nord, signe de beau temps*’ [5, с. 5], *vent de corbeau* – ‘*vent qui soufflé de l’est en automne pendant 15 jours sans pluie. Pendant ce temps, les corbeaux émigrent vers l’ouest et le sud-ouest*’ [5, с. 50], *vent de la poussée* – ‘*ветер роста; весенний юго-восточный ветер, который сопровождается теплой погодой для роста листвы*’ [1, с. 115] и др.

В отличие от английских, французские местные термины называют также облака, предвещающие другие природные феномены или появляющиеся после определенных явлений природы: *pan de neige* – ‘*grands nuages blancs qui annoncent la neige*’ [7, с. 103], *queue du dragon* – ‘*un nuage qui s’agite à l’ouest après la pluie*’ [5, с. 7], *queue de chat* – ‘*cirrus effilé, allongé en coup de balai. Il est en forme de fouet et, précurseur en effet d’une dépression barométrique, il présage du vent*’ [6, с. 177].

О семантической избирательности французского языка свидетельствует тот факт, что лишь в денотативном классе <дождь> французского языка группа местных терминов представлена названиями дождей, которые проливаются после или в сопровождении других природных явлений: *pluie de crapaud* – ‘*pluie sous un rayon de soleil*’ [5, с. 26], *pluie d’escargo* – ‘*la première pluie douce qui tombe après les gélées*’ [5, с. 26], *pluie de feuille-bois* – ‘*quand il pleut après les hales de mars*’ [5, с. 5] и др.

Межъязыковой сопоставительный анализ также показал, что французские местные термины гораздо чаще, чем аналогичные единицы английского языка, содержат яркий экспрессивно-оценочный компонент, который ощущается в их внутренней форме: *Lorraine beau bonnet* – ‘*ramène le temps au beau*’ [5, с. 5], *Lomont villain chapeau* – ‘*ramène le temps au beau*’ [5, с. 5], *tas de foin* – ‘*de gros nuages qui semblent rouler comme des boules*’ [5, с. 6] и др.

Семантическая аналогия между английским и французским языками экстралингвистически обусловлена некоторыми общими представлениями предков современных англичан и французов об устройстве мира. Она связана также с тем обстоятельством, что искони большая часть населения Англии и Франции была занята в сходных видах деятельности; на протяжении веков на основе языка повседневного обихода развивались сходные местные термины. Внутриязыковым фактором, обусловившим семантический параллелизм английского и французского языков, мы считаем принадлежность обоих языков к языкам аналитическим. Асимметрия семантической организации сопоставляемых языков связана с различной степенью проявления аналитических черт в английском и французском языках и неодинаковыми условиями бытования англичан и французов.

Библиографический список

1. Дерягин В. Я. Откуда дует ветер? // Русская речь. – 1967. – № 2.
2. Симашко Т. В. Денотативный класс как основа описания фрагмента мира : монография. – Архангельск : Изд-во Поморского гос. ун-та, 1998.
3. Симашко Т. В., Цапенко С. А. Типы денотатов как основание для структурирования денотативной сферы // Res philologica : ученые записки. Вып. 3 / отв. ред. Э. Я. Фесенко. – Архангельск : Поморский гос. ун-т, 2002.

4. Bourcelot H. Atlas linguistique et ethnographique de la Champagne et de la Brie. Vol. 1. Le temps. La terre. – Paris, 1966. – 305 p.
5. Dondaine C. Atlas linguistique et ethnographique de la Franche-Comté. Vol. 1. – Paris, 1972. – 298 p.
6. Esnauet G. Métaphores occidentales. – Paris, 1925. – 95 p.
7. Haust J. Atlas linguistique de la Wallonie. Vol. 3. Les phénomènes atmosphériques et les divisions du temps. – Liège, 1955. – 325 p.
8. Major A. A new dictionary of Kent dialect. – Meresborough, 1981. – 204 p.

ВЛИЯНИЕ МЕЖФРЕЙМОВЫХ ПРОЦЕССОВ НА ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ И СИНТАКСИСА ГЛАГОЛЬНЫХ ЛЕКСЕМ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

В. А. Кузьмичева, А. Н. Доборович

**Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, г. Белгород, Россия**

Summary. The article is devoted to the problem of practical application of the modern linguistic theory: frame semantics. The meanings of the verbs as the parts of language are investigated through their cognitive representation. The article deals with the problem of formation, description and representation of the frame components on the language level.

Keywords: frame semantics; cognitive representation; frame components.

В данной статье мы ставим перед собой цель представить когнитивный анализ глаголов с позиций фреймовой семантики. Объектом нашего исследования являются глаголы со значением «социальная деятельность по достижению цели»: aim, achieve, attempt, accomplish, deserve, fulfill, insist, manage, obtain, reach, succeed, try, wangle и др.

На функциональном уровне, благодаря совмещению значений предиката, субъекта, объекта и модификаторов смысла в предложении-высказывании, концепт «социальная деятельность по достижению цели» может быть вербализован не только глаголами с соответствующим системным значением, но и глаголами движения, попытки, борьбы и другими.

Иными словами, проанализировать особенности репрезентации указанного концепта английскими глаголами возможно через отнесение последних с когнитивной структурой, воплощающей знание и мнение носителей английского языка о значимых признаках данного концепта и участниках этой ситуации.

При фреймовом подходе в центр исследования ставятся когнитивные механизмы, которые, собственно, и порождают смысл слова, при этом фреймовая семантика позволяет выявить одновременно

семантические и синтаксические особенности лексической единицы, а также объяснить явления синонимии и полисемии.

Сам термин «фрейм» трактуется в лингвистике по-разному. Мы опираемся на толкование фрейма как некоего инструмента, дающего возможность привлекать необходимую часть экстралингвистической информации для понимания естественно-языкового сообщения. В наши намерения входит объединить и объяснить семантически родственные слова на фоне общего для них фрейма, а именно фрейма «социальная деятельность по достижению цели».

Данный фрейм является когнитивно-пропозициональной схемой, представляющей собой логически организованную структуру знаний, соотносимых с концептами «цель» и «деятельность». Исследование межфреймовых процессов заставляет обратиться к проблеме темпоральных и пространственных категорий в процессе концептуализации действительности.

Начнем с того, что Деятельность отделена от Цели временной протяженностью, тем самым она приобретает процессуальное значение. Если действие локализовано на линии времени в виде точки, то деятельность – процесс – в виде отрезка. Пространственная метафора времени – линия – порождает темпоральную метафору – путь.

Особенность анализируемой ситуации в том, что если Путь подразумевает, прежде всего, пространственно-временное перемещение, то Деятельность требует продвижения к цели, то есть к концу пути. Цель ограничивает процесс протекания Деятельности во времени. Иными словами, напрашивается вывод о том, что общим для исследуемого фрейма и фрейма «путь» является признак ДВИЖЕНИЕ.

Активизация данного компонента в структуре фрейма «социальная деятельность по достижению цели» позволяет передать идею продвижения субъекта к своей цели. Само представление о жизни как о движении вперед, о цели как атрибуте любой деятельности человека, а также о препятствиях на пути к достижению цели, т. е. непосредственно мировоззренческий фон делает образ пути одной из основных метафор для репрезентации данной ситуации.

Фрейм «путь» является, таким образом, смежным с фреймом «социальная деятельность по достижению цели», а репрезентирующие его глаголы активизируют компоненты исследуемого фрейма через актуализацию различных модификаторов смысла на уровне предложения-высказывания.

Данную лексико-семантическую группу формируют глаголы: *advance, arrive, approach, near, reach* и др., причем лексема *reach* занимает доминирующее положение (около 96,5 % от общего числа указанных глаголов). Следует также отметить, что возможность

репрезентации фрейма «социальная деятельность по достижению цели» у глагола reach наблюдается в 37, 7 % случаев от общего числа употреблений данной лексемы. Остальные глаголы демонстрируют гораздо более низкий показатель в 3–5 %.

Рассмотрим, как передается общая идея исследуемой ситуации на системном уровне. В словарных дефинициях это отражено через ЛСВ4, ЛСВ5, ЛСВ6. Например: to reach – ЛСВ4: to achieve an aim – to succeed in doing what you were trying to do: reach a decision/agreement/result, etc [3]. У лексемы approach это тоже ЛСВ4, однако в словарной дефиниции присутствует глагол reach: to approach – ЛСВ4: to almost reach a particular high level or amount, or an extreme condition, or state [3].

Принимая во внимание тот факт, что в структуре предложения-высказывания приведенные глаголы в первую очередь актуализируют фрейм «путь», можно выяснить, какие из его характеристик являются наиболее важными для говорящего и как пересечение смежных фреймов находит свое отражение на языковом уровне.

Концепты «путь» и «деятельность» можно схематично представить в виде дороги. Только в первом случае ее воображаемый конец упрется в физический объект реального мира, а во втором – уйдет в будущее, в область желаемого и потенциально достижимого. Проиллюстрируем сказанное на следующих примерах:

(1) At last the happiest of the happy moments arrived [4, p. 63].

(2) When we arrived at the station they told us that the train did not leave for Boston until eleven o'clock... [4, p. 165].

Приведенные примеры (1), (2) наглядно свидетельствуют о том, что фрейм «социальная деятельность по достижению цели» не активизируется, если при данных глаголах объект выражен конкретным существительным (местоимением) /пример (2)/. Абстрактное существительное в качестве объекта /пример (1)/, наоборот, способствует реализации исследуемого фрейма.

Объясняется это тем, что для концепта «путь» необходим своеобразный «пункт прибытия», реально существующий в мире. Цель, лежащая в основе ситуации социальной деятельности по достижению цели, существует, прежде всего, в сознании человека.

На основании сказанного можно сделать вывод, что при метафорическом употреблении глаголов указанной группы в структуре фрейма «социальная деятельность по достижению цели» активизируется факультативный признак ДВИЖЕНИЕ. В этом случае имеет место такое осмысление ситуации, при котором говорящий рассматривает затраченные или предстоящие усилия с точки зрения их протяженности во времени. На первый план выходит темпоральная характеристика ситуации.

Действительно, анализ языковой репрезентации фрейма «путь» показывает, что в его структуре непременно содержится компонент ВРЕМЯ, на языковом уровне получающий эксплицитное выражение.

(3) On May 26th they arrived in Boston and went to the Perkins Institution... [4, p. 137]

Фрейм социальной деятельности по достижению цели также допускает указание на время, однако «событийность» деятельности, придаваемая ей целью, ограничивает сочетание рассматриваемых глаголов с временными обстоятельственными выражениями.

(4) Before we parted, we discussed what our next step to be, but could arrive at no result [5, p. 369].

Окончание деятельности вызвано не физическим преграждением пути (например, достижением материально существующего объекта, как в примере (3), а субъективным концом, объективируемым абстрактными существительными *result, climax* /пример (4)/. Прекращение деятельности актуализируется и с помощью временного придаточного, а также герундия, указывающих на внешние раздражители, а не на объективное прекращение деятельности.

Представление процесса достижения цели в виде преодоления некоего пути расширяет возможности грамматического оформления. Так, семантика глаголов пути допускает употребление практически всех видовременных форм /примеры (5), (6)/.

(5) We and you too – you most of all, my dear boy – will have to pass through the bitter water before we reach the sweet [5, p. 205].

(6) «I shall always reach for the stars», Christina interrupted, smiling at Audra [1, p. 356].

Возможна и сочетаемость указанных лексем с модальными глаголами /пример (7)/.

(7) He would soon be alone with no one to talk to perhaps, and if a sympathetic understanding could be reached with this man now, so much the better [2, p. 492].

Всё сказанное позволяет представить исследуемую ситуацию в несколько ином свете – метафорическое осмысление характеризует ее с точки зрения процесса преодоления пути при достижении цели. Глагольные лексемы, репрезентирующие фрейм «путь», способствуют передаче субъективного восприятия указанной ситуации средствами языка. На когнитивном уровне это обеспечивается переструктуриацией фреймов, имеющих общие терминалы.

Библиографический список

1. Bradford B. T. Act of Will. – London : Grafton Books, 1988. – 526 p.
2. Dreiser Th. The Financier. – М. : Foreign Languages Publishing, 1954. – 566 p.

3. Hornby A. S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. – Oxford : Oxford University Press, 1982. – 1036 p.
4. Keller H. The Story of My Life. – New York : Dell Publishing, 1974. – 416 p.
5. Stoker B. Dracula. – Great Britain : Penguin Books, 1994. – 450 p.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА МНОГОЗНАЧНЫХ И ШИРОКОЗНАЧНЫХ СЛОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

З. Р. Каримова

**Национальный университет Узбекистана,
г. Ташкент, Узбекистан**

Summary. In given article problems which the translator while translating multiple-valued words faces are considered. Well-known that English language consists of set of such words. Special difficulty for the translator of the scientific and technical literature represent multicomponent terms, particularly, neologisms into which structure enter multiple-valued words. Thus, the translator is compelled to «weigh» continuously various lexical possibilities, synonyms and to select a word (or some words) which can reproduce value of the original to the full.

Keywords: multiple-valued words; polysemy; context; word meaning; translator; equivalent; theory and practice of translation.

Вопросом существования в языке двух схожих между собой, но принципиально различных лексических явлений – многозначности, или полисемии, и широкозначности, широты значения слова, – занимались многие исследователи как в области лексикологии и лексикографии, так и в области теории и практики перевода. Отмечается, что слово с «недифференцированным значением» (так условно называется слово широкой семантики) и многозначное слово переводятся на другой язык разными словами в зависимости от контекста.

Однако не всегда различные варианты перевода свидетельствуют о многозначности переводимого слова. Многозначное слово обозначает два или несколько различных понятий; что же касается слова с широким значением, то оно всегда обозначает одно понятие, которое является настолько широким, что охватывает ряд понятий, обозначаемых в другом языке разными словами.

В качестве примера многозначного слова приведем английский глагол *take*, который переводится как «делать, предполагать, зарабатывать на жизнь». Это же самое слово можно взять и как

пример слова с широким значением, когда оно переводится – «делать, совершать, производить, составлять».

Имеют место сближение, а подчас и затруднение дифференциации явлений широкозначности и полисемии, так же, как и у любого многозначного слова свойства полиденотативности, т. е. способности обозначать самые разнообразные предметы и явления окружающего мира.

Так, например, английское *eye* (многозначное слово) обозначает следующие разнообразные предметы окружающей действительности:

- 1) глаз, око;
- 2) глазок (для наблюдения);
- 3) ушко (иголки);
- 4) петелька (для крючка) и т. д.

Слово *thing* (слово широкого значения) обозначает практически всё, что можно мыслить, представлять, потрогать, почувствовать. Поэтому и в словаре его определение дается достаточно абстрактно.

Механический выбор значения многозначного или широкозначного слова по памяти или по словарю часто ведет к грубым искажениям смысла переводимого текста. Правильный выбор значения слова, прежде всего, определяется контекстом. Контекст может быть узким в пределах словосочетания или предложения: *demand and supply; direct supplies* – прямые поставки. *The supply of raw material is exhausted* – запасы сырья исчерпаны. Контекст бывает широким, когда значение слова можно понять только прочитав целый абзац или даже страницу.

Под понятием «значение слова» подразумеваются как твердо установившиеся за этим словом значения, так и значения субъективные, чисто контекстуальные, определяемые данным лексическим окружением.

Текстуальные значения слов нередко приходится определять самостоятельно, т. к. они обычно значительно отличаются от словарных. Например, в предложении: *This project had a total personnel nearly 3900, all working in closest cooperation, under high pressure and the strictest secrecy* – слово *project* имеет значение «строительство», «стройка». Слова *to work at high pressure* в словаре Мюллера переводятся как «работать быстро, энергично», однако в рассматриваемом примере лучше прибегнуть к иному переводу: «В общем, на строительстве было занято 3900 человек, причём все они работали в тесном сотрудничестве, с большим напряжением, в условиях строжайшей секретности».

Многозначность слова выражается также в том, что слова употребляются в конкретном и абстрактном значении. Поэтому при конструировании общего значения слова приходится идти от конкретных, проявляющихся в речи лексико-семантических вариантов к некоей абстракции, которая должна воплотить в себе группу признаков, общих для всех конкретных реализаций данного слова.

Например: *This company has given formal declaration that it will not approve the activity of its competitors.* Здесь *formal* означает не «формальный», а «официальный». Такие английские слова, как *way* – «путь, образ, способ», *student* – «студент, изучающий что-либо», *field* – «поле, область», *face* – «лицо, фасад, внешний вид, поверхность», и многие другие, неправильно поняты в контексте в конкретном значении вместо абстрактного, совершенно искажают смысл предложения.

Например: *Mendeleev was a great student of chemistry*, где слово *student* переводится как «исследователь». *Our geologists have recently found a new gold field in Navoi*, где слово *field* – месторождение. *There are no two way about the importance of personal computers.* – Не может быть двух мнений о значении персональных компьютеров.

Известно, что современная научно-техническая литература характеризуется большим насыщением специальными терминами, т. е. словами, обозначающими понятия о предметах и явлениях той или иной отрасли науки и техники. Особую трудность для переводчика научно-технической литературы представляют многокомпонентные термины, в частности неологизмы, в состав которых входят многозначные либо широкозначные слова.

Так, например: *regular event* – регулярный язык (распознаваемый конечным автоматом); *input / output bus* – шина ввода / вывода; *field-replaceable unit* – компоновочный (сборочный) узел (заменяемый как единое целое).

В заключение можно сказать, что основной трудностью при переводе текста с английского языка, в частности научно-технического, содержащего большое количество многозначных и широкозначных слов, является выбор подходящего слова-эквивалента. Переводчик как бы непрерывно взвешивает различные лексические возможности, синонимы и, опираясь на свои лингвистические знания и опыт, осмысление контекста и знание предмета (тематики переводимого текста), отбирает слово (или несколько слов), которое может в полной мере воспроизвести значение оригинала.

نگاهی واژه شناختی به ابزار پخت نان سنگک در رشت (گیلان)

دکتر علی رفیعی جیردهی، فیروز رحیمی طلب
دانشگاه گیلان، رشت، ایران

Summary. Jobs, in any place, in addition to employment and economic value, are also important in the cultural, social, and language issues, and can be investigated from different aspects; the research data, in addition to understanding research subject, is also important to know about people and their ways of life. The word «Sangak» is a Persian word that is composed of a noun and the suffix 'K' – meaning small. Because this bread is placed of small stones for baking, it is called «Sangak». This bread, among different types of bread is considered flat bread which is one of the most popular types of bread in the world. It is estimated that the number of people who use this type of bread is more than 1/8 billion people, which includes people of Central America, the countries of Southern Europe, Scandinavia, North Africa, Middle East countries, including Iran, Turkey, the Caucasus countries, including Georgia, Azerbaijan, Armenia, Turkmenistan, Uzbekistan, Tajikistan, and, also, countries such as Afghanistan, Pakistan, India, Bangladesh and part of China. «Sangak» bread, because of its archaism as well as nutritional value, especially if it is cooked traditionally, has many fans. According to the fact that this method is being replaced by modern methods and machines, its traditional cooking tools are being forgotten. In this paper, it is attempted to introduce these tools, at least in a region of the country, before the expressions and words relating to these tools die or being forgotten. This region includes the city of Rasht, which is the center of Guilan province.

Keywords: Iran; Rasht; Terminology; Bakery Terms; Sangak.

چکیده

مشاغل در هر مکانی علاوه بر ارزش های شغلی و اقتصادی، در امور فرهنگی، اجتماعی و زبانی نیز دارای اهمیت هستند و از جهات و ابعاد مختلف جای تحقیق و بررسی دارند و اطلاعات حاصل از تحقیقاتی از این دست، علاوه بر شناخت موضوع تحقیق برای آشنایی با مردم و شیوه زندگی آنها نیز مهم است.

کلمه «سنگک» واژه ای است فارسی که از اسم و پسوند تصغیر «ک» تشکیل می شود. چون این نان، برای پخت، بر روی سنگ های کوچک قرار می گیرد، به آن سنگک گویند. نان سنگک، در میان نان ها، جزو نانهای مسطح به حساب می آید که یکی از عمومی ترین نان ها در جهان است. تخمین زده می شود که تعداد کسانی که از این دست از نان را مصرف می کنند بیش از یک میلیارد و هشتصد هزار نفر باشد که مشتمل است بر جمعیت آمریکای مرکزی، کشورهای از جنوب اروپا، کشورهای اسکاندیناوی، کشورهای شمال آفریقا، کشورهای خاورمیانه نظیر ایران، ترکیه، کشورهای حوزه قفقاز، نظیر گرجستان، آذربایجان، ارمنستان، ترکمنستان، ازبکستان، تاجیکستان، و نیز کشورهای افغانستان، پاکستان، هندوستان، بنگلادش و بخشی از چین.

نان سنگک به خاطر قدمت و همچنین ارزش غذایی در ایران طرفداران زیادی دارد، خصوصاً اگر به شیوه سنتی پخت شود. با توجه به این که این شیوه، روز به روز جای خود را به شیوه های مدرن می دهد و ماشین جایگزین دست می شود، ابزار پخت سنتی آن نیز رو به فراموشی است. ما در این مقاله

کوشیده ایم که این ابزار را قبل از فراموشی و مرگ لغات و اصطلاحات مربوط به آن، حداقل در یک منطقه از ایران، معرفی کنیم. این منطقه شامل شهرستان رشت است که مرکز استان گیلان است. وازه های کلیدی: ایران، رشت، وازه شناسی، اصطلاحات نانوائی، سنگک

مقدمه

استان گیلان در جنوب دریای خزر و شمال رشته کوه البرز واقع شده است و به علت نزدیکی به دریا و رشته کوههای البرز بیش از هر جای دیگر در ایران دارای بارندگی است که باعث پوشش گیاهی مناسب در این ناحیه شده است. گیلان در شمال ایران و 36 درجه عرض شمالی و 48 درجه طول شرقی از نصف النهار قرار گرفته است. «(سازمان برنامه و بودجه، 86: 24) بخشی از جلگه ساحلی دریای کاسپین و کوهپایه های تالش و البرز، قلمرو استان سرسبز و زیبای گیلان است آب هوای گیلان معتدل و مرطوب است که ناشی از همجواری با دریای کاسپین و رشته کوههای البرز است.

موقعیت جغرافیایی و طبیعی شهرستان رشت

شهرستان رشت در شمال ایران و در مرکز جلگه گیلان، بین 37 درجه و 30 ثانیه تا 37 درجه و 27 دقیقه و 20 ثانیه عرض شمالی و طول جغرافیایی 49 درجه و 27 دقیقه و 42 ثانیه تا 49 درجه و 55 دقیقه و 18 ثانیه شرقی قرار گرفته است. این شهرستان با مساحت 1251/6 کیلومتر مربع؛ از شمال به دریای کاسپین، از شرق به استان اشرفیه، لاهیجان و سیاهکل، از جنوب به رودبار و از غرب به انزلی، صومعه سرا و شفت محدود است.

این شهرستان از 6 شهر، 6 بخش و 18 دهستان و 294 روستا تشکیل شده است که 2 روستای آن خالی از سکنه و از 292 روستای مسکونی 283 روستا دارای 20 خانوار و بیشتر می باشند. شهرهای رشت عبارتند از: بخش خشکیجار (دهستانهای حاجی بکنده خشکیجار و نوشهر خشکیجار)، بخش خمام (دهستانهای چوکام، چاپار خانه و کته سر خمام)، بخش سنگر (دهستانهای اسلام آباد، سراوان و سنگر)، بخش کوچصفهان (دهستانهای بلسینه، کنار سرو لولمان)، بخش لشت نشا (دهستانهای جیرنده، لشت نشا، علی آباد زیبا کنار و گفشه لشت نشا)، و بخش مرکزی (دهستانهای پسیخان، پیر بازار، حومه و لاکان)، مرکز شهرستان رشت، شهر رشت است که مرکز استان گیلان نیز میباشد. (اصلاح عربانی، 1385: 85)

نان

از سالهای بسیار دور غلات به صورت مختلف به عنوان پایه اصلی غذای قسمت اعظمی از مردم جهان بوده و هنوز هم این مقام را در تغذیه مردم حفظ نموده است. اطلاعات موجود مبتنی بر دانش امروزی این امر را تا 6000 سال پیش تأیید نموده و در بررسیهای باستان شناسی دلایل غیر قابل تردیدی در این زمینه به دست آمده است. مصرف غلات در تغذیه، از مراحل ابتدایی و به صورت دانه بو داده شروع گردیده و سپس مراحل تکاملی و یا در انواع مختلف رشته، ماکارونی، شیرینی، بیسکویت و ... نقش عمده ای را در تغذیه، صنایع غذایی و سایر فرآورده های مشابه به عهده دارد. لازم به توضیح است که روند تکاملی اشکال و انواع مختلف فرآورده های غلات هماهنگ و براساس سایر تغییرات و تحولات تکنولوژیکی و به تبع آن اقتصادی و اجتماعی جوامع بوده است؛ با

این وجود سایر فرمهای مختلف نان و محصولات بدست آمده از غلات، در پاره‌ای از جوامع کم و بیش به شکل اولیه خود وجود دارد.

یکی از مهمترین مراحل تکامل و پیشرفت در تاریخ بشر، گرایش انسان اولیه از شکار به سوی کشت و زرع بود. این تغییر از زمانی که انسان محل ثابتی را برای زیستن انتخاب نمود، به وجود آمد. تصور می‌رود، بذر، ابتدا بدون انجام عملیاتی بر روی آنها، به صورت خام مصرف می‌گردیده که پس از دستیابی به آتش، عملیات آماده‌سازی بر روی آن انجام شده است. اولین مرحله آماده‌سازی، قرار دادن سنبله غلات روی آتش بوده است که دانه پس از بو دادن از غلاف خارج و مورد استفاده واقع گردیده است. مراحل مختلف آماده‌سازی دانه‌های غلات را در طول تاریخ تکاملی بشر می‌توان به صورت زیر تصور کرد:

در مرحله ابتدایی مصرف غلات با ساقه و پوسته بوده است که مشکلاتی در هضم و جذب آن بوجود می‌آورد. بعدها با اصطحکاک دانه‌ها به یکدیگر قسمتی از پوسته را از دانه جدا نمودند که مقدمه ای بود برای پدیده ای که به آن خرمن‌کوبی می‌گویند.

مراحل بعد عبارت بودند از خرد کردن دانه، مخلوط کردن بافت تشکیل دهنده دانه نرم و ریز شده با آب که در نهایت منجر به تولید خمیر و پخت آن بر روی آتش گردید. این در واقع اولین نان به شکل امروزی بود که اثر سیر کنندگی بیشتری نسبت به دانه خام داشت.

آنچه درباره تاریخ نان تا 6000 سال سخن به میان آمد، در واقع منظور مصرف غلات به صورت اعم می‌باشد، در حالیکه نان تهیه شده با خمیر ترش یا مخمر نتیجه ابتکار غیر منتظره‌ای بوده است. در افسانه‌ها آمده است که نانوای فرعون به دلیل فراموشی، خمیر مانده و ترش شده را به خمیر اضافه می‌نماید که در نتیجه آن کیفیت نان بهبود قابل ملاحظه‌ای پیدا نمود که این مقدمه ای برای استفاده از خمیر ترش گردید. (رجب زاده، 1375: 3)

تهیه نان با استفاده از خمیر ترش و به صورت نازک و مسطح باعث گردید که در اثر تخمیر، نان حاصل پوک و از حالت سفت و سختی خارج و قابلیت جویدن بهتری پیدا نماید. از این برهه صدها سال گذشت تا در اثر پیشرفت و توسعه صنعت مخمرسازی نانهای حجیم امروزی به وجود آمد که این موضوع نیز به نوبه خود باعث شد که غله مورد نظر برای تهیه نان، محدود به گندم و چاودار شود.

براساس آمار به دست آمده حدود 50% درصد از مردم جهان از نانهای حجیم در تغذیه استفاده می‌نمایند. نیمی دیگر که در مرکز آمریکا و بخشهایی از آمریکای جنوبی- آفریقا و قسمتهایی از شرق و جنوب شرق آسیا قرار دارند (ایران و اکثر کشورهای عربی نیز در این مجموعه قرار می‌گیرند) از نان مسطح و نازک نیز تغذیه می‌نمایند. (رجب زاده، 1375: 3)

نان‌های مسطح

نانهای مسطح عمومی‌ترین نانها در جهان هستند. ظاهراً تعداد کسانی که انواع نان مسطح سنتی را مصرف می‌کنند بیش از یک میلیارد و هشتصد هزار نفر است. این تعداد مشتمل است بر جمعیت آمریکای مرکزی (که توریتلاس تهیه شده از ذرت و گندم را مصرف می‌کند)، کشورهای از جنوب اروپا (که پیزا، نوکاجیا، سیابنا، و پیتا در آنجا مصرف عمومی دارد)، کشورهای اسکاندیناوی (انواع نانهای مسطح قابل لوله شدن تهیه شده از چاودار، جو، گندم و دیگر دانه‌های غله در آن مصرف

عمومی دارد)، کشورهای شمال آفریقا (که خبز الدار، بلدی، کسرا، شمسی، اینجرا، و انواع دیگر نانهای مسطح در آنها مصرف عمومی دارد). همچنین کشورهای خاورمیانه نظیر ایران، ترکیه، و جمهوری‌های حوزه قفقاز، مانند گرجستان، آذربایجان، ارمنستان، ترکمنستان، ازبکستان، تاجیکستان (که انواع زیادی از نانهای مسطح تهیه شده از طیف گسترده‌ای از غلات، عمدتاً گندم در آنجا به طور سنتی مصرف روزانه دارد)، یا کشورهای افغانستان، پاکستان، هندوستان، بنگلادش و بخشی از چین (که چاپاتی، تندور، نان، دوسایی و غیره غذا اصلی توده‌های مردم آنهاست). مصرف نانهای مسطح به این کشورها محدود نمی‌شود. عمومیت یافتن پیزا، پیتا، و اخیراً توریتلاس در ایالت متحده آمریکا کانادا، اروپا استرالیا و دیگر کشورها نشانه روشنی است از ارزش بازار آینده این نانها و همه نانهای طبیعی، پر الیاف (فیبر) و سالم مسطح دیگر. (قارونی، 1382: 1)

نان های مسطح معمولاً از یک نوع آرد تهیه می‌شود ولی گاه از ترکیب دو یا چند نوع آرد نیز به دست می‌آید؛ مانند گندم، ذرت، چاودار، جو، ارزن یا برنج. این آردها با دیگر اجزای اساسی یا اختیاری مخلوط و پس از فرآیند تخمیر به صورت نان های متعدد و مختلف درآمده، پخته و مصرف می‌شود.

نان سنگ

«سنگک» (سنگ + ک)، لغتی است فارسی که از اسم و پسوند تصغیر «ک» تشکیل می‌شود. چون این نان، برای پخت، بر روی سنگ های کوچک قرار می‌گیرد، به آن سنگک گویند. نانی که بر سنگ پخته می‌شود؛ امروزه نیز سنگک گویند. نام نانی است که چون خمیر آنرا بر روی تنور که پر از سنگ ریزه است اندازند با این اسم موسوم شده (دهخدا، 1339: 681) از پیشینه «نان سنگ» و «نانوایی های سنگک پزی» و از تاریخ پیدایش آن در ایران اطلاع دقیقی در دست نیست. ظاهراً پختن این گونه نان از قبل از زمان صفویه در ایران مرسوم و متداول بوده. دلیل ما یکی قول مؤلف فرهنگ برهان قاطع است در معنی واژه «سنگک» که در سال 1062 هجری قمری نوشته شده. مؤلف این فرهنگ در معنی واژه سنگک می‌نویسد: «... و نوعی از نان هم هست که بر روی سنگریزه‌های گرم بپزند». (خلف تبریزی، ج 2: 1179) در سایر فرهنگ های فارسی نیز که پس از برهان قاطع تألیف شده است از این نان یاد شده است.

دیگر شرح کوتاه شاردن، سیاح فرانسوی است درباره چگونگی نان سنگک در سیصد سال پیش از این شاردن در کتاب سیاحتنامه خود می‌نویسد: «قسم دیگر سنگک است، که به معنی نان سنگ ریز می‌باشد چون آن را در کوره‌هایی که به مانند اجاقهای اروپایی ساخته شده و کف آن از سنگ ریزه‌هایی به درستی گردو یا (فندق) بقدر دو انگشت مستور گشته است، می‌پزند. این نان (سنگک) از نان معمولی (تافتون) ضخیم‌تر می‌باشد. و شکل آن دراز و یک کیلو و نیم وزن دارد. نانوایان برای صرفه‌جویی در سوخت هیزم آن را روی سنگ ریزه می‌پزند. چون سنگریزه‌ها حرارت را خوب جذب و حفظ می‌کنند و زودتر خمیر را می‌پزند. اما بعضی جاهای این نان کمتر از قسمتهای دیگر پخته است.» (سیاحتنامه شاردن، جلد 4، ص 293) (مجله هنر و مردم شماره 75 و 74، آذر و دی ماه 1347، صص 43-31).

نان سنگک در رشت

هم اکنون بر طبق آمار ارایه شده توسط اتحادیه صنف نانوایی‌های شهرستان رشت تعداد 36 باب نانوایی سنگک در سطح شهرستان رشت مشغول به فعالیت هستند که در میان دیگر انواع نان از

همه کمتر است که از این تعداد 17 باب از تنور سنگی سنتی و 19 باب از تنور سینی صنعتی جهت پخت نان سنگک استفاده می‌کنند. با توجه به هزینه بالای تولید، سختی و مشقت کار، و همچنین مسائل بهداشتی در تولید نان سنگک، تعداد واحدهای تولیدی این نوع نان رو به کاهش است.

نان های سنگک تولید شده در شهرستان رشت تقریباً به طول حدود 70-80 سانتیمتر، عرض 30-35 سانتیمتر و ضخامت 4-5 میلیمتر است که شکل آن کم و بیش شبیه به مخروط یا سه گوش می‌باشد.

ابزار کار در نانوایی سنگی

1. هم زن برقی: جهت مخلوط کردن ترکیبات خمیر از این وسیله استفاده می‌کنند. (شکل 1) در گذشته که این وسیله نبود، نانوایان با دست آرد را به خمیر تبدیل می‌کردند که هم دشوار بود هم زمانبر.
2. الک: غربال، ابزاری است که جهت گرفتن سبوس اضافی آرد و ضایعات آرد استفاده می‌شود. (شکل 2) این کار نوعی مراقبت بهداشتی است تا نانوایان از پاک بودن نان اطمینان حاصل کنند.
3. پارو: ابزاری است که خمیر را روی آن پهن می‌کنند و به وسیله آن نان را به داخل تنور انتقال می‌دهند. پارو از دو قسمت تشکیل می‌شود: صفحه و دسته. صفحه سر پارو است که خمیر را روی آن می‌ریزند و با دست پهن می‌کنند. اندازه صفحه معمولاً 40×40 و ضخامت آن $1-1/5$ سانتیمتر است که معمولاً از جنس چوب است با روکش فیبر. صفحه بر روی دسته پارو که $3/20$ تا 3 سانتی‌متر طول دارد، میخ یا پرچ می‌شود. (شکل 3)
4. دستاب: ظرفی است با مقداری آب که هنگام پهن کردن خمیر بر صفحه پارو، دست را درون آن می‌کنند تا خمیر به دست نچسبد و شاطر بتواند به راحتی خمیر را روی صفحه پارو چنگ زده و پهن نماید. دستاب معمولاً بر طاقچه سمت چپ شاطر قرار می‌گیرد. (شکل 4، دستاب)
5. کاردک یا تیغک: وسیله‌ای است با تیغه‌ای فلزی و دسته‌ای چوبی یا پلاستیکی که در ابعاد مختلف ساخته می‌شود. این وسیله کاربردهای مختلف و متعدد دارد؛ مانند: تمیز کردن هم زن و تگار و ابزارهایی که با خمیر در تماس هستند و همچنین جهت جدا کردن میزان دلخواه خمیر از آن استفاده می‌شود.
6. دوشاخه: میله‌ای است با دو شاخک که ته یا دم پارو داخل آن قرار می‌گیرد. دوشاخه در گذشته از چوب ساخته می‌شد ولی امروزه بیشتر از جنس آهن است. بلندی دو شاخه حدود $1/10$ تا $1/20$ سانتی‌متر است. (شکل 5)
7. سنگ کوب: ابزاری است چوبی که جهت صاف و یکنواخت کردن ریگهای کف تنور از آن استفاده می‌شود. سر سنگ کوب از جنس چوبهای سنگین به ابعاد تقریبی $40 \times 20 \times 10$ ساخته می‌شود و دسته آن نیز باید از جنس بهترین و مقاومترین چوبها به طول 3 متر باشد که در سوراخی که در پهلو سر کوب شده است قرار می‌دهند. (شکل 6)
8. چیلیک: پس از هم خوردن آرد و به خمیر تبدیل شدن آن، خمیر را در ظرفی می‌ریزند که به آن چیلیک گویند؛ به عبارت دیگر چلیک ظرفی است که شاطر خمیر مورد استفاده جهت گذاشتن بر روی پارو را در آن ریخته و از داخل آن بر می‌دارد. این ظرف در گذشته از چوب ساخته می‌شد ولی امروزه یا از فلز است یا از پلاستیک محکم. (شکل 7)
9. سیخچه: میله‌ای است فلزی، به طول تقریبی $2-2/5$ متر که جهت در آوردن نانهای جلویی تنور استفاده می‌شود. این میله از سیخ یا چوب شاگردی کوتاهتر است.

10. سیخ (چوب شاگردی): میله‌ای فلزی یا چوبی است به طول 3-3/5 متر که جهت در آوردن نانهای بغل و آخر تنور از آن استفاده می‌شود. (شکل 8)

امروزه در نانوایی‌های سنگی که تنور آن سینی مانند است به جای سیخ (چوب شاگردی) از میله‌ای فلزی به طول 120 سانتی متر که سر آن را تیغه‌ای فلزی جوش داده‌اند استفاده می‌کنند. در ضمن پاروی مورد استفاده در این نانوایی‌ها به همان شکل است با این تفاوت که دسته آن کوتاهتر است.

شکل‌ها

کل 1، هم زن برقی

شکل 2، الک (غربال)

شکل 3، پارو

شکل 4، دستاب

شکل 5، دوشاخه

شکل 6، سنگ کوب

شکل 7، چیلیک

شکل 8، سیخ شاگردی

منابع

1. اصلاح عربی، 1385، کتاب گیلان، گروه پژوهشگران، رشت
2. انوری، حسن، 1381، فرهنگ بزرگ سخن، سخن، تهران
3. بلوکباشی، علی، 1347، واژه سنگک و پیشینه سنگک پزی در ایران، مجله هنر و مردم شماره 75 و 74، آذر و دی
4. خلف تیریزی، محمدحسین، 1361، برهان قاطع، امیرکبیر، تهران
5. دهخدا، علی اکبر، 1339، لغت نامه، انتشارات دانشگاه تهران
6. رجب زاده، ناصر، 1375، تکنولوژی نان، انتشارات دانشگاه تهران.
7. سازمان برنامه و بودجه، 1386، سالنامه آماری استاد گیلان، رشت
8. شاردن، ژان، 1345، سیاحتنامه شاردن، ترجمه محمد عباسی، امیرکبیر، تهران
9. قارونی، جلال، 1382، فناوری نان مسطح، مرکز نشر دانشگاهی، تهران
10. معین، محمد، 1388، فرهنگ معین، امیرکبیر، تهران

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ КАТЕГОРИАЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКА

Е. В. Шавелашвили

Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко, г. Киев, Украина

Summary. The article describes the categorical semantics of the Turkish adjective that is defined as semantic-grammatical class of words. Categorical semantics of the adjective 'static (non-procedural) features of objects' functionality is implemented in attributive, predicative and attributive-predicative syntactic relationships.

Keywords: adjective static attribute object attribute relationship; predicate relationship; indirect definition.

Слово как объект частеречевой классификации синтезирует и лексическую и грамматическую семантику, поэтому нельзя утверждать, что лексические значения слов совершенно не влияют на определение частей речи, которые являются классами этих слов. Однако классификация лексем по частям речи обусловлена закрепленными за ними грамматическими функциями. Базовым теоретическим положением исследования является понимание части речи как грамматического явления – семантической категории грамматического порядка, определяемого на основе частеречевого категориального значения.

В представленном исследовании определение прилагательного как части речи – семантико-грамматического класса слов турецкого языка – основано на гетерогенном принципе классификации, который базируется на сочетании трех критериев: семантического, синтаксического и морфологического. Эти критерии взаимосвязаны и составляют иерархически упорядоченную последовательность

трех принципов анализа слов турецкого языка, что отражает системно-структурные отношения слова как знаковой единицы языка на грамматическом языковом уровне. «В грамматической системе языка, которая является определенной целостностью, выделяются узловые звенья, объединяющие слова в грамматические разряды. Каждый такой разряд слов занимает в грамматическом строе языка определенное место. Он противопоставляется всем другим грамматическим разрядам слов и одновременно объединен с ними в одно целое как компонент единой грамматической системы» [5, с. 284].

Категориальная семантика прилагательного 'статический признак предмета' входит в общезыковую семантическую категорию качества, формирует функционально-семантическое поле, к которому принадлежат слова разных частей речи, но 'статический признак предмета' выделяется в отдельную частеречевую категорию. Поэтому такая семантика характеризуется статичностью и зависимостью от предмета как носителя этого признака. По теории номинации прилагательное автономно, не соотносится с денотатом, а только через посредство обозначаемого им существительного, поэтому семантика 'статический признак предмета' двухкомпонентная, она объединяет лексическую сему (название признака) и грамматическую сему 'означающее отношение' (зависимость от носителя признака – существительного). Прилагательные выражают статический признак – качество, свойство, отношение, которое непосредственно или косвенно характеризует предмет (человека), названный существительным. Такая семантика обобщается в семантическую категорию 'статический признак предмета', которая определяется обобщенным вопросом *nasıl?*.

Вопрос *nasıl? (büyük (nasıl?) ← orman /большой лес/)* указывает на обобщенную категориальную семантику прилагательного: в представленном примере это означает, что признак *büyük /большой/* характеризует любой *orman /лес/*. Помимо вопроса *nasıl?*, прилагательные отвечают на вопросы *hangi? kaçınıcı? kiminki?*, которые дифференцируются в зависимости от конкретной речевой ситуации и специфики лексической семантики прилагательного. Вопрос *hangi? (büyük (hangi?) ← orman /большой лес/)* указывает на признак и выражает референцию к конкретной ситуации, описываемой в предложении: в представленном примере вопрос *hangi?* указывает на то, что именно конкретный *orman /лес/*, о котором говорится в предложении, *büyük /большой/*. Вопрос *kaçınıcı? (ikinci (kaçınıcı?) ← sınıf /второй класс/)* указывает на признак по порядку при счете. Вопрос *kiminki?* указывает на признак предмета по его принадлежности существам – людям, реже – животным (*anneninki (kiminki?) ← /мамино платье/*).

Категориальная семантика 'статический признак предмета' может оформляться в турецком языке лексико-морфологически и / или функционально-синтаксически. Прилагательные, называющие признак, который мыслится категориально вне контекста, как признак предмета: *ılık* /теплый/ (*nasıl? hangi?*), *soğuk* /холодный/ (*nasıl? hangi?*), *beşinci* /пятый/ (*kaçıncı?*), *bulutlu* /облачный/ (*nasıl? hangi?*), – выражают лексически семантику признака, которая передается морфологическим строением слова:

1) в непроизводных прилагательных и прилагательных, образованных на базе непроизводных (качественных) прилагательных, 'статический признак предмета' выражается корнем / основой слова синкретично: выражает сам признак и отношение этого признака к обозначаемому предмету, поскольку ономаσιологически признак не существует без предмета, который он характеризует, индивидуализирует, выделяет среди других предметов: *iyi* /хороший/ (*nasıl?*), *kötü* /плохой/ (*nasıl?*), *iyi-cik* /добренький/ (*nasıl?*), *kötü-cük* /плохой/ (*nasıl?*);

2) производные прилагательные, образованные на базе лексики других частей речи, – морфологические атрибутивы – называют признак предмета по отношению к иной реалии действительности (предмету, количеству, действию), поэтому морфологическое строение таких прилагательных отражает эти отношения специальными словообразовательными аффиксами: образующая основа называет явление действительности (лексическая сема), на основе которого формируется отношение, а словообразовательный аффикс выражает атрибутивные отношения (грамматическая сема): *geçmek* /проходить/ → *geç-eğen* /временный/; *insan* /человек/ → *insan-cil* /человечный/; *bir* /один/ → *bir-inci* /первый/.

Такие слова вне контекста отвечают на вопросы *nasıl?*, что подтверждает выраженная ими категориальная семантика 'статический признак предмета' и позволяет квалифицировать их как лексические прилагательные – адъективы.

Реализуясь в речи, лексические прилагательные дублируют свою категориальную семантику на синтаксическом уровне, так как в процессе номинации объединяются признак (прилагательное) и его носитель (существительное) в составе комплексной структуры. Эта связь осуществляется на уровне синтаксиса двумя способами. Первый – в препозиции к обозначаемому существительному прилагательные выражают атрибутивные отношения в функции определения. Второй – в постпозиции к обозначаемому существительному-подлежащему прилагательные выражают предикативные отношения как сказуемое (непосредственно) или как часть именного сказуемого (через глагол-связку). «Предикативная качественность (*Сестра больна* и т. д.) дискретная: обозначаемый признак

приписывается его носителю, выражая основное содержание акта предикации. Связь между признаком и ее носителем устанавливается в результате этого акта. Раздельное приводится в связь, но никогда не сливается в единое целое: этому противоречит дискретное представление предиката относительно субъекта. Иной характер имеет атрибутивное качество. Дискретность в этом случае не столь ярко выражена. Она сохраняется только потому, что конкретный признак может сочетаться не только с конкретной одной субстанцией, но и с другими определяемыми объектами (ср. высокий человек, высокий дуб т. д.)» [1, с. 312].

Способность прилагательного выполнять атрибутивную и предикативную функции определяют и современные турецкие грамматисты. «Например, *eski bina* /старый дом/ и *bina eskidir* /дом старый/, в обоих этих вариантах используется прилагательное *eski*, но в первом случае в функции определения, а во втором – части именного сказуемого. В первом случае значение прилагательного определяет и ограничивает другой элемент значения. Мы можем перефразировать это словосочетание как 'старость определена домом'. Во втором же случае указывается на основной элемент содержания, описывается одна из возможных характеристик предмета, перефразируем 'дом имеет признак старости' – это и есть предикативная функция прилагательного» [8, с. 304].

Атрибутивные синтаксические отношения прилагательного грамматически оформляются придаточной связью прилегания препозитивного прилагательного к означаемому существительному, в них прилагательное выполняет функцию определения. Препозиция к существительному в атрибутивном словосочетании не требует от прилагательного дополнительных морфологических показателей категориальной семантики и не вызывает вариативности прилагательной лексемы, в этой синтаксической позиции прилагательное реализуется всегда в одной морфологически неизменной форме. Выступая в функции сказуемого, прилагательное выражает признак предмета названного подлежащим. Предикативные синтаксические отношения между подлежащим и сказуемым, выраженным прилагательным, могут грамматически оформляться двумя способами, которые определяют структуру предиката (простое сказуемое или сложное двучленное сказуемое) и два типа синтаксической связи с подлежащим.

Предикативная функция прилагательного не изменяет его категориальную семантику 'статический признак предмета' на 'динамический признак предмета', т. е. предикативные прилагательные не приобретают глагольной категориальной семантики. Локализация прилагательного признака во времени актуализирует этот при-

знак – выражает отношение признака субъекта к конкретной ситуации действительности, т. е. осуществляет предикацию: предикативное прилагательное образует предложения и выражает отношение предложения к действительности: *Sonbahar (nasıl olacak?) geç olacak /Весна (nasıl olacak?) будет поздней/*.

Отдельную группу в лексическом составе прилагательных составляют качественные прилагательные, которые, кроме функции определения и сказуемого, могут, по утверждению лингвистов-тюркологов, выступать в синтаксической функции обстоятельства образа действия [7, с. 233]. Руководствуясь функциональным критерием, такие слова традиционно относят к наречию. Семантически такие слова выражают признак, который ничем не отличается от признака прилагательного, но в пределах наречия противопоставляется по семантике другим наречиям. Традиционно наречия делятся на два семантико-функциональных разряда: наречия определительные *hızlı çalışıyorum /быстро работаю/* и наречия обстоятельственные *kışın /зимой/, akşamleyin /вечером/*. Вопрос о различии между определительными и обстоятельственными значениями второстепенных членов предложения, в частности обстоятельств, достаточно подробно рассматривался в русском языкознании. В частности, А. А. Шахматов [6, с. 399–406] выделяет особую группу так называемых определительных обстоятельств, в роли которых выступают наречия образа, деепричастия, в том числе деепричастные обороты. Особенность определительных обстоятельств определяет и А. М. Пешковский [4, с. 201]. В. В. Данилов отмечает, что такие слова, как *громко, неподвижно, весело* означают способ действия, но определять их как обстоятельства образа действия неправильно. «С грамматической стороны, лучше назвать их определения к глаголу, или чтобы не нарушать установленной системы грамматических представлений, которая относит определение только к существительным, стоит говорить об определении способа действия, но, во всяком случае, не об обстоятельстве» [2, с. 59]. Особенности семантики определительных наречий позволили по-новому квалифицировать наречное значение этих слов. В частности, в украинском языкознании И. К. Кучеренко рассматривает определительные наречия как второстепенные члены предложения, которые выражают признаки признаков и имеют означающее отношение к другим членам предложения (сказуемому и определению), с которыми они связываются [3, с. 344].

Косвенные определения выражают косвенный признак предмета, т. е. через отношение его к другому признаку. Такие определения выступают в роли распространителей непосредственного признака предмета – сказуемых и присубстантивных определений, а также

могут выражать определительные отношения к другим косвенным определениям. Косвенные определения формально-синтаксически соединяются с помощью придаточной связи прилагания с глаголом (*Ben neşeli konuşuyorum /Я говорю весело/*) или прилагательным (*çok neşeli oğlan /очень веселый парень/*). Функционально косвенные определения выражают атрибутивные отношения относительно носителя признака, т. е. характеризуют подлежащее или дополнение.

Учитывая функционально-семантическое сходство качественных прилагательных и определительных наречий в украинском и русском языках, можно по-другому квалифицировать предглагольные определяющие слова в современном турецком языке. Например, в предложении *Mehmet hızlı gidiyor /Мехмет идет быстро/ hızlı /быстро/* характеризует подлежащее *Mehmet /Мехмет/*, косвенно указывая на его признак, т. е. выполняет функцию косвенного определения. Как известно, в этой позиции слово *hızlı* является неизменяемым, как и в присубстантивной позиции *Hızlı tren vaktinde geldi /Скорый поезд прибыл вовремя/*. Итак, слово *hızlı /быстрый/* в обоих предложениях имеет одинаковые семантические (указывает на признак предмета), морфологические (имеет неизменяемую форму) и функциональные (выступает определением) признаки. Это позволяет сделать вывод, что качественные прилагательные в предглагольной позиции не изменяют своей грамматической характеристики и относятся к семантико-грамматическому классу прилагательных.

Функция косвенного определения для качественных прилагательных является семантико-грамматической, так как дублирует категориальную семантику этих слов, однако эта функция является вторичной, поскольку в ней могут выступать не все прилагательные, а только ограниченная группа качественных прилагательных. В функции косвенного определения не могут употребляться такие лексические разряды качественных прилагательных: названия цветов (*ak /белый/, mavî /синий/, sarı /желтый/* и др.); названия мастей животных (*siyah /вороной/, kestane /гнедой/* и др.); названия внешних (физических и телесных) признаков (*sağır /глухой/, kör /слепой/, şişman /толстый/* и др.); названия физиологических или физических состояний (*aç /голодный/, eski /старый/* и др.); названия социальных состояний (*yoksul /бедный/, zengin /богатый/* и др.).

Итак, категориальная семантика 'статический (непроцессуальный) признак предмета' функционально реализуется в *атрибутивных, атрибутивно-предикативных и предикативных синтаксических отношениях*, которые коррелируют с категориальной семантикой прилагательного, поэтому определяют функциональную особенность прилагательного как части речи: функции непосредственного (присубстантивного) определения и сказуемого имеют се-

мантико-синтаксический характер и являются *первичными синтаксическими функциями прилагательного*. В этих синтаксических функциях могут выступать все прилагательные независимо от особенностей их семантики. Функция косвенного определения для качественных прилагательных является *семантико-грамматической*, так как коррелирует с категориальной семантикой прилагательного, но *вторичной*, так как характерна для ограниченной группы качественных прилагательных.

Библиографический список

1. Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – 736 с.
2. Данилов В. В. Методика наречий // Русский язык в школе. – 1938. – № 2. – 59 с.
3. Кучеренко І. К. Теоретичні питання граматики української мови: Морфологія. – Вінниця : Поділля-2000, 2003. – 464 с.
4. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. – М. : Усевно-педаг. изд-во, 1935. – 452 с.
5. Скорик П. Я. О принципах классификации слов по частям речи (на материале чукотско-камчатских языков) // Вопросы теории частей речи на материале языков различных типов. – Ленинград, 1968. – С. 282–283.
6. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. – 2-е изд. – Л. : Учпедгиз, 1941. – 620 с.
7. Deny J. Türk Dil Bilgisi. – İstanbul: Kabalcı yayımevi, 2012. – 956 s.
8. Martinez J. G. The Predicative Function Of An Adjectives // EPOS – 1997. – № XII. – P. 303–313.

КАТЕГОРИЯ ЧИСЛА ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО В ГОВОРАХ КРАЙНЕ-ЗАПАДНОГО НАРЕЧИЯ ЭВЕНСКОГО ЯЗЫКА

Р. П. Кузьмина

**Институт гуманитарных исследований и проблем
малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск,
Республика Саха (Якутия), Россия**

Summary This article gives the analysis of features of plural nouns formation in three Even parlances in Yakutia, provisionally concerned by researches to the most westerly dialects of Evens in comparison with the Evens literary language.

Keywords: plural; Even language; dialect; parlance.

Согласно определению О. П. Суника, категория числа, передаваемая различными языковыми способами, служит для количественной характеристики названий предметов, их частей или их некоторых признаков. В сфере существительных в тунгусо-маньчжур-

ских языках она может быть выражена аналитическими и синтетическими способами [2, с. 115].

Аналогичную картину можно наблюдать и в языке эвенков. Так, категория числа в крайне-западном наречии эвенков обладает грамматическими значениями единственного и множественного чисел. Однако следует заметить, что форма единственного числа употребляется для обозначения не только одного предмета, но и целой группы предметов. Особенно часто употребляется в таком общем значении форма единственного числа в отношении явлений природы и вообще предметов, связанных с природой [3, с. 83]. В эвенковском языке имеется категория существительных, не имеющих морфологических показателей множественности. К этой группе следует отнести собственные имена (Якутская, Москва, Китай и др.), явления природы (лам., тюг. *ньамнгалтан* «небо», лам., тюг. *илан* «луна; месяц», у.-я. *бяг* «луна; месяц» и др.).

Множественное число существительных в говорах крайне-западного наречия эвенков образуется посредством различных формантов, имеющих некоторые особенности в сравнении с восточными говорами и литературным языком. Данная категория подразделяется на следующие группы:

1. В ламунхинском, тюгясирском и усть-янском говорах, как и в других говорах восточного наречия и литературном языке, к основам, которые оканчиваются на гласный звук, при образовании множественного числа присоединяется суффикс *-л*:

лам., тюг., у.-я. говоры	литературный язык	русский язык
һулдо(а)-л	һулра-л	одеяла
һьулко(а)-л	һьулка-л	утесы
томко(а)ча-л	томкача-л	нитки
куңа-л	куңа-л	дети
тураки-л	тураки-л	вороны
чөкңэңэ-л	чөкңэңэ-л	кулики

2. К основам, оканчивающимся на согласный звук, суффикс *-л* присоединяется при помощи соединительных гласных *о, ө, а, э*:

лам., тюг., у.-я. говоры	литературный язык	русский язык
бокот-о (а)-л	бокат-а-л	орехи
кадар-а-л	кадар-а-л	скалы
оһикат-а-л	осикат-а-л	звезды
оңот-а-л	оңат-а-л	носы
ңал-а-л	ңал-а-л	руки
кадар-а-л	кадар-а-л	скалы

3. В говорах крайне-западного наречия, в отличие от литературного эвенского языка, у существительных, имеющих неусеченную основу на *-н*, во множественном числе конечные согласные ассимилируются в *-л* (в литературном языке в *-р*):

лам., тюг., у.-я. говоры	литературный язык	русский язык
муро(а)-л	мура-р	лошади
һулича-л	хулича-р	лисы
аһикка-л	асатка-р	девочки
мява-л	мява-р	сердца
оро(а)-л	ора-р	олени
мундука-л	мунрука-р	зайцы

4. Во всех трех говорах с помощью аффиксов: *йа/-йэ*, *-ал*, *-рөл*, *-л*, *-һил/-һил*, *-һөл*, *-һэл/-һөл*, *-төл* – образуется множественное число существительных, обозначающих обобщенное множество людей, которые связаны какими-либо общими признаками, напр.: *акайа* «братья (старшие)»; *эньэйэ* «матери», *амайа* «отцы», *упэйэ* «бабушки», *абагайа* «дедушки», *Микийэ* «семья Никифора», *экэйэ* «старшие сестры», *бэгэһэл* «начальники», *эбэһэл* «эвены», *һамал* «шаманы», *матакал* «зятья», *эһнил* «старшие сестры», *нөһил* «младшие сестры», *һутөл*, *һурөл* «дети» и др. Суффикс *-рөл* фонетический вариант эвенкийского суффикса *-рил* [1, с. 69] и по своему значению аналогичен ему.

Приведем еще примеры: тюг., лам. *Эньэйэ билэклэ һөрритнө*. «Мать с другими уехали в поселок» (букв.); у.-я. *Амайа амнанта төрлэ дьугуттэтөн*. «Отец с другими на новое место перевезли» (букв.); тюг., лам. *Гиавану боло абагайа эрэк төрду һуойа-ке уйамкам маритно*. «В прошлом году осенью на этой местности дедушка с другими убили очень много горных баранов» (букв.); у.-я. *Упэйэ ачча бичэл, дюкчатан эрэ бичэ*. «Бабушки и родных не было, только остов юрты (их) стоял» (букв.).

На основании представленных наблюдений можно утверждать, что особенностью образования множественного числа в ламунхинском, тюгясирском и усть-янском говорах является ассимиляция конечных согласных в *-л* у существительных с неусеченной основой на *-н*. Имена существительные, обозначающие множество людей, которые связаны какими-либо отношениями друг с другом, в говорах крайне-западного наречия образуют множественное число с помощью формантов *-йа \ -йэ*, *-ал*, *-рөл*, *һөл*, *-л*, *-һил*.

Библиографический список

1. Василевич Г. М. Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка. – Л. : АН СССР, 1948.

2. Суник О. П. Существительное в тунгусо-маньчжурских языках: в сравнении с другими алтайскими языками. – Л. : Наука. Ленингр. отд-е, 1982.
3. Цинциус В. И. Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка. – Л., 1947.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА КАК МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОЕКЦИИ ТЕКСТА

В. Л. Кудашина

**Технологический институт сервиса (филиал), Донской
государственный технический университет
в г. Ставрополе, Россия**

Summary. The article is concerned with functions of key words in the text. Notice has been taken to the fact they contribute to the formation of implicit meanings and allow to realize the intentions of the producer.

Keywords: implicit meaning; recipient's intentions; key words; text projection.

В последнее время проблемы грамматики и семантики текста становятся предметом внимания многих лингвистов. Круг подобных исследований охватывает закономерности речевого построения и языковую организацию текстов различных типов. Актуальность данных работ определяется, прежде всего, неоднозначным подходом к определению самого понятия «текст», наличием разных точек зрения на природу текстовых категорий и признаков. В этой связи особый интерес вызывает интерпретация содержательной стороны текста, понимание его целостного смысла, описание его семантической структуры. Показательно, что именно в тексте происходит объединение элементов языковой системы не просто в линейную последовательность знаковых единиц, а их преобразование в целостную структуру, обладающую содержанием и смыслом. Проникновение в сферу текста, постижение его смысла неразрывно связано с проблемой ключевых слов текста. Следует подчеркнуть при этом, что в качестве ключевых в тексте могут выступать не только слова, но и словосочетания и, более того, предложения.

В нашей работе мы подчеркиваем тот факт, что ключевые слова способствуют формированию у адресата образа содержания прочитанного текста, или «проекции текста». Под проекцией текста мы понимаем «ментальное образование (концепт текста, смысл текста как цельность / целостность), продукт процесса смыслового восприятия текста реципиентом, в той или иной мере приближающийся к авторскому варианту проекции текста» [2, с. 253].

Термин «ключевые слова» общеизвестен и широко используется в научной литературе. Однако в работах лингвистов употребляются

и другие термины: «ключевые знаки» (Н. Николина), «смысловые вехи текста» (А. Смирнов), «опорные слова», «обобщающие слова» (А. Соколов), «опорные элементы» (В. Одинцов), «смысловые ядра» (А. Лурия).

Вслед за Е. Н. Батуриной мы рассматриваем ключевые слова как «лексико-семантические элементы художественного текста, неоднократно повторяющиеся в его пределах, обеспечивающие его семантическую связность и целостность, обладающие особой смысловой и концептуальной значимостью, являющиеся фиксаторами наиболее важной для реципиента информации, необходимой для построения им интерпретации смысла и адекватного понимания замысла» [1]. Определяя место ключевых знаков в системе текста, Н. А. Николина справедливо подчеркивает, что ключевые слова играют в тексте «конструктивную роль, конденсируют его содержание, более того, служат условием его создания и сигналами авторских интенций (выделено нами – В. К.)» [3, с. 137]. Исследователь акцентирует роль ключевых знаков в семантической организации текста и выделяет ряд существенных признаков, позволяющих дифференцировать их на фоне других лексических единиц: высокая степень повторяемости данных слов в тексте, частотность их употребления; способность знака конденсировать, свертывать информацию, выраженную целым текстом, объединять «его основное содержание»; «соотнесение двух содержательных уровней текста: собственно фактологического и концептуального» – и «получение в результате этого соотнесения нетривиального эстетического смысла данного текста» [там же].

Подобную позицию занимает Е. Н. Батурина, выделяя следующие признаки ключевых слов художественного прозаического текста: полифункциональность; внутритекстовую многозначность; семантическую связь с заголовком; многочисленные деривационные и ассоциативные связи; способность свертывать информацию, несомую целым текстом [1, с. 23].

Таким образом, ключевые слова выражают в тексте не только содержательную сторону, но и образуют ряд связанных отношениями обусловленности «смысловых ядер», способствуют формированию подтекстовых смыслов и пониманию текста реципиентом в русле авторского замысла, позволяя реализовать интенции продуцента.

Библиографический список

1. Батурина Е. Н. Роль ключевых слов в семантической структуре художественного текста: на материале текста романа «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского : дис. ... канд. филол. наук. – Владивосток, 2005. – 160 с.
2. Залевская А. А. Введение в психолингвистику. – М., 1999. – 349 с.
3. Николина Н. А. Филологический анализ текста : учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. – М. : Издательский центр «Академия», 2003. – 256 с.

II. LANGUAGE, CULTURE AND COMMUNICATION

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ИССЛЕДОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

С. В. Полуяхтова

Нижнетагильский технологический институт,
Уральский федеральный университет, филиал
в г. Нижний Тагил, Россия

Summary. Specific cultural differences are explicitly and implicitly expressed in a language. Over the last decades there has been a tradition of studying the expression of cultural differences mainly in lexis. Language learners should know that dictionary entries do not reflect the whole notion of a given word and culture must be taken into consideration.

Keywords: cultural differences; intercultural communication; lexis.

Самобытные исторические корни являются основой для детерминации культурных различий между людьми. Глобальная культурная система при этом способствует выявлению различий и сходств взаимодействующих культур, позволяя познать мир во всём его многообразии, признать и понять культурные особенности друг друга, являющиеся составляющими глобальной культурной системы. Специфические черты каждой отдельно взятой культуры, несомненно, находят отражение в языке данной культурной общности, и наоборот.

Язык является отличительным признаком общности, отличающим одну нацию от другой. Характер языка отражает такие особенности, как национальный характер и менталитет, этнические стереотипы, особенности психики и национального самосознания. В целом схожее в своей основе мышление носителей разных языков является национально обусловленным, специфичным во всём, что выходит за пределы единого универсально-предметного кода. Развитие, детализация и конкретизация универсальной логико-понятийной основы каждым этносом осуществляется по-своему. В лингвистике и психолингвистике традиционно изучается специфика отражения национально-культурной составляющей в языке и речевой деятельности. В большинстве случаев это исследования, касающиеся лексики различных языков (Н. Л. Шамне, И. А. Стернин, А. Гудавичюс и др.).

Внимание исследователей особенно привлекают слова, обозначающие уникальные для исследуемой страны и культуры реалии,

такие как обозначения культурных икон (Супермен или Микки-Маус в США, матрешка в России), названия характерных блюд (гамбургер, щи), обозначения событий (фестиваль кельтской культуры в Великобритании, День Сурка в США), традиций (традиция «помилования» индейки Президентом США в канун Дня Благодарения) и культурных институтов (УМСА), не имеющих аналогов в других странах.

Интерес представляет раскрытие именно культурного компонента значения ключевых слов (слов, призванных раскрывать особо значимые концепты исследуемой культуры), отражающих культурно-специфические понятия (а не физические и социальные реалии, которые достаточно исследованы, а также в силу отсутствия аналогий в другом языке не провоцируют возникновение межкультурной интерференции и проблем в интерпретации значения), а также в словах, совпадающих на поверхности в своих лексических значениях, но резко отличающихся значениями культурными, то есть обладающими характеристиками межкультурных различий. Например, английское слово «privacy» на русский язык переводится как «уединение, одиночество, уединенность» [1]. Г. В. Елизарова приводит толкование из словаря американской культуры и языка, где «privacy» рассматривается как «a desirable state of being away from other people so that they cannot see or hear what one is doing, interest themselves in one's affairs, e.t.c. In many western countries this is usually given particular value and people expect to have their privacy respected by others» [1]. Причина расхождения понятий в том, что в русской культуре отсутствует аналог американского понятия, которое подразумевает не одиночество, а право на личную свободу, независимость, уважение личных интересов. Примером подобных русскоязычных реалий могут послужить отмеченные А. Вежбицкой слова «судьба», «душа», «тоска», имеющие особенное значение в русскоязычной культуре. Слова такого рода – это концепты, ясно отражающие прошлый опыт общества в обращении с людьми и вещами определенным образом, влияющие на национальное самосознание.

Говоря о культурном компоненте значения в лексических единицах, необходимо отметить, что коннотации большинства слов не являются нейтральными. Они либо отсылают носителей культуры к определенным культурным ценностям, либо ассоциируются с культурно значимыми смыслами. При этом культурный компонент содержится не только в безэквивалентной лексике, но и в лексике, которая на первый взгляд имеет эквиваленты в иностранном языке. Данный компонент может носить как референциальный характер, представляя культурно-специфические аспекты физического и социального мира, так и индексальный, относящий-

ся к специфической системе духовных ценностей. Например, в английском языке функционируют фразеологизмы, ярко проявляющие национальную специфику, имеющие в составе лексемы «кошка» и «собака», зачастую непонятные носителю русскоязычной культуры: «Cheshire cat» – постоянно улыбающийся во весь рот человек; «to fight like Kilkenny cats» – драться не на жизнь, а на смерть; «to rain cats and dogs» – для обозначения плохой погоды; «dog days» – жаркие летние дни.

Для обеспечения эффективного процесса межкультурной коммуникации необходимо формирование межкультурной и социокультурной компетенций, которые облегчат процесс создания общего культурного значения, разделяемого собеседниками, принадлежащими к различным культурам. Таким образом, необходимо создавать у изучающих иностранный язык понимание того, что словарные дефиниции весьма ограничены, а культурно обусловленный компонент значения того или иного слова необходимо искать в системе ценностей, в образе жизни, в моделях поведения носителей иноязычных культур.

Библиографический список

1. Елизарова Г. В. Культура и обучение иностранным языкам. – СПб. : Каро, 2005.
2. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М., 1996.
3. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация : учеб. пособие. – М. : Слово/Slovo, 2000.
4. Шамне Л. Н. Актуальные проблемы межкультурной коммуникации : учеб. пособие. – Волгоград : Изд-во Волг. ун-та, 1999.

НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА КОНЦЕПТОВ

М. Г. Романчук

Воронежский государственный университет инженерных технологий, г. Воронеж, Россия

Summary. This article is devoted to the key points of culture and mentality perception through national and cultural specifics of the concepts, represented in the language, analyzing their differences and similarities.

Keywords: concept; mentality; language; cultural reflection.

Проблема взаимоотношения языка и культуры занимает одно из центральных мест в проблематике исследований, ведущихся в русле лингвокультурологии и когнитивистики. Поиск новых путей исследования привёл к осознанию необходимости лингвистического анализа национальной ментальности.

Национальная специфика концептов проявляется в наличии различий в одноимённых концептах в разных национальных культурах, а также в наличии эндемичных, уникальных концептов, характерных только для одной культуры. При этом, как справедливо отмечает В. И. Карасик, «полное отсутствие концепта в той или иной лингвокультуре – явление весьма редкое, более редкое, чем отсутствие однословного выражения для определённого концепта» [7, с. 77].

В близких концептах разных культур национальная специфика проявляется в том, что сопоставимые концепты не полностью совпадают по своему содержанию, причём именно несовпадения могут быть очень существенны для межкультурной коммуникации. Показательны следующие примеры:

«Солнце по-русски – это совсем не то, что куёш по-узбекски, и уж совсем не то, что офтоб по-таджикски. В какие отношения – дружелюбные или тягостные – человек вступил с небесным светилом, так их и выразил язык и произнёс. Ведь узбек, живущий большую часть года под его палящими лучами, никогда не скажет ласково-уменьшительное «солнышко», так же как и у русского нет ощущения того, что солнце может быть не только плодонесущим и землеобновляющим, но и враждебным. Зато клуне, этому ночному светилу, несущему прохладу и умиротворение, у узбека совсем иное отношение – всё красивое и желанное он называет «луноликим», «луноподобным», да с такой интонацией, что для русского слуха это может показаться, по меньшей мере, вычурным» [12].

Национальная специфика концептов проявляется в наличии не совпадающих когнитивных признаков:

- в разной яркости тех или иных когнитивных признаков в национальных концептах,
- в разной полевой организации одноименных концептов (то, что в одном языке составляет ядро, в другой культуре может быть периферийным),
- в различиях образного компонента, интерпретационного поля,
- в присутствии разных когнитивных классификаторов и их различном статусе в категоризации денотата – одни классификаторы важнее и ярче в одной культуре, другие – в другой, в разной оценке,
- и т. д.

Однако наиболее ярко национальная специфика концептов проявляется в наличии безэквивалентных концептов в национальных концептосферах.

Безэквивалентные концепты могут быть выявлены через безэквивалентные языковые единицы. Безэквивалентная единица – всегда показатель наличия некоторой уникальности, национального своеобразия концепта в сознании народа. Ср. русские

безэквивалентные единицы и представляемые ими концепты: *авось, духовность, интеллигенция, непотивление, пошлость, порядочность, смекалка, разговор по душам, выяснение отношений, соборность* [11, с. 144].

Примеры национальных концептов, представленных в концептосферах англосаксонского мира: *life quality* «качество жизни», *privacy* «неприкосновенность частной жизни», *self* «самостоятельность личности» *quality time* «время, проведенное за любимым или важным занятием», *tolerance* «толерантность», *political correctness* «политическая корректность», *fun* «всё, доставляющее радость, развлечение, удовольствие», *fortnight* «период времени продолжительностью в две недели», *challenge* «некоторая сложная задача или проблема, стимулирующая заняться её решением, требующая усилий, мужества, смелости и напряжения сил для её решения и предоставляющая возможность людям проверить свои силы на решении этой проблемы, доказать свою способность оказаться на высоте при её решении», *fair play* «честная игра», *diffamation* «публичное оскорбление, унижение, дезинформация».

Однако надо иметь в виду, что словесная не выраженность – не гарантия концептуальной безэквивалентности концепта. В другом языке концепт может быть выражен фразеологизмом, устойчивым сочетанием слов, может иметь устойчивое описательное выражение. Кроме того, концепт может присутствовать в национальной концептосфере, но быть лексически не выраженным, не вербализованным. Например, таков китайский концепт *ling shi* «нулевая еда» (семечки, орешки, мороженое): в русской концептосфере этот концепт есть (мы понимаем, что такая еда есть, что это не настоящая еда, говорим «Разве это еда?»), но у нас нет языковой единицы для его обозначения, а китайцы этот концепт номинативно обозначили.

Возможна и такая ситуация: при отсутствии общенародного концепта наличие в сознании отдельных людей или групп людей концептов, свойственных концептосфере других народов (например, западное понимание демократии, прав личности, закона, толерантности и многих других в сознании ряда российских политических деятелей и сторонников либеральных политических взглядов).

Библиографический список

1. ODMQ – The Oxford Dictionary of Modern Quotations // Oxford University Press, 1993. – 530 p.
2. АРФС – Англо-русский фразеологический словарь / под. ред. А. В. Кунина. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Русский язык, 1984. – 944 с.
3. Аскольдов С. А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста : антология / под ред. проф. В. П. Нерознака. – М., 1997. – 269 с.

4. БАС – Большой толковый словарь русского языка / под. ред. С. А. Кузнецова. – СПб. : Норинг, 1998. – 1536 с.
5. Богин Г. И. Концепции относительности границ между национальными менталитетами как неперенная часть учения о межкультурной коммуникации // Лингвистические основы межкультурной коммуникации в сфере европейских языков. – Н. Новгород, 2002. – 178 с.
6. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / пер. с англ. А. Д. Шмелёва. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 287 с.
7. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М : ГНОЗИС, 2004. – 389 с.
8. Копыленко М. М., Попова З. Д. Очерки по общей фразеологии. – Воронеж, 1978. –143 с.
9. Бенсон М., Бенсон Э., Илсон Р. Комбинаторный словарь английского языка. – М. : Русский язык, 1990. – 286 с.
10. Апресян Ю. Д. НОССРЯ – Новый большой англо-русский словарь : в 3 т. – 8-е изд., стереотип. – М. : Русский язык, 2003.
11. Попова З. Д., Стернин И. А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. – Воронеж : ВГУ, 1999. – 30 с.
12. Пулатов Т. Язык, автор, жизнь // Литературное обозрение. – 1976. – № 8. – С. 109.

КОНЦЕПТ В РАКУРСЕ МОТИВА И ТЕМЫ: ОПЫТ ДИСКУРСИВНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

З. Н. Афинская

**Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия**

Summary. The city is one of the most important attributes of the modern civilization, one of the essential elements of the generalized at the national and individual consciousness picture of the world. Based on the concept of motive-the topic will be presented to the experience of specification of the concept of the city (la ville). The study of texts of different genres of literature – guide to Paris, Paris in the memoirs of Russian emigrants, modern equipment of Bordeaux – to determine the discursive the specifics of these genres.

Keywords: motif; concept; urban discourse; linguistic personality.

Исследования в области лингвокультурологии и лингвокогнитивистики развиваются весьма активно в конце XX – начале XXI веков (Н. Ф. Алефиренко, Н. Д. Арутюнова, Ю. Н. Караулов, В. И. Карасик, Ю. С. Степанов и др.), обогащая науку новыми понятиями, концептами, терминами, которые тем не менее не исчерпывают всю проблематику, связанную с познавательной деятельностью «человека говорящего», языковой личности. Возникают новые направления исследований, одним из которых является анализ дискурса на основе семантической концепции *motifs-profils-thèmes* (P. Cadiot,

У.-М. Visetti, F. Rastier, J. Longui, G. Gross, M. Prandi). В дальнейшем, опираясь на концепцию *мотив – профиль – тема*, будет представлен опыт конкретизации концепта *город (la ville)*.

Мотив, согласно теории Cadiot-Visetti, может иметь как явное, конкретное выражение в речи, так и имплицитное, которое выявляется с помощью семантического анализа дискурса. Мотив, выраженный лексемой, взятый в отрыве от общей *темы*, от понятийного и эмоционального фона, которым его могла бы наделить языковая личность, «нестабилен» в том смысле, что, в силу многозначности слова, его контекстное значение остается неясным. Так, концепт (*l'école*) можно рассматривать в разных дискурсах как:

- 1) программу, проект, передачу знаний...
- 2) агломерацию, сообщество...
- 3) предприятие, имеющее план и задачи.

Мотив *l'école*, взятый в качестве лексемы, «нестабилен» с точки зрения его семантической мотивации; его необходимо «стабилизировать» или *профилировать (profilier)* контекстом [12, р. 108–111]. Действительно, тематически «школа» может существовать в семантических полях *страна, образование, идеология* и др., где будут эксплицированы различные мотивы. Мотивы не заданы заранее, вне конкретного текста, а «опознаются в виде эффективной гаммы употреблений» («reconnaisables sous la vérité effective des emplois») [12, р. 103].

Мотивом может служить как событие, так и действие, которые произошли, а также намерение, – и всё это, вместе взятое, побуждает личность к действию [14, р. 77–112]. Мотив следует рассматривать скорее как своего рода «цоколь», основу для строительства разных смыслов, индивидуализация которых происходит в дискурсе с помощью *профилей* и *темы* [14].

Развивая идеи Ф. Растье о «диалектической функции мотивов» (*fonction dialectique*) и его методике семантического анализа текста на основе триады *motif-profil-topoi* [15, р. 54–68], французские лингвисты реализуют исследования от значения слова в словаре, через его лексические связи в синтагмах к его разнообразным значениям в более просторном тексте, чтобы выявить его концептуальное значение [14].

Семантическая теория П. Кадио и И.-М. Визетти, как и концепция Ф. Растье «*motif-profil-topoi*», в значительной мере созвучны теории Ю. Н. Караулова об ассоциативных множествах на уровне концептов и соответствующих им семантических полей. Эти теории отвечают на возникшую необходимость проработать более детально достаточно емкое понятие *концепт* с це-

лью наиболее рационального представления его значений и в тексте.

В свете теории языковой личности предлагается проводить анализ текста с помощью единиц когнитивного статуса. Это «не слово, – пишет Ю. Н. Караулов, – не предложение и не дискурс (сверхфразовое единство, объединяющее несколько взаимосвязанных предложений)... Одновременно, эти искомые аналитические единицы, будучи принадлежностью текстов... должны обладать когнитивной природой, то есть нести новое знание... Перечисленным условиям отвечают единицы, которые а) извлекаются из текстов и б) структурируются в соответствии с концептуальным статусом» [9, с. 177] ключевого слова. Статус этого слова определяется Ю. Н. Карауловым как концептосфера, а сам концепт «слагается из элементарных (минимальных) единиц знаний о мире – когнем, которые представлены непосредственно в тексте» [9, с. 177].

Когнему как элементарную единицу знаний об исследуемом объекте можно, как представляется, сопоставить с понятием *мотива*, разрабатываемым Ф. Растье, П. Кадьо, И.-М. Визетти, Ж. Лонги и др. Обе категории позволяют составить более объемное представление о том или ином концепте и, благодаря минимальному окружению когнемы (профилям, словосочетаниям), перейти на уровень *темы*, которая эксплицирует мотивацию языковой личности. Такая методика когнитивных исследований созвучна взглядам В. З. Демьянкова, который утверждает, что лингвистический термин «*концепт* в значительной степени соответствует тому, что исследователи литературы называют *мотивом*» [5, с. 34].

Исходя из вышеизложенного, мы предлагаем рассматривать *мотив* как необходимый, психологически мотивированный компонент концепта, как простейшую единицу сюжета и темы, как значимый элемент понятия.

В языковой картине мира концепт *город*, аккумулируя языковой опыт разных этносов и национальных культур, занимает особое место, так как включает в себя эмоционально-чувственное отношение индивидуума и универсальный опыт человечества. В качестве лингвокультурологической категории концепт *город* интересен своей многоуровневой, сложной конструкцией, в которой соединено историческое, географическое, геополитическое, урбанистическое, художественное содержание. Будучи одной из констант европейской культуры, этот концепт обладает признаком транслируемости [8, с. 32], способности быть адекватно понимаемым в разных национальных культурах, разными этносами.

Время и пространство в городе находятся в постоянном динамическом взаимодействии – дома перестраиваются, улицы меняют свой архитектурный и социальный облик (иногда переименовываются), жители переезжают из одного городского района в другой. Пространство города, очерченное на картах, представляется цельным образованием, но для каждого его жителя оно воплощено в образе родного квартала, где он родился, провел детство и проживает настоящую жизнь.

Город интересен как развивающееся архитектурное пространство, отраженное в путеводителях, как пространство демографических изменений, представленное в статистических сборниках, как пространство для свершения исторических событий, повлиявших на историю этноса, народа, страны и др. В городе отдельный индивид приобретает социальные навыки, осознаёт свою национальную и культурную идентичность («*La ville est le lieu grâce auquel la vie des gens s'organise, se relie à celle des autres et acquiert un caractère social. La ville est le lieu grâce auquel la socialisation travaille les identités...*»¹ [17, p. 21]). Динамика пространства и времени, отраженная в истории и актуальной жизни города, обеспечивает этому концепту устойчивые позиции в языковой картине мира: «вторым после человека приоритетным правом на образ обладает город» [2, с. 316].

Город-концепт обозреть в рамках статьи сложно, настолько он многолик, наполнен разными мотивами, органично связан с разными дискурсами. Сначала рассмотрим такой жанр, как «книги о Париже». В тексте, который можно условно назвать «книга для туристов», не прописан конкретный адресат, с которым не предусмотрены в рамках этого стиля коммуникативные связи. В целом возникает вопрос о том, насколько можно рассматривать этот текст в качестве дискурса, поскольку в нём отсутствует отклик на языковой опыт собеседника – автор текста никого не убеждает, не спорит, не возражает, не соглашается. Отсутствие собеседника выводит этот текст из сферы коммуникации, из обыденного языка в область литературного стандарта, для которого характерны строгие грамматические и лексические нормы (употребление *Passé simple*, существительных со значением процесса и др.). В таких текстах отсутствуют показатели модальности, дискурсивы, те коммуникативные единицы, которые обеспечивают «особый дискурсивный статус» [4, с. 36] некоторому фрагменту текста. Но этот литературный жанр интересует нас потому, что в таких текстах

¹ «Город – место, благодаря которому жизнь индивидов организуется, объединяется с жизнью других людей и приобретает общественный характер. Город – это место, благодаря которому социализация вырабатывает идентичность...». – Пер. З. А.

содержится определенный набор стереотипов, которые характерны для описания *города-столицы* в разных национальных культурах.

Чтобы представить себе более объемно содержание концепта *город с великим прошлым* (Париж), попытаемся «собрать» его из нескольких мотивов.

1. Река, на берегах которой возник город, и мосты: *La Seine, la rive gauche de la Seine; Pont Alexandre III, Pont Neuf*.

2. Человеческий фактор, или личности, сыгравшие большую роль в истории города: *les Gaulois, les Romains, les rois, la dynastie, les protagonistes d'évènements importants, ses fondateurs*.

3. Войны: *la révolte, la guerre civile, l'occupation, des désordres des ravages, les guerres de religion, la ville assiégée, la chute de la royauté, des révoltes les plus sanglantes, des désordres*.

4. Центр политической, экономической и культурной жизни страны: *un petit centre urbain, Lutèce, une véritable capitale, ce premier noyau, résidence, ses plus splendides moments, les pages les plus tristes, centre culturel et politique, superbe Hôtel de ville, de nombreux monuments, son urbanisme, sa culture*.

5. Процессы, способствовавшие развитию города: *Changer le cours d'histoire, construire, faire construire, se transporter en, fonder une dynastie, s'agrandir, habiter, s'enrichir, élever la colonne, un développement progressif, la construction, les travaux, une lente mais continuelle expansion, la restructuration urbaine* [16, p. 3–4].

Примечательно то, что в таких путеводителях отсутствуют улицы, за исключением *Champs-Élysées*, но упоминаются площади *Place de la Concorde, Place des Vosges, Place Vendôme*...

В этом перечне мотивов *город* выглядит абсолютно неструктурированным пространством, неким бесформенным объемом, в котором значимы только исторические монументы, памятники культуры – всё то, что составляет содержание каталогов и путеводителей. В таких текстах невозможно определить ту точку, с которой обзревается панорама Парижа, что свидетельствует об отсутствии личностного восприятия города. Поэтому их следует рассматривать не как дискурс, а в качестве образца определенного жанра – «книга для туриста», путеводитель.

Мотив «река, на берегах которой расположен город» типичен для описания многих городов. Рассмотрим образ г. Бордо, очерченный в теме «урбанизм» (*l'urbanisme*) и «обустройство территории», имея в виду следующие когнемы, обозначенные в рубрике экономической газеты.

Река и ее берега: *la Garonne, les berges, le fleuve, le parc des Berges, les quais*.

Архитектура и достопримечательности: *Les belles façades XVIII-e, le quartier Saint-Pierre, La place de la Bourse.*

Личности и представители городских органов управления: *ex-maire Alain Juppé, la municipalité et la communauté urbaine, Michel Corajoud.*

Процессы, представляющие синхронное состояние: *être situé, être coupé, séparer, concentrer, border etc.*

Процессы, изменившие облик города: *redevenir, alterner, racher, devenir, installer.*

На основе только перечисленных выше фреймов невозможно эксплицитировать ни дискурсивное содержание мотива «город», ни мотивацию языковой личности (в данном случае – журналиста, рассказывающего о значении обустройства набережных реки для модернизации всего облика города). Необходимо их «профилирование», выявление дискурсивных качеств, благодаря которым текст обретает характеристики личностного восприятия:

- *Bordeaux s'est réconcilié avec la Garonne;*
- *Il n'y a plus de coupure entre ce coeur de la ville et la Garonne;*
- *Les rives du fleuve sont devenues un espace clef de la ville;*
- *Cette reconquête de la ville;*
- *La municipalité et la communauté urbaine ont choisi de limiter drastiquement le trafic de transit;*
- *L'ère Juppé a été marquée par le tramway;*
- *L'aménagement confié au paysagiste Michel Corajoud;*
- *Les berges sont peu à peu rendues à la population [18].*

Мотивационный анализ языковой личности (в данном случае журналиста) показывает ее позитивное отношение к урбанистической деятельности, развернутой в г. Бордо. А всю тематику в целом можно обозначить как «обустройство прибрежных территорий в городе» (*les villes à la reconquête de leurs berges*).

Дискурс о городе, или «урбанистический дискурс», должен содержать, по концепции М. де Серто, три основных аспекта:

1) город постоянно создает, согласно рациональным принципам, собственное пространство (что было показано на примере обустройства Бордо вдоль Гаронны);

2) город постоянно замещает традиционную культуру синхроническими потребностями общества;

3) город создает анонимные субъекты, постоянно нивелирует индивидуальность [11, с. 191].

Действительно, город постоянно отвоевывает для себя пространство у окружающей местности, в городе постоянно происходит стирание диалектных особенностей речи, замещение этнокультуры городским образом жизни. Рационализация урбанистического

дискурса получает в качестве «обратной стороны» его мифологизацию, создание схематических, стереотипных представлений о самом себе [3, с. 32–36].

Рационализация жизни в городе, власть ее нивелирующей повседневности ощущается особенно остро эмигрантами. Так, Париж стал вынужденно для русских эмигрантов в начале XX века новым местом жительства; силою обстоятельств им пришлось обживать новые места, новые кварталы, улицы, дома. В Париже они селились в так называемых рабочих кварталах, которые больше походили на провинциальные городки, нежели на европейскую столицу, известную им по литературным и историческим произведениям.

Обживание городских кварталов незнакомого города – это сложный эмоциональный процесс, в котором не только формируются новые навыки жизни, но и происходит отторжение чужого опыта, формирование образа чужого и чуждого города. Для городского сообщества характерно реальное осуществление потребности быть вместе, общение с окружающей средой. Однако эмигранты в отсутствии контактов с жителями города ищут общества своих соотечественников; они не живут настоящим в городе, не строят проектов, устремленных в будущее, а как бы «просеивают» настоящее через воображаемое сито воспоминаний.

Зайцевский Париж¹ – это сравнительно небольшой район города, который писатель не раз обходил пешком, направляясь навестить своих друзей или по дороге в православный храм. Он представляет собой городской квартал, ограниченный улицами Passy, rue Colonel Bonnet, rue Jean Bologne, rue Raynouard, rue Chernovitz, rue Vineuse, rue Scheffer². Облик Парижа создан глазами прохожего. Протяженность зайцевского Парижа невелика – всего несколько кварталов; в этом мотиве города нет четкого представления о всём плане Парижа, о Париже – центре европейской культуры.

Повседневное существование формирует образ города прочнее, нежели урбанистические и архитектурные формы и объекты. Улицы парижского предместья, где поселился писатель, поражают его своей унылой некрасивостью, вокруг – «фабричные трубы, заводи, склады, кое-где пустыри да зелень... Глеб Успенский, совершенно Растеряева улица!» [6, с. 418]. Появилось осознание своей бедности и понижения социального статуса, отторжения от привычной социальной среды: «Мы же – преддверие разных заводов, мастерских угольных складов. Мы второй сорт,

¹ Б. К. Зайцев (1881–1972), русский писатель, прожил в Париже почти 50 лет (с 1922 г. по 1972 г.).

² Названия улиц даны в орфографии Б. К. Зайцева.

пригород... Наш край выводит свое племя – в трудах серости, некрасоте» [6, с. 417].

Эмоциональным и психологическим фоном рассказов оказываются воспоминания о родном городе, о близких друзьях. Взгляд прохожего не может охватить панораму города, он останавливается только на тех объектах, которые связаны с воспоминаниями об ушедших друзьях, о его соотечественниках. Улица Пасси напоминает о Бальмонте, который называл ее парижским Арбатом. На улице Colonel Bonnet, недалеко от rue Passy жили писатель Мережковский и З. Гиппиус. Прогулки по Парижу напоминают Зайцеву об ушедших из жизни его товарищах по перу. «А вот здесь, – замечает Борис Зайцев, – на rue Jean Vologne, прожили мы первые две недели эмигрантской жизни в Париже у Михаила Андреевича Осоргина, приятеля молодых лет, ныне покойного... Тоже недалеко, на углу Raynouard и Chernoviz, заседал в пятом этаже Илюша Фондаминский, всем помогал, всех устраивал, мирил, был каким-то премудрым Соломоном «Современных записок» (вблизи гнездившихся на rue Vineuse). За спиною же у нас rue Scheffer, где тихо процветало замечательное книжное сокровище. Павел Николаевич Апостол собирал его десятки лет» [6, с. 502].

Париж-дискурс, Париж-концепт, увиденный глазами русского писателя, мотивирован эмоционально – это воспоминание не только о людях, которые жили в этих районах (глаголы прошедшего времени – *прожили, процветали, собирал, был* и др.), но и о том облике города, который тоже ушел в прошлое. Названия улиц во французской орфографии говорят о том, что эмигрант постепенно осваивает необходимые компоненты нового городского быта, а чередование названий этих же адресов по-русски отражает особенности языковой картины мира писателя, о неизжитом еще в сознании родном языке.

О городе говорится безличными предложениями (*есть места, есть величие, можно почувствовать*), а также метонимически, как о личности (*сухощавый, мужественный, крепкий, немечтательный*).

Образ Парижа у Зайцева дискурсивен, полон эмоций, переживаний, воспоминаний. Париж, увиденный глазами пешехода, жителя окраин, и Париж, описанный в туристических буклетах, выглядят по-разному. Но зайцевский Париж обладает дискурсивным потенциалом, он вступает в диалог с русским читателем. Он когнитивен в том смысле, что обращен к ментальному миру читателя, с которым писатель вступает в диалог.

Сопоставление мотивов концепта *город* в путеводителях и в воспоминаниях Б. К. Зайцева выявляет как точки соприкосновения, так и различия:

Река: у Б. К. Зайцева ничего не говорится о Сене, так как она находится вне пространства его прогулок, поэтому нет упоминания о великолепных мостах.

Личности: у Зайцева упоминаются только русские друзья, люди литературного круга общения в России, люди скромного достатка.

Войны: у Зайцева они представлены воспоминаниями о погибшем в лагерях русском литераторе.

Город – центр экономической и культурной жизни: писатель рисует лишь рабочие кварталы; некрасивые, унылые пейзажи.

Процессы в городе: никаких изменений в урбанистическом облике писатель не отображает.

Великолепный Париж – «где-то», вне повседневности наблюдателя.

Опираясь на представленные мотивы, можно прийти к выводам о том, что все они выполняют функцию причины для определенного мироощущения автора. В этом комплексе мотивов полностью отсутствуют такие «профили», как *строительство, расширение и изменение пространства города* (ср. с вышеприведенным списком мотивов Парижа из путеводителя). Экономический облик Парижа ограничен констатацией унылого образа рабочих кварталов, а его культурный пейзаж сформирован воспоминаниями о русской культуре. Париж не заменил Зайцеву атмосферу, повседневность, круг общения его родины. Город фактического проживания не вытесняет из памяти эмоционально окрашенный ландшафт покинутых родных мест.

Подтверждается тезис Н. Ф. Алефиренко о том, что сформировавшийся в культуре-реципиенте образ сознания обречен на «ущербность и длительное вращение в культуру, в результате которого в культуре-реципиенте будет сформирован свой бытийный слой сознания, отличающийся от бытийного слоя сознания культуры-донора, да и рефлексивный слой вряд ли будет скопирован полностью» [1, с. 157–158].

Подводя краткие итоги, необходимо отметить, что город – один из важнейших атрибутов современной цивилизации, один из существенных элементов обобщенной в национальном и индивидуальном сознании картины мира. Концепт *город* обозначается разнообразными мотивами, каждый из которых, в свою очередь, конкретизируется непосредственным контекстом, сопоставимым по своему дискурсивному значению с *профилями*, согласно концепции Кадыо – Визетти. Мотивы, цели и интересы, согласно В. И. Карасику

[7, с. 14], индивидуализируют личность в большей степени, чем понятия и идеи, что мы наблюдаем в результате анализа мотивационного уровня языковой личности в текстах разной стилистической направленности. Эксплицирование мотивов концепта *город* позволяет обозначить различную тематику, которая меняется в зависимости от профилирования мотивов: город – туристический объект, город – благоприятная среда проживания в результате, город эмигранта. Город обретает очертания структурированного в языковой картине пространства только в качестве дискурса, «одушевленного» присутствием человека с его обыденным существованием.

Библиографический список

1. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка : учеб. пособие. – 2-е изд. – М., 2010.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – 2-е изд., испр. – М., 1999.
3. Афинская З. Н. Мотив и мотивация в мифологии Ролана Барта // *Paradigmata poznání*. – Praga, 2014. – № 1.
4. Викторова Е. Ю. Роль количественного подхода в изучении функционирования дискурсивных слов // *Филология и человек*. – 2013. – № 4.
5. Демьянков В. З. Цивилизационные параметры когниции: лингвистика – эстетика – этика – психология – логика // *Вопр. когнитивной лингвистики*. – 2013. – № 1.
6. Зайцев Б. К. Голубая звезда. – М., 1989.
7. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М., 2004.
8. Карасик В. И. Этноспецифические концепты. Гл. 1. Иная ментальность. – М., 2005.
9. Караулов Ю. Н. Русский парадоксальный человек в парадоксальном мире Достоевского // *Россия и русские в восприятии инокультурной языковой личности*. – М., 2008. – С. 176–183.
10. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – Изд. 7-е. – М. : ЛКИ, 2010.
11. Серто М. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать / пер. с фр. Д. Калугина и др. – СПб. : Изд-во Европейск. ун-та в СПб. – М., 2013. – С. 191.
12. Cadiot P., Visetti Y.-M. Pour une théorie des formes sémantiques : motifs, profils, thèmes. – Paris : PUF, 2001a.
13. Gross G., Prandi M. La finalité. Fondements conceptuels et genèse linguistique. Ch. III. Structure conceptuelle de la finalité : cause, motifs, but. – Bruxelles, 2004.
14. Longhi J. Quel petit livre argumentatif au fond de la cour? Eléments de description sémantique argumentative du livre // *Langages*. 2008a. – № 4. – P. 69–87.
15. Rastier F. Doxa et sémantique de corpus // *Langages*. – 2008. – № 2. – P. 54–68.
16. Tout Paris. – Florence : EB Bonechi, Italie, 1995.
17. www. Isin E. F. La ville comme lieu du social // *Droit de cité*. – 2009. – № 1.
18. broustet@lesechos, 2008.

ПРЕДМЕТНЫЕ ПРИЗНАКИ КОНЦЕПТА «ДУША» В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА В. В. РОЗАНОВА

О. С. Фисенко

Российский университет дружбы народов,
г. Москва, Россия

Summary. In the article the concept «soul» is regarded as a piece of individual author's worldview of V. V. Rozanov. Described are qualitative and subject dimensional signs of concept.

Keywords: concept; soul; linguistic world picture.

В религиозно-философском дискурсе начала XX в. центральное место занимает проблема изучения *души*. Философы, публицисты, критики пытались с позиций нового религиозного сознания осмыслить такие важные для христиан понятия, как *душа*, *Церковь*, *Бог*. Особое понимание *души* можем наблюдать в религиозно-философских воззрениях В. В. Розанова.

В данной работе объектом исследования являются предметные признаки концепта «душа» в языковой картине мира Василия Розанова.

Осмысление Розановым внутреннего мира человека происходит по аналогии с осмыслением им внешнего мира. Концепт «душа» наделяется предметными признаками. Например, концептуальная метафора '*душа – предмет*' представлена следующим контекстом: *Но душа? Её нет у него: это – вешалка, на которую повешены платья индийские, мексиканские, египетские, русские, испанские.* В концепте «душа» выделяются качественные предметные признаки '*свежая*' и '*чистая*'. *Душа* человека может быть '*свежая*' (*...отдав утреннюю свежую душу на запыление...*) и '*чистая*' (*Поистине тот только «писатель», кто чист душою и прожил чистую жизнь*). Душу человеческую можно очистить от грехов. Например, признак '*очищение*' – *Вошло в меня, бежит в крови, освежает мозг, чистит душу от грехов.*

Дименсиональные признаки дают характеристики различного рода измерения (размер, вес, глубина и т. п.). В концепте «душа» как фрагменте языковой картины мира В. Розанова дименсиональный признак '*глубина*' связан с признаком '*воды*': *Эх, Вася, Вася! ты до глубины души оскорбил меня этим предположением... Душа имеет «ширину»: ...в расширении души человеческой, в том, что «дышит всем» душа, что она «вбирает в себя всё».* Признак '*размер*': *В самом деле, «тоска по иностранному» не есть ли продукт чрезмерного давления < ... > – на маленькую душу каждого.* Размер души непостоянный. Он может '*увеличиваться*' на основе симпатии,

близости душ: «Прибавляет» <душу> только теснейшая и редкая симпатия,...и может 'уменьшаться' под влиянием окружения: Общество, окружающие убавляют душу, а не прибавляют.

Когнитивная модель 'душа – вещество' реализуется контекстами: И приготовление – сложнее, и вещества (душа, мозг)... Признаки 'сыпучая', 'рыхлая': ...рассыпчатости, разрыхлённости их собственной души (т. е. учителя). Душа человека 'разрывается' на части: ...слёзы текут и душа разрывается, – я почувствовал не ошибающимся ухом слушателя, что они текут литературно, музыкально...

Словосочетание *техническая душа* наглядно иллюстрирует когнитивную модель 'душа – механизм'. В эпоху научно-технического прогресса живая душа вытесняется технической душой, лишённой творчества и вдохновения: *Появилась «техническая душа» – contradictio in adjecto.*

Таким образом, в индивидуально-авторской картине мира В. Розанова концепт «душа» экспонируется предметными признаками, дающими качественные и дименсиональные характеристики душе.

Библиографический список

1. Розанов В. В. Собрание сочинений. – М. : Изд-во «ЭКСМО-Пресс», 1998.

КОНЦЕПТУАЛЬНО-МЕТАФОРИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В ИНТРОСПЕКТИВНЫХ КОНТЕКСТАХ

О. С. Федотова

Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина,
г. Рязань, Россия

Summary. Proceeding from the fact that metaphor is pervasive in everyday life, not just in language but in thought and action as well all human thought processes are largely metaphorical and human conceptual system is metaphorically structured and defined. The present paper sets out to show that conceptual metaphors can be used as pointers to the characters' introspection in English fiction. Reference to the character's inner world makes the writer resort on a larger scale to figures of speech and conceptual metaphors, the most prominent of which is the CONTAINER metaphor.

Keywords: conceptual metaphor; fictional reality; inner world of characters; CONTAINER metaphor.

Вопросы, связанные с изучением концептуально-метафорической репрезентации различных явлений, представляют плодотворную область современных филологических исследований. По верному замечанию Е. Г. Беляевской, концептуальная метафора может

выступать в когнитивных исследованиях как онтологическая сущность, а следовательно, как самостоятельный объект анализа или «в качестве инструмента изучения способов представления внеязыкового знания в языке и в тексте» [1, с. 84].

Анализ концептуально-метафорической репрезентации в художественных произведениях позволяет наиболее полно декодировать идею, заложенную автором. В частности, концептуальная метафора играет важную роль при передаче внутреннего эмоционального состояния персонажей, то есть их интроспекции. Не последнее место при этом занимает концептуальная метафора КОНТЕЙНЕРА, что далеко не случайно, так как внутренний мир героев является закрытым пространством, в которое не могут заглянуть другие действующие лица. Чувства и мысли персонажей могут быть видны только читателю. Рассмотрим сказанное на примерах из англоязычных художественных произведений конца XVIII – начала XXI века.

В контексте (1) реализуется метафорический концепт ТЕЛО ЧЕЛОВЕКА – КОНТЕЙНЕР, который заполнен эмоциями:

(1) *Perhaps, too, Joseph Sedley would overhear the compliment – Rebecca spoke loud enough – and he did hear, and (thinking in his heart that he was a very fine man) the praise thrilled through every fibre of his body, and made it tingle with pleasure* [7, с. 21].

Персонаж ощущает, как похвала заставляет его трепетать, проходя через (*through*) его тело-контейнер (*thrilled through every fibre of his body*), и дрожать от удовольствия (*tingle with pleasure*).

В следующем примере ум человека концептуализируется при помощи метафорического концепта КОНТЕЙНЕР, который наполнен мучительными мыслями:

(2) *The tumult of her mind was now painfully great* [2, с. 151].

В примере (3) сознание персонажа представляется в виде КОНТЕЙНЕРА, в котором крутятся различные чувства. Причем эти чувства выступают как материальные объекты (*at work within him*):

(3) *For nearly ten minutes he stood there, motionless, with parted lips and eyes strangely bright. He was dimly conscious that entirely fresh influences were at work within him. Yet they seemed to him to have come really from himself. The few words that Basil's friend had said to him – words spoken by chance, no doubt, and with willful paradox in them – had touched some secret chord that had never been touched before, but that he felt was now vibrating and throbbing to curious pulses* [8, с. 18].

Здесь также можно отметить сравнение души человека с музыкальным инструментом (*had touched some secret chord*), в котором открыли новое звучание, которое издает новые необычные звуки (*vibrating and throbbing to curious pulses*).

В примере (4) прикосновение отца «пронзает» персонажа насквозь и вызывает внутри него различные химические реакции. Его тело – контейнер, по которому движутся эмоции:

(4) *For some reason, the gentle touch of his father's hand felt like it was burning through him like a potent catalyst that was initiating a chemical reaction inside Mal'akh's body. Without warning, he felt a rush of blistering energy surging through his physical shell, as if every cell in his body were now dissolving* [3, с. 460].

В англоязычном нарративном дискурсе довольно часто встречается персонификация эмоций. В контексте (5) чувства персонажа представлены в виде нападающего на него врага (*feeling of hatred came over him*). Концептуальная метафора КОНТЕЙНЕРА (*stirred within him*) дополняется здесь метафорой охоты (*mad passions of a hunted animal*), что позволяет читателю более полно представить себе переживания, бурлящие в сознании персонажа:

(5) *Dorian Gray glanced at the picture, and suddenly an uncontrollable feeling of hatred for Basil Hallward came over him, as though it had been suggested to him by the image on the canvas, whispered into his ear by those grinning lips. The mad passions of a hunted animal stirred within him, and he loathed the man who was seated at the table, more than in his whole life he had ever loathed anything* [8, с. 133].

Метафорический концепт КОНТЕЙНЕР часто сочетается с образом воды. Так, например, в следующем отрывке тело персонажа представляется в образе КОНТЕЙНЕРА, вверх по которому движется жидкость:

(6) *Langdon loved this city, and as the jet touched down, he felt a rising excitement about what lay ahead. The jet taxied to a private terminal somewhere in the vast expanse of Dulles International Airport and came to a stop* [3, с. 7].

Концептуальная метафора КОНТЕЙНЕР может быть связана с ограничением внутреннего пространства персонажа, который может ощущать себя как запертое в клетке животное:

(7) *Langdon felt like a caged animal* [3, с. 37].

Жизнь персонажа может репрезентироваться как ограниченное пространство:

(8) *She was not a woman accustomed to waiting, but at the moment, she felt as if her whole world were on hold. She was waiting for Trish's search-spider results, she was waiting for word from her brother, and also, she was waiting for a callback from the man who was responsible for this entire situation* [3, с. 90].

Вполне очевидно, что здесь героиня признается себе в том, что ей невыносимо трудно дождаться результатов поискового запроса. Не случайно возникает сравнение с компьютерной сетью: *as if her*

whole world were on hold. Она замерла в ожидании важной информации, от которой, возможно, зависит вся ее дальнейшая судьба.

Физические проявления эмоций персонажа также могут репрезентироваться при помощи концептуальной метафоры КОНТЕЙНЕР. Например, в следующих контекстах жидкость (кровь) наполняет КОНТЕЙНЕР и меняет температуру:

(9) *It was some foul parody, some infamous ignoble satire. He had never done that. Still, it was his own picture. He knew it, and he felt as if his blood had changed in a moment from fire to sluggish ice* [8, с. 131].

Внутренний мир эмоций персонажей может репрезентироваться при помощи образа животного:

(10) *That passion which had formerly been so exquisitely delicious became now a scorpion in her bosom. She resisted it, therefore, with her utmost force, and summoned every argument her reason (which was surprisingly strong for her age) could suggest, to subdue and expel it* [4, с. 127].

Эпитет *exquisitely delicious* и метафора *became now a scorpion in her bosom* на контрасте показывают резкую перемену чувств героини. Влюбленность вместо того, чтобы приносить наслаждение, резко превратилась в скорпиона в ее груди и «съедает» ее изнутри. Поэтому она изо всех сил сопротивляется своим эмоциям (*resisted it with her utmost force*), стараясь укротить их и изгнать (*subdue and expel*). Таким образом, в анализируемом контексте сочетаются метафоры животного, войны и метафорический концепт КОНТЕЙНЕР.

В диалоге с самим собой персонаж пытается «договориться» со своим внутренним голосом, не дать ему разыграть себя. Сознание персонажа описывается в контексте (11) как одушевленное лицо, как фокусник, показывающий разные трюки (*mind start playing tricks*):

(11) *Whether or not it was solid gold, he had no way of knowing, and he was not about to let his mind start playing tricks on him* [3, с. 167].

В следующем примере видна напряженная работа памяти персонажа. Здесь мышление сравнивается с книгой (энциклопедией), а мысли – это пункты в энциклопедии:

(12) *As Langdon's eidetic memory skimmed through his mental encyclopedia of symbols, he could find only one possible point to make. It was something that had occurred to him initially, but had seemed unlikely. At the moment, however, he had to buy time to think* [3, с. 114].

Внутренние переживания персонажей могут передаваться через образ острого предмета. Например, в следующем отрывке персонаж в диалоге с самим собой признается, что очень болезненно относится к критическим замечаниям в адрес своих рассказов. Он буквально ощущает, как в него вбиваются ножи:

(13) *Clifford was almost morbidly sensitive about these stories. He wanted everyone to think them good, of the best, ne plus ultra. They appeared in the most modern magazines, and were praised and blamed*

as usual. But to Clifford the blame was torture, like knives goading him. It was as if the whole of his being were in his stories [5, с. 17].

Эмоции персонажей могут репрезентироваться через температурные показатели. В контексте (14) чувство стыда и несчастья бросают героя в жар:

(14) *He was hot with shame and misery* [6, с. 116].

Персонаж может «кипеть» от злости:

(15) *Though boiling with rage, Clifford said nothing* [5, с. 81].

Чувство дискомфорта вызывает, как правило, ощущение холода:

(16) *Now she came every day to the hens, they were the only things in the world that warmed her heart. Clifford's protestations made her go cold from head to foot. Mrs Bolton's voice made her go cold, and the sound of the business men who came. An occasional letter from Michaelis affected her with the same sense of chill. She felt she would surely die if it lasted much longer* [5, с. 118].

В приведенном выше примере возникает также сравнение эмоционального потрясения со смертью (*she would surely die if it lasted much longer*).

В англоязычном нарративном дискурсе разные концептуальные метафоры довольно часто выступают совместно с другими образами:

(17) *It seemed to him that in exquisite raiment, and to the delicate sound of flutes, the sins of the world were passing in dumb show before him. Things that he had dimly dreamed of were suddenly made real to him. Things of which he had never dreamed were gradually revealed* [8, с. 106].

Вполне очевидно, что здесь грехи мира персонифицируются и выступают как действующие лица, сменяющие друг друга в немом шоу (*the sins of the world were passing in dumb show before him*). Изысканные одеяния (*exquisite raiment*) и утонченные звуки флейты (*delicate sound of flutes*) вызывают ассоциацию с театром. В сознании персонажа происходит переосмысление мира: мечты неожиданно становятся реальными (*were suddenly made real to him*), постепенно открываются новые факты (*gradually revealed*).

Подводя итог, хотелось бы отметить, что метафоричность является неотъемлемой частью внутреннего мира персонажей англоязычных художественных произведений. Наиболее часто внутренние состояния репрезентируются при помощи метафорического концепта КОНТЕЙНЕР. Тело человека и внутренние органы (сердце, желудок, ухо и др.) также могут быть КОНТЕЙНЕРОМ для различных эмоций. Метафорический концепт КОНТЕЙНЕР может сочетаться с физическими проявлениями эмоций. Анализ языкового материала показал, что КОНТЕЙНЕР чаще всего наполнен водой. Метафорический концепт КОНТЕЙНЕР может сочетаться с метафорой ограничения пространства и с метафорой охоты. В англоязычных художественных произведениях можно отметить много случаев персонификации мыслей, ког-

да разум персонажа представляется как движущийся предмет, как фокусник, показывающий трюки и т. д. Чувства персонажа могут представляться как нападающие на него враги. Эмоции довольно часто описываются через температурные показатели, когда тепло передает чувство комфорта, а холод описывает негативные чувства. Переживания персонажа могут репрезентироваться как острый предмет, приносящий боль. Кроме того, внутренний мир эмоций персонажа передается при помощи образа животного или образа птицы.

В целом, анализ концептуально-метафорической репрезентации в интроспективных контекстах позволяет наиболее полно декодировать эмоции и чувства персонажей англоязычных художественных произведений, что способствует наиболее точному восприятию замысла автора.

Библиографический список

1. Беляевская Е. Г. Метафорические концепты как «инструмент» семантических исследований // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2008. – № 552. – С. 83–92.
2. Austen J. *Pride and Prejudice*. – London : Penguin Books, 1994. – 299 p.
3. Brown D. *The Lost Symbol*. – London : Bantam Press, 2009. – 509 p.
4. Fielding H. *The History of Tom Jones A Foundling*. – London : Wordsworth Classics, 1999. – 734 p.
5. Lawrence D. H. *Lady Chatterley's Lover*. – London : Penguin Books, 1997. – 314 p.
6. Maugham W. S. *Rain. Stories*. – СПб. : КАРО, 2009. – 448 с.
7. Thackeray W. M. *Vanity Fair*. – London : Wordsworth Classics, 2001. – 694 p.
8. Wilde O. *Picture of Dorian Gray*. – Новосибирск : Сиб. унив. изд-во, 2010. – 191 с.

ИССЛЕДОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ МЕТАФОРИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ РЕКЛАМЕ ТУРИЗМА

Н. А. Тюленёва

**Новосибирский государственный педагогический
университет, филиал в г. Куйбышев,
Новосибирская область, Россия**

Summary. The article is devoted to metaphorical modelling peculiarities research in the English tourist advertisements. Cognitive metaphors are singled out in newspaper tourist articles. All cognitive metaphors are divided into metaphorical models according to source domains.

Keywords: cognitive metaphor; metaphorical model; tourist advertisement.

Когнитивная метафора является тем объектом исследования, которому посвящены многие работы ученых и который не перестает

волновать умы исследователей-лингвистов. С одной стороны, метафора украшает речь. А с другой стороны, метафора свидетельствует о стереотипизации мышления.

В различных видах текстов метафора имеет определенные функции. Немаловажным значением обладает метафора в текстах рекламы. Метафора актуализирует важные для рекламиста и, соответственно, адресата свойства рекламируемого продукта. В то же время изучение специфики метафорического моделирования приводит к осознанию особенностей восприятия действительности народа.

Известно, что мышление человека предполагает операции над знаниями, направленные на изменение старого знания и усвоение нового. Происходит постоянное обращение к знаниям, «упакованным» в различные оболочки [1]. Одним из способов упаковки знаний является когнитивная метафора.

В когнитивной лингвистике метафора понимается не как образное средство, а как основная ментальная операция, объединяющая две понятийные сферы [2]. Здесь метафора позволяет использовать возможности сферы-источника для осмысления новой сферы.

Классификация выявленных когнитивных метафор нередко осуществляется в соответствии со сферой-источником знаний.

Материалом данного исследования послужили статьи, посвященные рекламе туризма и опубликованные в интернет-версии газеты «The Independent».

В результате исследования были выявлены такие метафорические модели, как «Природа», «Человек», «Смешение».

При построении рекламного текста рекламисты нередко обращаются к метафорической модели «Природа». Выражаются образы, связанные с неживой природой.

Актуальным является использование метафор воды. Вода олицетворяет положительные тенденции и повышение активности в жизни курорта.

Постепенное развитие курортного бизнеса, такое как строительство гостиниц на теплом курорте, ассоциируется с тонкой струйкой воды.

Paros marks the start of a vast, continuous stretch of beaches in North Goa: Morjim, Ashvem and Mandrem. Development has trickled in since the bridge over the Chapora River at Siolim was built in 2002.

«Парос» знаменует начало безграничных просторов пляжей в северной части Гоа: Морджим, Ашвем и Мандрем. Курорт постепенно застраивался после того, как был возведен мост над рекой Чапорой в Сиолиме в 2002 году.

(«Goa: A refined take on the hippie hangout», Alison Smith, Saturday, 18, January 2014)

Новый этап в жизни курорта, обусловленный увеличившимся потоком туристов и направленный на обустройство курортной зоны и расширение инфраструктуры, представляется в качестве волны.

However, in a recent surge, planning restrictions and lack of infrastructure are being overcome to capitalise on the growing numbers of visitors who want to explore the coastline north of the tourist masses.

Однако недавно был отмечен всплеск активности. Он заключается в том, что ограничения в планах застройки и недостаток инфраструктуры компенсируются растущим количеством туристов, желающих познакомиться с побережьем, что расположено севернее традиционных излюбленных туристами мест.

(«Goa: A refined take on the hippie hangout», Alison Smith, Saturday, 18, January 2014)

Среди образов живой природы необходимо отметить образы растительного мира.

Для актуализации высокого уровня обслуживания в гостинице журналист применяет метафору чащи, леса. Подчеркивается радушный прием обслуживающего персонала и готовность помочь. Данная метафора повышает значимость рекламируемой гостиницы.

In the wood-panelled lobby a thicket of hands stretch to greet me – «Good evening, Sir»; «How can we help?»; «Do let me take your coat» – and that's before I've had a chance to say I've booked a room. It is a perfectly pitched welcome and one gets the sense that it is a sincere one.

В фойе гостиницы, отделанной деревянными панелями, лес рук тянется, чтобы поприветствовать меня: «Добрый вечер, сэр», «Чем мы можем Вам помочь?», «Позвольте мне взять Ваше пальто», и это до того, как я успел сказать, что я зарезервировал комнату. Это очень теплый прием и ощущаешь, что всё совершенно искренне.

(«The Milestone: Is this Britain's best hotel?», Samuel Muston, Wednesday, 22, January 2014)

Создатели рекламных текстов также обращаются к метафорам модели «Человек».

Отдельные метафоры модели выражают деятельность, свойственную человеку. Красота и притягательность гостиницы в Западном Лондоне подчеркивается через метафору танцующих людей, с которыми сравниваются тени, отбрасываемые свечами.

At dinner in the restaurant, Cheneston's, I think I finally begin to understand why people love the Milestone so. Candles cast dancing shadows on the wall; the «roast of the day» comes out on a silver trolley; the superb waiters wear dinner jackets.

За обедом в ресторане «Ченестон» я думаю, я начинаю понимать, почему «Майлстоун» так популярен. Танцующие тени от свеч падают на стену; «жаркое дня» появляется на серебряном столике на колесиках; превосходные официанты одеты в смокинги.

(«The Milestone: Is this Britain's best hotel?», Samuel Muston, Wednesday, 22, January 2014)

Для рекламы туризма характерно выражение метафорической модели «Смешение». Благодаря метафорам данной модели передаются смыслы многоцветья, калейдоскопичности, разнообразия репрезентируемых рекламных объектов.

Так, смысл соединения разных качеств, признаков туристического объекта концептуализируется в артефактной метафоре кружева.

Providencia laces together Bohemia with the modern world and brims with cafés and bars.

Провиденция связывает богему с современным миром; она изобилует кафе и барами.

(«B&B and Beyond: Casa de Todos, Santiago de Chile», Sorrel Moseley-Williams, Saturday, 18, January 2014)

Интерес читателя вызывается через образ смеси противоречивых черт местности.

Beyond the city's walls there is a fascinating mix of tranquil parkland and industrial heritage.

За городом – очаровательное сочетание безмятежной территории парка и индустриального наследия.

(«48 Hours In: York», Simon Calder, Friday, 24, January 2014)

В целом когнитивная метафора в туристическом тексте позволяет представить положительные изменения в жизни курорта, привлечь внимание к высокому уровню сервиса, актуализировать неповторимый образ туристического продукта, передать смысл разнообразия свойств рекламируемого объекта.

Библиографический список

1. Баранов А. Н. Политический дискурс: прощание с ритуалом. URL: <http://www.courier.com.ru/humanities/zip/452.zip> (1997).
2. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). – Екатеринбург, 2001. – 328 с. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-01.htm> (2001).

ОТНОШЕНИЯ «ДАЛЬНОЙ ДИСТАНЦИИ» КАК ОБЛАСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭМОТИВНО-НЕМАРКИРОВАННОЙ ПРОСОДИИ В БРИТАНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Т. М. Огородникова

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова,
г. Нижний Новгород, Россия

Summary. The article investigates relationships of «far distance» in British linguistic culture. Emotively-unmarked speech is studied as the prosodic component of British «far distance» communication. The article presents theoretical observations alongside with practical results of prosodic research.

Keywords: proximity; distance; «far distance» relationships; British linguistic culture; emotively-unmarked prosody; tone; intensity; duration.

Любая коммуникация протекает в определенных пространственных условиях, изучением которых занимается проксемика. Проксемика стремится выявить структуру пространственных отношений человека с другими людьми, а также оценить вклад индивидуальных, социальных, культурных и средовых факторов в пространственное поведение человека [3, с. 6]. Проксемические исследования приобретают особую значимость в рамках лингвокультурологического подхода, так как представители каждой культуры имеют специфический проксемический «код», знание которого является необходимым условием успешной коммуникации.

Проксемические особенности определенной культуры отражаются в выборе подходящей дистанции общения. Часто дистанция понимается как геометрическое расстояние между собеседниками. С этой точки зрения дистанция делится на четыре типа: интимную, личную, социальную и публичную, каждая из которых предполагает ближнюю и дальнюю фазы [5, р. 116–125]. Эти типы дистанции основываются на геометрических показателях и могут быть достаточно четко измерены в любой культуре. Геометрические характеристики дистанции несут важную смысловую информацию – определенному физическому расстоянию между собеседниками приписывается определенное значение.

Дистанция в общении, однако, не сводится лишь к геометрическому расстоянию между собеседниками. В некоторых случаях геометрические параметры дистанции носят стихийный характер (в ограниченном пространстве, при случайном скоплении людей или столкновении). Также значимость геометрической дистанции снижается в современном обществе. В настоящее время формы коммуникации радикально меняются – реально измеряемые дистанции сменяются

виртуальными, измерить которые крайне сложно. Всё чаще общение между друзьями и родственниками, деловые переговоры, научные конференции и другие виды человеческого взаимодействия переносятся в виртуальное пространство. Этим объясняется необходимость учета других параметров комплексного понятия «дистанция».

Помимо геометрических показателей, дистанция подразумевает выбор сообразной ситуации степени официальности общения, что обозначается в лингвистической литературе как коммуникативная (речевая) дистанция [1, с. 6]. Несмотря на то, что степень официальности общения не всегда имеет четкие геометрические соответствия, переключение с официального на неофициальный стиль общения и наоборот значительным образом сказывается на ходе коммуникации.

Другим важным компонентом дистанции является психологический аспект коммуникативного поведения собеседников. Говорящие, соблюдающие соответствующую физическую и коммуникативную дистанцию, могут оказывать психологическое давление на собеседника, вторгаться в его внутренний мир или же, наоборот, чрезмерно психологически обособляться от собеседника.

Таким образом, дистанция предстает как сложное единство геометрического, коммуникативного и психологического компонентов, имеющих свою специфику в каждой культуре. В британской культуре выбор дистанции связан с британской системой вежливости, речевым этикетом, а также обусловлен ценностями британского общества, к которым относятся соблюдение «зоны личной автономии» («privacy»), эмоциональная сдержанность, следование правилам негативной вежливости, традиционализм и пр.

В британской культуре термин «privacy» обозначает не только стремление защитить личное пространство физически, но и уважение независимости личности, недопустимость оказания прямого воздействия на собеседника, соблюдение его интересов, толерантность по отношению к другим [2, с. 71]. Британский феномен «личной автономии» находит отражение в свободе проявления эмоций в речи британцев и приводит к появлению так называемой «эмоциональной приватности» («emotional privacy») [6, р. 300], которая предполагает эмоциональную сдержанность говорящего в ряде ситуаций общения. Также строгое соблюдение личного пространства определяет особенности британской системы вежливости, в основе которой лежит «негативная вежливость» как невмешательство в свободу действий личности [4, р. 70].

Перечисленные особенности британского национального поведения свидетельствуют о важнейшей роли отношений «дальней дистанции» в рамках британской лингвокультуры. Специфика отношений «дальней дистанции» в британском обществе предполагает:

- 1) соблюдение геометрической дистанции (соблюдение принятой в британской культуре социальной и публичной дистанции);
- 2) соблюдение коммуникативной дистанции (следование принятым в британской культуре правилам официального общения);
- 3) соблюдение психологической дистанции (уважение психологической автономии партнера по коммуникации);
- 4) доминирующая роль интеллективной и фактуальной информации (максимальное исключение информации эмотивного и воздействующего типа).

Отношения «дальней дистанции» в британской лингвокультуре реализуются в ситуациях делового, научного, образовательного, инструктирующего и информативного общения, в публицистическом общении недезервативного характера, а также в общении между малознакомыми и незнакомыми людьми.

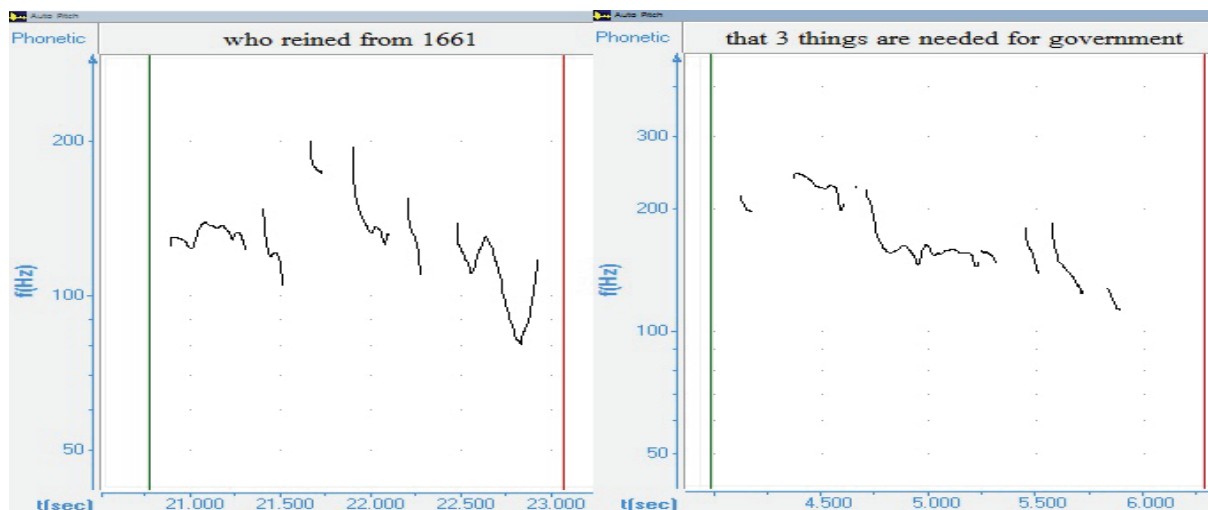
Значимость отношений «дальней дистанции» для британской культуры объясняет интерес к лингвистическим средствам, характеризующим эти отношения. Одним из наиболее важных лингвистических феноменов в рамках общения на «дальней дистанции» является просодическая организация этого типа отношений. Коммуникация на «дальней дистанции» предполагает использование эмотивно-немаркированной просодии, которую можно рассматривать как своеобразный лингвокультурологический «продукт» совокупности типичных черт британского национального поведения – британской приватности, негативной вежливости, эмоциональной сдержанности, индивидуализма, обособленности, традиционализма и пр.

Эмотивно-немаркированная просодия, представляющая просодическую сторону отношений «дальней дистанции», рассматривается здесь на материале образцов британского образовательного общения (лекции и начитанные статьи на «серьезные» темы), информативного общения (новостные и документальные выпуски), инструктирующего общения (инструктажи по использованию компьютерных технологий).

С точки зрения тональных параметров все образцы эмотивно-немаркированной речи демонстрируют ряд сходных черт:

1. В синтагмах преобладает нисходящий мелодический рисунок, высота тона постепенно снижается от начала к концу синтагмы, что позволяет говорящему звучать уверенно, спокойно и сдержанно. На синтагматическом ядре доминирует высокое или низкое нисходящее тональное движение. Также встречается низкое восходящее движение, выражающее нефинальный характер синтагмы (см. рисунок).

2. Максимальные тональные показатели располагаются в начале синтагмы, на синтагматическом ядре, а также на ключевых элементах синтагмы, за счет чего достигается логико-смысловое единство звучащей речи.

Пример синтагм с восходящим и нисходящим ядерным тоном

3. Средние максимальные и минимальные показатели ЧОТ демонстрируют значительное единообразие (средняя максимальная ЧОТ в мужской речи – 150–200 Гц, в женской – 250–300 Гц; средняя минимальная ЧОТ у мужчин – 75–90 Гц, у женщин – 120–140 Гц).

4. Показатели среднего тонального уровня являются устойчивыми (в мужской речи – 115–150 Гц, в женской – 200–240 Гц), что свидетельствует о выборе сходного тонального уровня в просодическом оформлении эмотивно-немаркированной речи.

Значительные сходства наблюдаются в показателях интенсивности в просодической организации отношений «дальней дистанции». Средние максимальные параметры составляют 75–85 дБ, средние минимальные показатели 45–50 дБ, средний уровень интенсивности составляет 60–70 дБ. На перцептивном уровне эмотивно-немаркированная речь характеризуется устойчивым средним уровнем громкости.

Полученные замеры длительности в эмотивно-немаркированной речи свидетельствуют о схожей длительности синтагм (1,5–2,5 с) и пауз (0,2–0,5 с). Самые короткие паузы встречаются между синтагмами, тесно связанными между собой по смыслу. Подобная темпоральная организация позволяет четко дробить речь на синтагмы и обозначать логико-смысловые отношения между частями звучащего текста.

Просодическая сторона отношений «дальней дистанции» является перспективной сферой исследования в рамках британской лингвокультуры, поскольку позволяет составить представление о просодических контурах, характеризующих британское официальное общение, а также помогает успешно организовать общение с носителями британского варианта английского языка на уровне фразовой просодии.

Библиографический список

1. Ефанова Л. Г. Коммуникативная дистанция как норма речевого взаимодействия (на примере использования некоторых русских местоимений) // Вестник Томского государственного университета. – Томск, 2011. – № 2 (14). – С. 5–11. – (Сер.: Филология).
2. Ларина Т. В. Англичане и русские: Язык, культура, коммуникация. – М. : Языки славянских культур, 2013. – 316 с.
3. Плюсин Ю. М. Пространственное поведение человека (методы проксемических исследований). – Новосибирск : Институт философии и права Сибирского отделения РАН, 1990. – 45 с.
4. Brown P., Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Usage. – Cambridge : Cambridge University Press, 1987. – 345 p.
5. Hall E. T. The Hidden Dimension. – New York : Anchor Books, 1990. – 218 p.
6. Hewitt K. Understanding Britain Today. – Oxford : Perspective Publications Ltd, 2009. – 307 p.

نقد اسطوره‌شناختی توتمیسم در باورهای مردم ترکمن

دکتر حسن کهنسال و اجارگاه، آلاله عابدی
دانشگاه گیلان، رشت، ایران

Summary. Myths are dreams, collective beliefs and prevenient sacred imagination which is created from impact of natural phenomena and the around word of early human. Combining imagination of human mind, the life style and the reaction of human towards natural ingredient produce mysterious belief that remains in latent layers of human mind and mainly along with sanctity concept. One of these concepts that have vulnerability aspect is totemism, which is rooted in mythology and prehistoric religious beliefs. According to lifestyle and way of living, this concept expressed with various rites and symbols among different races. In this article, we intend to discus about totems and its related belief, which has survey study on it with mytho critical way among the Turkmen tribes. Assuming that myths influence on expression of totem manner we deal with mythological motif. According to present research we presumption that with study on totemic belief and contemplated on latent layers of the human mind we can consider early human attitudes and the curvature processing of sanctity content based on human innate needs and its reflection on social life.

Keywords: Totem; Myth; Turkmen; Sanctity.

چکیده:

اسطوره‌ها، رؤیاها، باورهای جمعی و پنداره‌های مقدس ازلی هستند که با تأثیرپذیری انسان‌های آغازین از پدیده‌های طبیعی و جهان پیرامونش به‌وجود آمده است. تلفیق تخیلات ذهنی بشر، نحوه معیشت و واکنش وی به عناصر طبیعی موجب پدید آمدن عقاید و باورهای پر رمز و رازی شده است که همچنان در لایه‌های نهان ذهن بشر به‌جای مانده و عمدتاً با مفهوم قداست همراه است. یکی از این مفاهیم که جنبه تقدس دارد، باورهای مربوط به توتمیسم است که ریشه در اساطیر و ادیان ماقبل

تاریخ دارد. این مفهوم بر اساس نحوه زندگی و نوع معیشت در میان اقوام مختلف با نمادها و آیین‌های متفاوتی نمود یافته است. در این مقاله برآنیم تا پدیده توتم و باورهای مربوط به آن را با روش نقد اسطوره‌ای در میان قوم ترکمن که به صورت میدانی گردآوری شده، تبیین و تفسیر کنیم و با فرض این‌که اسطوره‌ها بر چگونگی نمود یافتن توتم‌ها تأثیر می‌گذارند به بن‌مایه‌ای اساطیری آن بپردازیم. براساس مطالعه پیش‌رو این‌گونه استنباط می‌کنیم که با مطالعه باورهای توتمی و تعمق در لایه‌های نهان ذهن انسان به نحوه نگرش انسان ابتدایی و انحای پردازش مضامین قدسی بر اساس نیازهای فطری بشر پی برد و بازتاب آن را در زندگی جمعی مشاهده کرد.

کلیدواژه: توتم، اسطوره، ترکمن، مقدس

مقدمه:

اسطوره‌ها تجربه منحصر به فرد جوامع ابتدایی به‌شمار می‌آید و آن به چگونگی آفرینش و کهن‌الگوهای مثالی می‌پردازد. تقدس یکی از مفاهیم کاربردی در حیات دینی انسان اولیه تلقی می‌شود که در ناخودآگاه جمعی ذهن بشر وجود دارد. باورهای مرتبط با توتمیسم، تمایل انسان ابتدایی به امر قدسی است که با مناسک و آیین‌هایی که افراد جامعه براساس الگوهای توتمی خود برگزار می‌کنند، متجلی می‌شود که در حقیقت به منظور دستیابی به تعالی، با توتم‌های خود که منشأ نیروهای قدسی و فرا زمینی هستند مرتبط می‌شوند و همچنین نامقدس‌ها را از جامعه خود دور می‌سازند. "ما در تمامی اسطوره‌های جهان با قدیسان یا نیروهای ماوراءالطبیعه مواجهیم که نقش واسطه را بین نیروهای فرا زمینی و بشر روی زمین بازی می‌کنند." (استروس، 1380: 36)

در این پژوهش، باورهای مرتبط به توتمیسم که همچنان در بین قوم ترکمن رایج است از منظر نقد اسطوره‌ای مورد بررسی قرار می‌گیرد. ضروریست برای تبیین مفهوم و کارکرد این موضوع میان قوم ترکمن نمودهای عینی را مطرح کرده و به تفسیر آن براساس نظریات اسطوره‌شناسان و دین‌پژوهان بپردازیم.

2- توتم و توتمیسم:

واژه توتم ریشه در یکی از واژگان قبیلۀ اُجیبوه، از قبایل سرخپوست آمریکای شمالی دارد "اما مطالعات میدانی در طول قرن بیستم نشان داده که رفتارها و اعتقاداتی مشابه آن تقریباً در همه فرهنگ‌ها وجود داشته است" (فکوهی، 1391: 199-200). توتم را حیوان، گیاه و یا شیئی می‌دانند که حامل روح نیاکان است و به همین دلیل نیز از قداست و احترامی خاص برخوردار است؛ رابطه انسان و توتم دو طرفه است و آدمی خواستار آن بوده که از جانب توتم خود حمایت و همراهی شود. توتم با خود تابو را به همراه دارد که همان منع‌ها و محدودیت‌هایی است که از سوی خود جامعه انسانی بر اعضای آن اعمال می‌گردد. توتمیسم شیوه اندیشیدن و اعتقادات انسان ابتدایی است که براساس اندیشه‌های ابتدایی، نیازهای فطری و درک نیرویی فراتر از خود و تحت تأثیر طبیعت پیرامونش شکل گرفته است. به عبارت دیگر می‌توان گفت، انسان اولیه به مفاهیم عینی قداست بخشیده و آن را به مفاهیم ذهنی مبدل ساخته است. انسان بدوی برای تمامی پدیده‌ها روح قائل بوده و با گذشت زمان کنش‌هایی که از سوی انسان برای توتم صورت می‌گرفت به آیین‌هایی مبدل گشت که همچنان در میان ملل مختلف باقیست. بسیاری از نظریه‌پردازان براین باورند که توتمیسم مرحله ضروری از تکامل جامعه بشری است. نظریه‌پردازانی چون فروید، فریزر، الیاده، استروس هر یک تلاش کرده‌اند تا توتم و توتمیسم را

از منظر خود تعریف نمایند. فروید توتمیسم را ناشی از پدرکشی آغازین دانسته و مبنای شکل‌گیری آن را بر همین اساس تلقی می‌کند و توت‌ها را به سه گروه، قبیله‌ای، فردی و جنسی تقسیم کرده است (همیلتون، 1377: 106). فریزر توتمیسم را ناشی از ترس انسان اولیه به گیاهان و جانوران خاصی می‌داند که با گذشت زمان تقدیس یافته‌اند (آزادگان، 1387: 152-155). الیاده معتقد است که توتمیسم استعداد مردم بدوی در شناخت جهات مختلف قداست است؛ او می‌گوید حیات مذهبی بدوی‌ترین اقوام، پیچیده است و ممکن نیست به توت‌پرستی، آنیمیسم و پرستش نیاکان محدود شود (الیاده، 1382: 28). استروس توتمیسم را نوعی شیوة اندیشیدن می‌داند که خاص دوران باستان نبوده، در جوامع مختلف تداوم دارد و تصویری از انعکاس خود دانسته است (استروس، 1361: 205).

3- چهارچوب نظری

اسطوره‌شناسان و دین‌پژوهانی نظیر یونگ، الیاده، استروس و... نظریه‌های متعددی در زمینه اسطوره و نقد اسطوره‌شناختی ارائه نموده‌اند و هر کدام از زاویه خاصی به تحلیل آن پرداخته‌اند. اسطوره‌شناسان در جستجوی یافتن رازها، سرچشمه‌ها و دریافت پیام نمادها بوده و ریشه‌های اسطوره را در بستر جامعه‌ای که در آن نمود یافته‌اند، مورد بررسی قرار می‌دهند. در این میان، کارل گوستاو یونگ از نظریه‌پردازانی است که تأثیر زیادی در نقد اسطوره‌شناختی داشته و به طرح مقوله حافظه قومی و کهن الگوهای متأثر از آن پرداخته و اسطوره را فرافکنی پدیده‌های روانی می‌داند. میرچا الیاده اسطوره‌شناس رومانیایی که تحت تأثیر یونگ و ناخودآگاه جمعی وی بوده است، اسطوره را راوی سرگذشت مینوی و قدسی می‌داند و می‌گوید اسطوره روایت‌کننده خلقت آغازین است. الیاده پدیدارشناسی را که همان رمزگشایی نمادهای دینی است، مطرح می‌کند و معتقد است با استفاده از نمادها و روایت‌های اسطوره‌ایست که می‌توان تجربه امور قدسی را بیان کرد؛ و همچنین می‌توان با رمزگشایی و بررسی نمادهای جامعه ابتدایی تقدس و امور قدسی را به‌طور مشخص تبیین کرد. زیرا الیاده معتقد است "رمز با تبدیل اشیا به چیزی سواي آنچه در قالب ادراك مادي مي گنجد، ادامه ديالکتیک تجلي قداست محسوب می‌شود و اشیا با تبدیل شدن به رمز، محدودیت عینی خود را از دست می‌دهند و به صورت عناصر به هم پیوسته يك نظام، با یکدیگر مرتبط می‌شوند" (الیاده، 1376: 421). به عبارت دیگر، یعنی تبدیل نامقدس به مقدس و درک نیروی ماوراءالطبیعه در حین تعامل با طبیعت. الیاده همچنین معتقد است: "برای انسان مذهبی، طبیعت هرگز فقط طبیعی نیست، بلکه طبیعت همیشه دارای ارزش مذهبی است. چون کیهان آفرینش خداست از دست خدایان بیرون می‌آید. جهان اشباع شده از تقدس است" (الیاده، 1387: 44).

4- نگاهی اجمالی به قوم ترکمن

شیوة زندگی هر قومی آکنده از عقاید، ایده‌ها، آداب و رسوم است. هر قومی به تناسب نوع زندگی، کار خویش و نحوه ارتباط اجتماعی با سایر اقوام و جوامع دارای نگرش خاص خود نسبت به شیوة زیست می‌گردد. به بیان دیگر می‌توان گفت هر ملتی برای خود افسانه‌ها، اسطوره‌ها و روایت‌هایی دارد که برای آن ملت مقدس و قابل احترام است. قوم ترکمن که ترکیبی از نژاد ترک و مغول است، در شمال شرقی ایران استقرار دارند و سه گروه عمده را تشکیل می‌دهند: یموت، گوکلان و تکه. پهنه جغرافیایی که ترکمن‌های یموت در آن ساکن هستند از بندر ترکمن شروع شده از آق قلا و گنبد عبور کرده و به مرواه تپه ختم می‌شود (نک. گلی، 1366: 40-66). امرار معاش آنها به شیوة

شبنانی است. زندگی ترکمن‌های یموت سرشار از آیین‌ها و افسانه‌هاست به طوری که حتی اسامی طوایف با الهام از آنها برگزیده شده است. با مطالعه زندگی طوایف و طبقات مختلف ترکمن‌ها به وضوح مشاهده می‌گردد که باورهای ابتدایی نظیر توتمیسم همچنان در زندگی آنها نمود دارد و به حیات خود ادامه می‌دهد. رد پای توتمپرستی را نه تنها در حرمت گذاشتن این قوم به حیوانات اهلی چون اسب، بز، شتر و ... و حیوانات وحشی چون گرگ و پرنده‌گانی چون شاهین، عقاب و قرقی و ... و گیاهانی چون درخت می‌توان دید، بلکه در ادبیات عامیانه، نام افراد و حتی اسامی طوایف نیز قابل مشاهده است. اغوزها تا قبل از ورود اسلام به آسیای میانه پیرو آیین شمنی بودند که پرستش نیاکان یادگار همین دوره است. در تفکر شمنی اعتقاد به پرستش طبیعت از جایگاه خاصی برخوردار می‌باشد (معطوفی، 1383، ج 4، 1929). امروزه بقایای آیین‌های کهن هنوز خود را در بین طوایف ترکمن به صورت نمادهای مختلف می‌نمایاند.

ما در ادامه بحث خود ابتدا نمادهای اسب، بز یا قوچ، گرگ و درخت را در فرهنگ جهانی مورد بررسی قرار می‌دهیم و سپس به شرح آیین‌هایی در قوم ترکمن می‌پردازیم که این حیوانات یا گیاهان در آن آیین نقش توتم را دارند یا از حرمت خاص برخوردار هستند.

5- نمادهای جانوری و گیاهی در فرهنگ جهانی

انسان ابتدایی همواره وجوه سخت زندگی خود را به نیروهای اهریمنی نسبت می‌داده و برای دفع آن به برخی از حیوانات و گیاهان به عنوان خدایان و یا نیروهای حمایت کننده متوسل می‌شده است. "فراوانی نماد حیوان در میان ادیان و هنرهای تمامی دوران بیانگر اهمیت نماد نیست بلکه نشان می‌دهد که تا چه اندازه برای انسان مهم است تا با محتوای روانی نماد یعنی غریزه در آمیزد" (یونگ، 1392: 363). همچنین تمامی این صفات و نیروهای خارق‌العاده‌ای که برای توتم خود قائل می‌شد، در حقیقت تمامی ویژگی‌های انسانی بود که برای تبیین موضوع «وجود چیزی فراتر از خود» و برای تبیین پدیده‌هایی که در اثر تجربه و تعامل با زندگی طبیعی با آن برخورد داشت، مورد نیاز بود.

5-1- نمادهای جانوری و گیاهی و شرح باورها و آیین‌های قوم ترکمن مرتبط با آن

5-1-1- اسب

اسب نمادی چند وجهی است و وجه مورد نظر آن با توجه به موقعیتی که در آن قرار می‌گیرد تأویل می‌شود، اسب هم مفهومی جنسی و هم مفهومی معنوی دارد. در مفهوم جنسی این حیوان نماد نیرو، قدرت خلاق و جوانی است (شوالیه، 1388، ج 1: 153)، به عبارت دیگر می‌توان گفت که نماد غریزه انسان و الگوی ازلی سرکشی و هوس تلقی می‌شود و روانکاوان آن را روان ناخودآگاه و روان غیربشری می‌دانند. انسان بدوی باید حیوان درون خود را رام سازد تا برایش همراهی مفید شود (یونگ، 1392: 364). در مفهوم معنوی راکبی که بر مرکب خود سوار است تسلط بر طبیعت غریزی را نشان می‌دهد. از سویی دیگر، اسب راهنمای راه است که سوار خود را در فضایی مقدس، در مرکز عالم قرار می‌دهد و سوار با قرار گرفتن در بین زمین و آسمان که همان کهن الگوی دوزخ و بهشت است به سوی تعالی صعود می‌کند؛ و اسب نقش درخت شمن و یا تیرک ودایی یا محور کیهانی صعود را به خود می‌گیرد. کشتن اسب و خوردن گوشت آن نیز نماد قدرت روشن ضمیری و شناختش از عوالم را نشان می‌دهد و هم داستان پدرکشی انسان‌های پیش از تاریخ را تداعی می‌کند و هم ذبح ودایی اسب «اش و مدهه» زیرا در سنت ودایی اسب نماد کیهان است. از این رو الیاده تأکید می‌کند،

اسب با کیهان یکی شده و قربانی کردن آن همان بازسازی کار آفرینش است (الیاده، 1389: 103). در چین نیز معتقدند با قرار دادن تندیس اسب بر روی قبر و یا درون آن از روح تازه متوفی درمقابل ارواح خبیث محافظت می‌کنند.

اسب در اساطیر ایرانی و در فرهنگ مزدایی از جایگاه سپندینه ستور و چهارپایان سخن می‌رود. در اوستا، «گنوشورون» ایزد نگهدارنده چهارپایان مفید و روان گاو یکتا آفریده معرفی می‌شود و همچنین در یشت نهم، «درواسپا» به معنی دارنده اسبان تندرو ایزدبانوی نگهبان چهارپایان، ستایش می‌شود (آموزگار، 1388: 34).

«وایو» از ایزدان بسیار نیرومند است که در فضای تهی میان دو جهان هرزدی و اهریمنی است گردونه درخشانش را اسبان گلگون می‌کشند. «ایندره» نیز که از اساطیر هند و ایرانی است گردونه‌ای همراه با دو اسب و گاه هزار اسب دارد.

اسب در میان قوم ترکمن نه تنها از نقش اساطیری برخوردار است، علاوه بر آن اهمیت اقتصادی- اجتماعی دارد و از اعتبار خاصی برخوردار می‌باشد و به گونه‌ای عمیق در فرهنگ این قوم ریشه دوانده است. در گذشته حضور اسب در زندگی ترکمن براساس شیوه زندگی وی کارکردهای متفاوتی داشته اما امروزه کاربری این حیوان، جز مواردی اندک، بیشتر جنبه نمادین و آیینی دارد. این ارزش و احترام به اندازه‌ایست که حتی برای اسب زیورآلاتی تهیه می‌کنند. اسب دوانی و اجرای مسابقات اسب سواری از گذشته تاکنون در مراسم مهم آیینی ترکمن‌ها از جمله جشن‌ها و اعیاد مانند مراسم ازدواج، مراسم ختنه سوران، مراسم برپایی آلاچیق، مراسم آق قویین و... اجرا می‌شود، چنانکه شکوه مراسم اسب دوانی در نقش قالی‌ها، هودی‌ها و لاله‌های زنان و در منظومه‌های شعرا و همچنین در دستگاه‌های موسیقی به تصوی کشیده شده و تداعی کننده صدای پای اسب است.

در تاریخ اوغوزها به نقل از فاروق سومر آمده است که پس از مرگ سرداران ترک اسب‌های متعلق به آنان را کشته، از گوشتش غذایی تهیه کرده و به یارانش می‌دادند اما سر اسب و پوست آن را روی قبر قرار داده و براین باور بودند که این اسب مرکبی خواهد شد برای بردن او به بهشت (سومر، 1380: 91)

یکی از آیین‌هایی که نقش اسب را می‌توان دید اسب دوانی مربوط به مراسم عروسی است که بعدها به صورت مسابقه رسمی در آمده است، بدین ترتیب که هنگام سوارشدن عروس بر ستر، جوانان تفنگ به دوش ترکمن برای رساندن خیر، آمدن عروس به طایفه داماد به طرف مقصد مورد نظر می‌تاختند و هر کدام سعی داشتند جایزه را از آن خود کنند و پس از رسیدن، تفنگ‌های خود را به دوش گرفته و شلیک می‌کردند و سر و صدای زیادی به راه انداخته و همگان را از آمدن عروس باخبر می‌ساختند.

علاوه بر این در ادبیات ترکمن چه به صورت منظوم و چه به صورت منثور از اسب به عنوان اسطوره و مرکبی مقدس که دارای قدری فرازمینی است یاد شده است به عنوان مثال می‌توان به اشعار مختوم قلی فراغی و یا داستان کور اوغلی و اسبش قیرات اشاره کرد (نک. معطوفی، 1383، ج 2: 1805-1821).

یکی از خصوصیات مهم کیش توتمی، کشتن حیوان توتم به علامت رمز مذهبی و خوردن آن به وسیله جمع، که در مواقع عادی ممنوع است، می‌باشد (فروید، 1351: 129). افراد قبیله با خوردن

توتم، خود را با نیروی خدایی وی متبرک می‌سازند. با عمل قربانی بین اعضای گروه و توتم وحدت ایجاد می‌شود. دلیل خوردن خدا برای انسان ابتدایی بسیار ساده است زیرا معتقد است: "با خوردن گوشت حیوان نه تنها خصوصیات جسمانی بلکه حتی خصوصیات اخلاقی و فکری خاص آن حیوان را کسب می‌کند." (فریزر، 1382: 551)

2-1-5 بز یا قوچ

قوچ نماد نیروی حیات، قدرت توالد و تناسل، باروری و حاصلخیزی می‌باشد (شوالیه، 1388، ج 4: 468). تنها تفاوت نمادشناسی قوچ و بز در خورشیدی بودن قوچ و قمری بودن بز است. این حیوان همواره متعلق به ایزد بوده و ذبح آن در مراسم خاص مرتبط با مفهوم همذات‌پنداری آن قربانی با خداست. فروید حیوان قربانی را حیوان توتمی دانسته و به عقیده وی مهم‌ترین خصوصیت کیش توتمی کشتن حیوان به علامت رمزی است که در ابتدایی‌ترین سطح، قراری دوستانه (fellowship) بین خدای توتمی و پرستندگانش بوده است (فروید، 1351: 129). در تمامی جوامعی که فرهنگ آن مبتنی بر زندگی شبانی بوده است در اسطوره‌ها، آیین‌ها و نمادها تصویر قوچ یا بز به صورت مذکر وجود دارد اما با گذر به دوره کشاورزی به عنوان خدایانی مادینه محسوب گشتند. در مصر خدای «آمون» خدای حاصلخیزی، با سر قوچ به تصویر کشیده می‌شد. در یونان نیز «آپولون-کارنیروس» خدای قوچ را تقدیس می‌کردند (شوالیه، 1388، ج 4: 469). قوچ در ودا با «آگنی» مظهر آتش در ارتباط است. شاخ قوچ نشانه تکامل، نیرو و قدرت است. گنن می‌گوید شاخ‌های قوچ ماهیتی خورشیدی دارد و به عنوان نیرویی نرینه لحاظ می‌شود (شوالیه، 1388، ج 4: 2). در اسطوره‌های ایرانی بز یکی از تجسم‌های دهگانه بهرام است (هینلز، 1389: 41). بهرام، ایزد پیروزی وجودی انتزاعی و تجسمی از نیروهای پویا و غیرقابل مقاومت است که بر شرارت دیوان و آدمیان فائق می‌آید (هینلز، 1389: 42). بهرام یا وهرام در اساطیر ایرانی خدای جنگ و تعبیری است از نیروی پیشتان مقاومت ناپذیر (آموزگار، 1388: 27) و به صورت مختلفی چون قوچ دشتی، بز نر و جوان پانزده ساله تجسم می‌یابد. در منظومه دینی و اسطوره‌ای درخت آسوریگ بز نمایانگر دوره شبانی دریافت می‌شود. مردم کوچ نشین و دامدار خصایص خود را به بز یا قوچ که توتم آنها به‌شمار می‌رود نسبت می‌دهند. آیین‌های زیادی برخاسته از نمادگرایی شاخ قوچ وجود دارد، مانند استفاده از شاخ قوچ در جهت باروری، شاخ به‌عنوان یکی از اعضای توتم برای بدست آوردن حمایت و نیروی خارق العاده آن توتم مورد استفاده قرار می‌گیرد.

بز یکی از حیوانات توتمی بسیار مهم قوم ترکمن می‌باشد که همچنان در بسیاری از آیین‌ها و مناسک نقش دارد. برای مثال یکی از بلاگردان‌های مهم است که در اعیاد و جشن‌ها به‌طور مثال جشن آیینی آق قویین (رسیدن به سن پیامبر) استفاده می‌گردد. در این مراسم حیوانی که قربانی می‌شود اغلب بز سفید می‌باشد که آداب خاصی و یا تابوهایی را برای ذبح و حتی استفاده از آن دارند. علاوه بر این اصطلاحاتی که نشان دهنده پشت سر گذاشتن دوره کودکی است قوچ بلدی یا همان قوچ شده ای است و یا شبیه کردن موی پسر بچه‌ها به شاخ قوچ. پس از مرگ نیز یکی از سنگهایی راکه در دوطرف قبر قرار دارد یکی را به شکل شاخ قوچ تراش می‌دهند و یا خود شاخ قوچ را روی آن می‌گذارند. یکی دیگر از آیین‌هایی که بز در آن نقش داشته است مربوط به درمان ناباروری بوده است بدین ترتیب که در گذشته زنان نازا برای درمان نازایی شاخ قوچ راکه در قبرستان افتاده بود به زیر دامن خود می‌بردند.

از نظر انسان ابتدایی ارتباط بین توتم و اعضای بدنش حتی پس از قطع عضو نیز برقرار است و همان قدر که توتم دارای نیروی اسرار آمیز می باشد، اعضای بدنش نیز از همین خصوصیت برخوردار است. این مسئله را می توان بر اساس ارتباط جادو و مذهب از زاویه دید انسان ابتدایی تبیین کرد. زیرا توتم پرستی، پرستش ذاتی مذهبی-جادویی چیزی است (آزادگان، 1372: 118). ازینرو مهمترین ویژگی توتم که قداست و نیروی فوق به چیزهایی که با آن در ارتباط بوده است منتقل می شود.

3-1-5-گرگ

گرگ از نمادگرایی هم مثبت و هم منفی، برخوردار است. اگر نمادگرایی مثبت گرگ را در نظر بگیریم، می توان آنرا نماد نور، حیوانی خورشیدی، قهرمان و جنگجو و نیای اساطیری بدانیم (شوالیه، 1388، ج 4: 714). گرگ تصور ذهنی نیروی مردانه متمرکزی است که با خشم به حرکت می آید. گرگ آبی آسمان خالق سلسله های چینی خوانده می شود؛ از سوی دیگر گرگ یکی از شکل های بیست که به زئوس داده اند و برای او انسان ها را قربانی می کردند تا بر بلایای طبیعی چیره شوند، آنگاه زئوس باران می باراند، مزارع را بارور می کرد و بادها را جهت می داد.

در اوستا و متون پهلوی چون بندهش و ارداویرافنامه گرگ آفریده ای اهریمنی معرفی شده است. در بندهش درباره گرگ، این موجود اهریمنی، چنین آمده است که: اهریمن آن دزد گرگ را آفرید، کوچک و شایسته جهان تاریکی، تیرگی زاده، تیرگی تخمه، تیرگیتن، سیاه، گزنده، بی موزه و خشک دندان (دارای دندان سخت و تیز) و گرگ سردگان به پانزده سرده آفریده شده اند: نخست گرگ سیاه، کوچک و سترگ سرده که به هر چیز اندر یازد، در تازد و دیگر گرگ سردگان شامل ببر، شیر و پلنگان که آنها را کوه تاز خوانند... تا پانزدهم که گرگ چهارپا است که چون او را کودک باشد، به رمه رود (فرنیغ دادگی، 1380: 99-100).

این گونه به نظر می رسد که مراسم قورت چکمه یا گرگ کشی تنها برای دریافت جایزه نبوده است، بلکه آزمونی بوده برای گذار به مرحله دیگری از زندگی و بن مایه ای ایرانی دارد در روایات اساطیری و حماسی شاهنامه سنت گرگ کشی پهلوانان رواج داشت و به عنوان آزمونی دشوار برای گذر از خان ها و به نوعی تشرف به مرحله ای با لایه های پهلوانی چون گشتاسپ، اسفندیار، بیژن و ... با این جانور روبه رو شده اند و آن را از پای در آوردند. "اسفندیار در خان اول با گرگان گول آسا روبرو می شود" (آموزگار، 1388: 75).

در مراسم گرگ سبز عروس با نشستن بر اسب سرکش بر غرایز طبیعی خود چیره شده، از حیات زمینی خود جدا شده و در مرحله ای از کیهان زایی قرار گرفته در جهت تعالی حرکت می کند ازینرو با توتم خود همذات-پنداری می کند و از اعمال او تقلید می کند و مانند توتم خود قربانی می گیرد او به یک خدایانو مبدل گشته و قداست می یابد سپس سواری که قربانی را از او می گیرد کسی است که خود در حال آزمون دادن است و با پیروزی تشرف می یابد.

3-2-نمادهای گیاهی

از زمانی که کشاورزی و گیاه برای انسان ابتدایی اهمیت یافت، مفاهیم زندگی و واقعیت های آنرا با مقایسه و همانندسازی با گیاهان و با حرمت و قداست بخشیدن به آن برای خود تبیین کرد. باور به پیدایش نخستین انسان یا زوج بشری از گیاه موضوعی است که در میان اقوام مختلف وجود دارد و

کریستین سن آن را این‌گونه تبیین می‌کند که منشأ این فکر آن است که گاهی زندگی حیوانی از زندگی گیاهی آغاز می‌شود (کریستن سن، 1383: 55)

1-2-5-درخت

درخت نماد کلیت و زندگی است و از نظر جنسیت دو وجهی است و با عروجش به سوی آسمان مظهر قائمیت است و برگ‌هایش نشانه مرگ و باززایی است. از سوی دیگر وضعیت دوره‌ای و تغییرات کیهانی را نشان می‌دهد (شوالیه، ج 18: 1388، 3). الیاده تفسیر مفصلی از درخت بیان می‌کند اما بر نظریه کیهان زنده و باززایی دائمی تأکید می‌کند. به علاوه معتقد است درخت سه سطح جهان یعنی زیرزمین، زمین و آسمان را با هم مرتبط می‌سازد. درخت رمزی برابر با رکن کیهان، نگاهدار جهان و در مرکز عالم قرار دارد (اسماعیل پور، 1382: 116). یونگ درخت را مظهر زایش، حیات، شفابخشی و کهن‌الگویی رمزگونه می‌داند. انسان بدوی برای درخت قائل به روح و روان بود و درخت را محل زندگی ارواح پر قدرت و نیاکان می‌دانست؛ درخت پرستی در تمامی ادیان ابتدایی وجود دارد، "برخی بر این عقیده‌اند که درخت پرستی در میان همهٔ خاندان‌های بزرگ اروپایی از تبار آریایی مصداق دارد" (فریزر، 1387: 15). اولین اسطوره‌های درخت به آدم قبل از هبوط بازمی‌گردد به زمانی که آدم در باغ بهشت زندگی می‌کرد.

طبق اساطیر ایرانی، زرتشت درخت سرو را از بهشت به زمین آورد (آزادگان، 1372: 72). بر اساس مینوی خرد، درخت هوم سپید در نزدیکی هرویسپ تخمک در میان دریای فراخترت قرار دارد. این درخت دشمن پیری، زنده‌گر مردگان و بی‌مرگ کنندهٔ زندگان است. در «بهرام یشت» درختی به نام «ورو کشه» قرار دارد. درخت هوم خاصیت درمانگری داشته و همتای هندی این درخت سومه است، که گیاه درمانبخش است و سرور گیاهان به شمار می‌آید. (آموزگار، 1388: 33)

در قرآن کریم نیز نور خدا به ستاره‌ای از درخت زیتون تشبیه شده است: «اللَّهُ نُورِ السَّمَوَاتِ وَ الْأَرْضِ مِثْلُ نَوْرهٍ كَمِشْكَوْهٍ فِيهَا مِصْبَاحٌ الْمِصْبَاحُ فِي زُجَاجٍ الزُّجَاجُ كَأَنَّهَا كَوْكَبٌ دُرِّيٌّ يُوقَدُ مِنْ شَجَرِهِ مُبْرُكَةٍ زَيْتُونَةٍ». «خدا نور (وجود بخش) آسمان‌ها و زمین است داستان نورش به مشکوتی ماند که در آن روشن چراغی باشد و آن چراغ در میان شیشه‌ای که تلالو آن گوئی ستاره‌ای درخشان و روشن از درخت مبارك زیتون..» (نور، 35)

در «اوپانیشادها» آمده است که جهان یک درخت واژگون است و طبق سنت بودایی «درخت بودی» همان درختی است که بودا زیر آن به اشراق رسید (شوالیه، 1388، ج 1: 196).

الیاده مواردی را به عنوان شاخص برای مقدس انگاشتن درخت و یا پرستش آن بیان می‌کند: درخت به عنوان تصویری از کیهان، درخت به عنوان مرکز عالم، درخت محل تجلی حق، درخت رمز تجدید حیات، درخت، رمز زندگی جاویدان و تعامل انسان و درخت نظیر مکان ارواح نیاکان و آفرینش انسان از درخت و بلعکس. "هرگز درختی فقط به سبب خود درخت پرستیده نشده، بلکه همواره به دلیل آنچه به وساطت درخت، مکشوف و برای معنایی که درخت متضمن آن بوده و بر آن دلالت می‌کرده، مسجود و معبود بوده است" (الیاده، 1389: 261).

درخت یکی از توت‌های گیاهی قوم ترکمن است که از زمان تولد تا مرگ در برخی مکان‌ها و یا مراسم و یا در طرح‌ها و نقش‌ها و یا سازهایی که خاص ترکمن است، مورد استفاده قرار می‌گیرد. برخی از تاریخ‌نگاری‌ها حاکی از این است که در دوره‌های متأخرتر توت‌میسم ترکمن‌ها درخت را نیای

خود می دانستند و آن را پیوند دهنده سه جهان زیرین، جهان میانی یا زندگی دنیوی و خدای آسمان یا تانگری می دانند. یکی از این باورها اعتقاد به جاودانگی است؛ بدین صورت که هنگام تولد کودک تکه چوبی از درخت داغداغان با کودک همراه می کنند و بر این باورند که چوب این درخت هرگز دچار آفت نمی شود. در هنگام مرگ نیز پس از قرارداد میت در قبر رویش شاخه های نی می گذارند و پس از خاک ریختن در دو طرف قبر چوب های بلندی (دکل های توتمی) قرار می دهند، اگر میت جوانی بوده باشد شاخه درخت تزیین شده ای روی این دکل های توتمی قرار می دهند. در کنار مقابر بزرگان ترکمن عموماً درخت هایی وجود دارد که زنان ترکمن برای فرزندخواهی به آن تیر و کمان می آویزند. آیین هایی نظیر همراه ساختن شاخه ای از درخت که هرگز آفت زده نمی شود، می توان بر اساس اعتقاد به نیروی جاودانگی درخت تبیین کرد. در جوامع ابتدایی اشیاء و اموری که از آن حیوان و یا گیاه مقدسی باشد خاصیت جادویی داشته و به عنوان بلاگردان و حامی مورد استفاده قرار می گیرد. همچنین بر اساس نظریه الیاده چوب های بلند یا همان دکل های توتمی که در دو طرف قبر قرار داده می شود، محور صعودی است که سه سطح جهان را با یکدیگر مرتبط می سازد، به این صورت که جهان سفلی را با جهان اعلی پیوند می دهد و موجب عروج روح مردگان می شود. از آنجایی که درخت نمادی دو وجهی عنصر و ماده را داراست در برخی موارد مظهر باروری بوده و در آیین های فرزندخواهی نظیر آنچه که در بین قوم ترکمن وجود دارد به عنوان توتمی تلقی می شود که نقش حمایت گری را بر عهده دارد. پس می توان نتیجه گرفت که "هرگز درختی فقط به سبب خود درخت پرستیده نشده، بلکه همواره به دلیل آنچه به وساطت درخت، مکشوف و برای معنایی که درخت متضمن آن بوده و بر آن دلالت می کرده، مسجود و معبود بوده است". (الیاده، 1389: 261).

نتیجه

دین یکی از نیازهای فطری بشر است؛ انسان ابتدایی همواره از تسلط نیروی برتر آگاه بود و همه اجزای طبیعت را دارای روح می پندارد. اما از آنجایی که تصور مفهوم ذهنی خدا یا همان نیروی برتر برای انسان ابتدایی غیر ممکن بوده است از «توتم» نمودهای عینی و قابل دسترس برای تبیین مفهوم خدا استفاده می کرده است. انسان ابتدایی امور مقدس را واقعیتی عینی و قدرت حمایت گری می داند ازین رو توتم، یعنی حیوانات، گیاهان و اشیای لاهوتی مقدس را که دارای نیروی فرا انسانی و حمایت گری است تلقی کرده و برای درک این مفهوم و همچنین برای تبیین و تفسیر فلسفه وجودی و پیدایش آنها از الگوهای مثالی و تجلیات قدسی استفاده می کند. برای انسان ابتدایی هرچه که فاقد الگوی مثالیت بی معنا بوده و با برقراری ارتباط با امر قدسی و تقلید از الگوهای مثالی فضایی مقدس ایجاد می کند. تکرار و توالی به اسطوره ها و کهن الگوهای مبدل می شوند که در ناخودآگاه جمعی بشر قرار می گیرد، توتم ها نیز مفهومی نمادین به خود گرفته و گاه در آیین ها، باورها و... که خود فرافکنی این ناخودآگاه هستند، نمود می یابند. با توجه به این که توتمیسم، یکی از ارزش های جامعه ابتدایی است که در دین، اسطوره و فرهنگ عامه متبلور می شود. وجود هریک از توتم ها در فرهنگ عامه ترکمن نشان دهنده تقدس آن است و هنگامی که با سایر نمادها همراه و هم جهت شود و در یک زنجیره قرار می گیرد کارکرد چند وجهی داشته و در لحظه معین و مقدس می تواند چیزی فراتر از ذات باشد و لحظه آفرینش ازلی را تداعی کند و به عنوان نیروی حمایت گر عمل کند. تمامی عناصر توتمی بررسی شده در اساطیر ایرانی نیز از ارزش، اعتبار و اهمیت خاصی برخوردار بوده است.

منابع

1. قرآن کریم (1378): ترجمه الهی قمشه ای، تهران: پایا.
2. آزادگان، جمشید (1372): ادیان ابتدایی تحقیق در توتمیسم، تهران: مؤسسه مطالعات و انتشارات تاریخی میراث ملل..
3. آموزگار، ژاله (1386): زبان، فرهنگ، اسطوره، تهران: معین.
4. آموزگار، ژاله (1388): تاریخ اساطیری ایران، تهران: سمت.
5. اسماعیل پور، ابوالقاسم (1382): زیر آسمانه های نور، تهران: افکار.
6. الیاده، میرچا (1382): اسطوره، رویا، راز، ترجمه رویاً منجم، تهران: علم.
7. الیاده، میرچا (1386): چشم اندازهای اسطوره، ترجمه جلال ستاری، تهران: توس.
8. الیاده، میرچا (1387): مقدس و نامقدس، ترجمه نصرالله زنگویی، تهران: سروش.
9. الیاده، میرچا (1389): رساله در تاریخ ادیان، ترجمه جلال ستاری، تهران: سروش.
10. الیاده، میرچا (1391، الف): اسطوره و واقعیت، ترجمه مانی صالحی علامه، تهران: کتاب پارس.
11. الیاده، میرچا (1391، ب): تصاویر و نمادها، ترجمه محمد کاظم مهاجری، تهران: کتاب پارس.
12. بخورتاش، نصرت الله (1383): درفش ایران از باستان تا امروز تاریخ پرچم ایران، تهران: بهجت.
13. بنوا، لوک (1384): جهان اسطوره شناسی، ترجمه جلال ستاری، جلد سوم، تهران: مرکز ستاری، جلال (1377): جهان شناسی اسطوره گردآوری آثاری از لوی استروس، مالدینوفسکی، الکساندر کراپ، ژان کازنوو، کارل آبراهام، تهران: مرکز. 14
15. سومر، فاروق (1380): اوغوزها، ترجمه آناردی عنصری، تهران: حاجی طلائی.
16. شایگان، داریوش (1383): بت های ذهنی و خاطرات ازلی، تهران: امیرکبیر.
17. شوالیه، ژان؛ گربران، آلن (1388): فرهنگ نمادها، ترجمه سودابه فضائلی، تهران: جیحون.
18. دادگی، فرنیخ (1390): بندهشن گزارشی از مهرداد بهار، تهران: توس.
19. فکوهی، ناصر (1391): مبانی انسان شناسی، تهران: نشر نی.
20. فردوسی، ابوالقاسم (1386): شاهنامه بر اساس نسخه ژول مل، تهران: الهام.
21. فروید، زیگموند (1351): توتم و تابو، ترجمه محمدعلی خنجی، تهران: طهوری.
22. فریزر، جیمز جورج (1388): شاخه های زرین، ترجمه کاظم فیروزمند، تهران: آگاه.
23. کریستین سن، آرتور (1383): نمونه های نخستین انسان و نخستین شهریار در تاریخ افسانه ای ایران، ترجمه ژاله آموزگار - احمد تفضلی، تهران: چشمه.
24. گلی، امین (1366): تاریخ سیاسی اجتماعی ترکمن ها، تهران: علم.
25. لوی استروس، کلود (1380): اسطوره و تفکر مدرن ترجمه فاضل لاریجانی و علی جهان پولاد، تهران: فرزانه روز.
26. لوی استروس، کلود (1361): توتمیسم، ترجمه مسعود راد، تهران: توس.
27. معطوفی، اسدالله (1383): تاریخ، فرهنگ و هنر ترکمان، تهران: دانشگاه تهران.
28. همیلتون، ملکم (1377): جامعه شناسی دین، ترجمه محسن ثلاثی، تهران: تبیان.
29. هینلز، جان راسل (1389): شناخت اساطیر ایران، ترجمه باجلان فرخی، تهران: اساطیر.
30. یونگ، کارل گوستاو (1368): چهار صورت مثالی، ترجمه پروین فرامرزی، مشهد: آستان قدس رضوی.

31. یونگ، کارل گوستاو (1392): انسان و سمبولهایش، ترجمه محمود سلطانیه، تهران: جامی.
32. یونگ، کارل گوستاو (1392): روانشناسی و کیمیا گری، ترجمه محمود بهفروزی، تهران: جامی.

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПОВ ВЕЖЛИВОСТИ И КООПЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ КРОСС-КУЛЬТУРНЫХ РАЗЛИЧИЙ

М. В. Ивлева

Воронежский государственный университет инженерных
технологий, г. Воронеж, Россия

Summary. The article touches upon the issue of politeness and cooperation in terms of linguistics. It introduces the high correlation between speech acts, politeness and cooperative principles.

Keywords: speech act; cooperation; politeness strategies; politeness maxims.

Существенным вкладом в теорию речевых актов являются предложенные Г. П. Грайсом коммуникативные постулаты, или максимы дискурса. Это своего рода предписания Говорящему, вытекающие из некоторого общего Принципа Кооперации. Он состоит в том, что участники речевой коммуникации в нормальных условиях имеют общей целью достижение взаимопонимания. Каждому постулату, если исходить из того, что все постулаты соблюдаются, соответствует правило, позволяющее выводить из прямого смысла высказывания то, что называется импликатурами дискурса, т. е. это те компоненты содержания высказывания, которые не входят в собственно смысл предложения, но в то же время передаются с достаточной надёжностью от Говорящего к Слушающему.

Коммуникативные постулаты Г. П. Грайса делятся на четыре группы:

1) постулаты информативности («Твоё высказывание должно быть достаточно информативным»; «оно не должно содержать лишней информации»);

2) постулаты истинности («Говори правду» или, по крайней мере, «Не говори того, что ты считаешь ложным»; «Не говори того, для чего у тебя нет достаточных оснований»);

3) постулат релевантности («Будь релевантен», т. е. «Говори то, что в данный момент имеет отношение к делу»);

4) постулаты ясности выражения («Избегай неясных выражений»; «Избегай неоднозначности»; «Будь краток»; «Будь упорядочен»).

Коммуникативные постулаты никак не связаны с конвенциональными свойствами конкретных языков: они вытекают только из общих требований успешности коммуникации [4, с. 41–49].

Из более поздних теорий наибольший интерес представляет теория прагматических принципов Дж. Лича. Принципы рационального взаимодействия представлены здесь в виде двух иерархических группировок, которым присваиваются имена «Межличностная риторика» и «Текстуальная риторика». Каждая «риторика» представляет собой свод прагматических принципов, максимум и субмаксимум. Текстуальная риторика охватывает Принципы Обрабатываемости, Ясности, Экономии, Экспрессивности, а межличностная риторика включает в себя Кооперативный Принцип и все его максимумы, а также Принципы Вежливости, Принципы Иронии и другие.

Изучение Принципа Вежливости заставило ученых обратиться к вопросу о его универсальности в разных языках и разных культурах. Основной тезис, который развивался исследователями в этом плане, таков: общие стратегии вежливости являются универсальными, независимо от типа социальной организации общества и от иерархии культурных ценностей и набора средств для их реализации.

Понятие «вежливость» хорошо известно в каждой культуре, но его практическое воплощение разнится от одной культуры к другой. И главенствующим среди факторов, определяющих разницу, оказываются не только отличные культурные ценности. Существенно важным оказывается то, что различные прагматические нормы отражают различные системы ценностей, характерные для различных культур [2, с. 61]. Тот факт, что два собеседника, чьи высказывания построены грамматически правильно, могут радикально различаться в интерпретации коммуникативных стратегий друг друга, показывает, что принципы построения коммуникации не основываются лишь на лингвистическом знании.

Ориентирование вербального и невербального поведения на избежание конфликтных ситуаций является важнейшей коммуникативной стратегией во всех культурах. Неизбежность возникновения недопонимания при общении вынуждает собеседников выражать свое мнение более тактично, если они стремятся к сохранению позитивной направленности коммуникации. В любой культуре вежливость является важным средством поддержания взаимодействия и понимания, необходимым для успешной коммуникации.

В последние несколько десятилетий были предприняты попытки создать универсальную модель коммуникации [4, с. 41–49], сформулировать универсальные правила реализации вежливых стратегий [9; 7, с. 80–141], а также определить универсалии вежливости

[3]. Не каждая из этих теорий зарекомендовала себя как успешная в силу того, что проблема универсальности вежливости сложна в своей комплексности. Вежливость должна рассматриваться с культурной, социальной и лингвистической точек зрения.

П. Браун и С. Левинсон также придают косвенным высказываниям качество универсальности. Их утверждения об универсальности вежливости широко критиковались социолингвистами [8]. В частности, к недостаткам сформулированного ими понятия негативного и позитивного лица относят их довольно сильную англоцентричность [2, с. 67]. «Британцы, с их образом мышления и склонностью к сохранению персональной территориальной свободы, ориентированы на использование стратегий негативной вежливости. Представители либо менее консервативных культур, с одной стороны (русские, поляки, французы), либо высоко иерархичных – с другой (японцы) демонстрируют склонность к стратегиям положительной вежливости» [1]. Однако автор считает, что разделение культур по принципу негативной или позитивной ориентации уже само по себе проблематично. Трудность заключается не столько в сравнении самих критериев, сколько в зависимости характеристик от особенностей каждого коммуникативного события в отдельности.

Дж. Лич утверждает, что Принцип Вежливости является универсальным, а вот реализация и применение максим может отличаться от культуры к культуре. Он предложил шкалу для измерения степени тактичности высказывания в зависимости от условий языковой ситуации [7, с. 123]. Что является на самом деле универсальным для всех культур – это концепт взаимной поддержки при взаимодействии, который сам по себе представляется своеобразным катализатором речевого взаимодействия. Этот концепт, предложенный как такт, может быть найден и у Дж. Лича [6].

Несмотря на тот факт, что социальные параметры власти (авторитетности) и социальная дистанция, существующие в различных языковых сообществах, во многом сходны, социальная структура, скорее, будет уникальной для данного конкретного общества.

Вопрос об универсальности вежливости для различных языков и культур является одним из самых важных в межкультурном изучении различных речевых актов. Несмотря на огромный интерес к культурно обусловленному разнообразию способов реализации речевых актов, проблема универсальности стратегий вежливости всё еще исследуется и обсуждается.

Вопрос об универсальности механизмов реализации принципа вежливости являлся еще одним немаловажным аспектом изучения

данного явления. За время работы над этим вопросом учеными был предложен целый ряд максим:

- «не навязывай своего мнения» («don't impose»);
- «предоставляй выбор» («give options»);
- «будь дружелюбен» («be friendly») [5];
- «воспринимай своего партнера как доминирующего» («assume your partner is dominant»);
- «не высказывайся слишком прямолинейно» («don't go on record») [6].

Однако эти максимы – лишь немногим более чем общепринятые поведенческие клише, устоявшиеся образцы поведения. Хотя существуют возможности выйти за рамки предложенных норм и сконструировать правила тактичного поведения для англо-американского дискурса, как это было сделано П. Грайсом в 1975 году, или Дж. Сёрлем в 1975, или же Дж. Личем (1977), результатом такой работы оказываются исключительно культурно обусловленные формулы. Объяснением может служить тот факт, что люди разных культур зачастую имеют несовпадающие представления о навязывании своего мнения, предоставлении выбора, дружелюбии, поддержке и т. п. В некоторых случаях различия закрадываются даже в представления о том, что такое логика.

Таким образом, невозможно полагать, что система логичных правил о тактичности в коммуникации пересечет границы культур, не потеряв своей валидности. В некоторых случаях даже относительно небольшое недопонимание оказывается сложным для прояснения, потому что собеседники обладают разным набором стратегий и методик тактичного разрешения конфликтных ситуаций.

Библиографический список

1. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М. : Русские словари, 1996. – 416 с.
2. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 783 с. – (Сер.: Язык. Семиотика. Культура).
3. Brown P., Levinson S. Universals in language usage: Politeness phenomena // Questions and Politeness: Strategies in Social Interaction / ed. E. Goody. – Cambridge : Cambridge University Press, 1978. – P. 334.
4. Grice H. P. Logic and Conversation // Syntax and Semantics 3 : Speech Acts / eds. P. Cole, J. Morgan. – New York : Academic Press, 1975. – P. 41–49.
5. Lakoff R. T. The Logic of Politeness or Minding Your P's and Q's / R. T. Lakoff. – Chicago : Chicago Linguistic Society, 1973. – 356 p.
6. Leech G. Semantics. – New York : Penguin Books, 1977. – 386 p.
7. Leech G. Principles of Pragmatics. – London; New York : Longman, 1983. – P. 80–141.
8. Preston D. R. Sociolinguistics and Second Language Acquisition. – Oxford : Blackwell, 1989. – 326 p.
9. Searle J. R. Speech acts: An essay in the philosophy of language. – Cambridge : Cambridge University Press, 1969. – 203 p.

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ ФРАНЦИИ

Л. Г. Чапаева, Е. С. Трифонова
Оренбургский государственный университет,
г. Оренбург, Россия

Summary. The article examines the gender aspect of the language policy of France in the reform of the system of French nominative and the feminization of professions items analyzed extralinguistic and linguistic factors underlying those processes.

Keywords: language policy; the gender aspect; the nominative system; feminization.

В настоящее время основными тенденциями развития политических и социальных процессов являются глобализация, поликультурализм, антропоцентризм, что обуславливает влияние этих факторов на формирование и корректировку языковой политики государств.

Под термином «языковая политика» понимается совокупность мероприятий и законодательных актов, осуществляемая государством для изменения существующих языковых норм или их сохранения. При этом определяющими условиями принятия решений являются социально-политические, эстетические и культурные особенности государства.

Языковая политика Франции носит центристский характер, что законодательно подтверждено Конституцией Пятой республики, она ориентирована на поддержку французского языка, который является единственным государственным языком, несмотря на то, что почти 70 региональных языков объявлены национальным достоянием.

Многоаспектный характер языковой политики Франции сводится к трем направлениям: пропаганда французской культуры и языка как способ расширения политического влияния в мире; усилия по сохранению французского языка в противостоянии с английским и его реформирование под воздействием требований со стороны феминистской критики языка.

Представители феминистской лингвистики, указывая на гендерную асимметрию французского языка, ставят вопрос о необходимости принятия решений, направленных на уменьшение его андроцентризма, то есть отражения в языке картины мира глазами мужчин.

Андроцентризм французского языка существует на разных уровнях языковой системы, но наиболее ярко проявляется в наименованиях профессий, которые занимают особое место в номинативной системе, поскольку называют людей по наиболее значимой социальной характеристике. Освоение новых сфер деятельности, рождение

новых профессий делает эту группу слов одной из самых многочисленных, насчитывающих тысячи единиц.

Широкое вовлечение женщин в профессиональную сферу наряду с вышеперечисленными факторами привело к тому, что язык не успевал отражать эти социальные процессы, и наименования некоторых профессий не имели формы женского рода.

В 1986 г. во Франции началась реформа, получившая название феминизация наименований профессий, должностей, званий и титулов. Было издано циркулярное письмо премьер-министра Франции, которое потребовало от государственных служб применять в официальных текстах соответствующие феминизированные названия. Это предписание вызвало бурную дискуссию в обществе, которая была обусловлена в том числе и позицией, заявленной Французской Академией: мужской род во французском языке не маркирован, и формы мужского рода одинаково относятся как к мужчинам, так и к женщинам, феминизация может привести к противоположному результату, то есть к дискриминации полов. Академия выступала против самого принципа регулирования языка, что может нарушить баланс, сложившийся в процессе исторического развития Франции и французского языка.

В 1998 г. премьер-министр констатировал провал вышеназванного циркуляра и поручил Генеральной комиссии по терминологии и неологии дать предложения по решению данного вопроса. Вывод комиссии был однозначным: создание женских форм является нежелательным.

Тем не менее в 1998 году был выпущен справочник по феминизации «*Femme, j'écris ton nom*», главная цель которого была «узаконить» феминизацию имен в соответствии с принципом развития форм по аналогии, что предполагало ликвидировать исключения (отсутствие формы женского рода как таковой, установление суффиксальных оппозиций *-eur/-eure mineur/mineure* по аналогии с уже действующей *-eux/-euse laborieux/laborieuse* применительно к существительным) [2, с. 18].

С этого времени французская пресса широко использует названия профессий, маркированных как женский род аналитическим способом (употребляя соответствующие женскому роду детерминативы: ***une architecte, la ministre***) или синтетическим (используя флексии: ***la professeure, une écrivaine***).

Вместе с тем часто встречается и характерное употребление лексемы *femme* перед соответствующей формой мужского рода, что повышает статус женщины как *профессионала* (а не *профессионалки*): наименованию *rédactrice en chef* предпочитают все-таки *femme rédacteur en chef*.

Язык как многоуровневая система, развивающаяся по своим внутренним законам, остается консервативным в вопросе феминизации. Главными препятствиями для широкой феминизации по аналогии, предложенной правительством, являются омонимия (предлагаемая форма *médecine* от *médecin* уже существует в языке со значением *медицина...*) и пейоративное значение (*chêfesse* от *chef* рифмуется с *fesse ягодица*).

Борьба женщин за равноправие, как экстралингвистический фактор реформирования языка в вопросе феминизации, продолжается и в XXI веке. «Закон о равенстве» (2000 год) законодательно закрепляет за женщинами представительство в выборных политических институтах. Франсуа Олланд в 2012 году установил паритет присутствия мужчин и женщин в органах власти, что нашло воплощение в сформированном Жаном Эро правительстве, в котором из 34 постов 17 принадлежит женщинам. Для членов кабинета министров проводятся спецкурсы, целью которых является преодоление сексизма в политической жизни страны.

Ярким достижением феминистской лингвистики является запрет на употребление слова *mademoiselle*, которое официально выведено из лексикона в феврале 2012 года, так как только *madame* считается нейтральным и не акцентирует семейное положение женщины.

В ближайшее время произойдет замена слов *девичья фамилия* (*nom de jeune fille*) и *фамилия в браке* (*nom d'époux*) соответственно на *семейная фамилия* (*nom de naissance*) и *употребляемая фамилия* (*nom d'usage*).

Утверждение в 2013 году закона о легализации однополых браков приведет к замене в официальных документов слов *père* и *mère* на *parent 1* и *parent 2*, несмотря на широкие протесты французов [1, p. 37].

Таким образом, гендерный аспект в языковой политике Франции и как следствие его реформирование номинативной системы языка не теряют своей актуальности, а противоречивый характер этих явлений объясняется сложной взаимосвязью между экстралингвистическими и языковыми факторами, обуславливающими этот процесс.

Библиографический список

1. Чапаева Л. Г. Социокультурный аспект феминизации наименований профессий во французском языке // Материалы за IX междунар. науч. практ. конф. «Новината за напреднали наука», 2013. Т. 27. Филологични науки. – София : «БялГРАД-БГ» ООД, 2013. – С. 16–18.
2. Garsou M. Les dispositifs de coopération linguistique à l'intérieur de l'espace francophone du Nord // L'avenir du français. – P., 2008. – P. 37.

ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ ЖУРНАЛИСТА В ИНТЕРНЕТ-СМИ

И. А. Петрова

Санкт-Петербургский гуманитарный университет
профсоюзов, г. Санкт-Петербург, Россия

Summary. This article observes the specialisation in the work of journalists of the Internet mass-media. The author writes the classifications of the Internet mass-media and Russian Internet-TV. There are describe the differenses between the traditional and Internet-journalism, interaction the off-line and the on-line mass-medias in this articale.

Keywords : Internet mass-media; Web-journalism; Russian Internet-TV.

В век высоких технологий трудно переоценить тот колоссальный потенциал, который несут в себе Интернет-СМИ и web-журналистика. Интернет-изданием мы будем считать любой сайт или группу сайтов, предназначенный для решения задач, свойственных печатным и электронным сетевым средствам массовой информации.

Одной из особенностей Интернет-издания является специализация и одновременно универсализация проектов.

Веб-издания можно классифицировать следующим образом [1]:

- 1) издания, существующие только в Интернете;
- 2) представительства off-line изданий;
- 3) издания, которые содержат и off-line, и on-line версии.

Однако эта классификация недостаточна, так как, во-первых, представительства off-line изданий функционально веб-изданиями не являются, выполняя только представительские или маркетинговые функции. Смешанные издания включают off-line издание и веб-версию, которую следует рассматривать как самостоятельный проект.

Можно также различать веб-издания по сходности с их традиционными аналогами: интернет-газеты; интернет-журналы; интернет-радио; интернет-телевидение; специализированные информационные агентства.

Веб-издания возможно классифицировать на основе доминирующих технологий: информационные (вещательные) технологии; интерактивные технологии; коммуникационные; фото-, аудио-, видеотехнологии; анимационные flash-технологии.

В последнее десятилетие начало бурно развиваться Интернет-телевидение. Ведущих игроков российского Интернет-ТВ можно разделить на несколько типов:

Представительства ТВ-каналов в Интернете: 1tv.ru, russia.tv, ntv.ru, 5-tv.ru и проч. Это практически все федеральные и региональные телевизионные каналы, которые открыли свои предста-

вительства в Интернете. Примечательно, что не все каналы транслируют эфир в on-line режиме.

Интернет-СМИ, которые запустили Интернет-ТВ как часть своих проектов. Например, в 2007 году на ведущем российском портале по недвижимости bn.ru была создан проект БН-ТВ. Соответственно Интернет-СМИ расширяют свои возможности взаимодействия с аудиторией, предлагая на своих виртуальных страницах не только текстовую, но и аудио-визуальную информацию.

Интернет-ТВ, которое изначально ориентировалось на Интернет-аудиторию: Russia.ru, Delovoe.tv и т. д. Например, портал Piter.tv позиционирует себя как «Первый информационный портал Санкт-Петербурга в формате интернет-телевидения»[2].

Сервисы, предоставляющие услуги видеохостинга: youtube.ru, rutube.ru и проч. На своих площадках они аккумулируют огромные массивы видеоконтента. Одно из крупнейших западных рекламных агентств прогнозирует рост Интернет-ТВ и видеорекламы в Рунете именно с развитием видеоконтента. Число ежемесячно активных пользователей YouTube в России превысило 51 миллион (с июля 2012 года этот показатель вырос на 76 %). Глобальная аудитория YouTube насчитывает около миллиарда пользователей, которые проводят на видеохостинге порядка 50 миллионов часов в день [3].

Всемирная сеть является интерактивной, персонально ориентированной, инфоцентричной, мгновенной, масштабируемой гибкой, взаимосвязанной, экономичной. В этом состоят основные отличия Интернет-журналистики от традиционной.

Черты традиционных журналистских жанров – репортажа, очерка, фельетона, корреспонденции, обзора, аналитической статьи и др. – можно найти во всех Интернет-изданиях. На практике журналисты пишут и печатную версию, и в электронные издания. Специфика работы журналиста Интернет-СМИ минимальна. А вот работа web-редактора значительно отличается. Интерактивность Интернета позволяет (заставляет) постоянно отслеживать комментарии читателей и на них очень быстро реагировать. Каждое Web-издание обновляется по несколько раз в день, поэтому требуется большой объем проверенной и отредактированной информации для работы. Например, на Ленте новостей.

Взаимодействие традиционных СМИ и Интернет-представительств можно кратко охарактеризовать следующим образом. Очевидно, что между off-line и on-line изданиями одной компании существует конкуренция. Однако наиболее грамотные менеджеры налаживают взаимовыгодное сотрудничество и обмен, а также дополнение информацией.

Библиографический список

1. Калмыков А. А., Коханова Л. А. Интернет-журналистика : учеб. пособие. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2005. – С. 49.
2. URL: <http://piter.tv/> [дата обращения: 10. 10. 2013].
3. URL: http://www.broadcasting.ru/newstext.php?news_id = 91611 [дата обращения: 11.10. 2013].

III. LITERARY SCIENCE

УКРАШЕНИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

И. И. Адизова

Национальный университет Узбекистана,
г. Ташкент, Узбекистан

Summary. This article was devoted to radif's role in the Uzbek poetess Jaxan Atin Uvaysiy's poetry lived in XIX century. Radif is very important select of poetry's rhythmicity and culminant of thoughts in poetry. His poems contains 80 % «radif».

Keywords: rhyme; metric; radif; semantic culmination; crown strophe; sufi logic; traditional symbol; rhythmicity; thought; culminant; select.

В узбекской классической поэзии радиф занимает важное место в установке ритмичности и кульминационной точки поэтической мысли. Ахмад Тарази во второй части произведения «Фунун ал-ба-лага» (1436–37) под названием «Ал-фанн-ус-сани фи-л-кафийа ва-радиф» приводит ценные сведения о радифе. Он отмечает его важное место в поэзии. Он утверждает, что радиф придает стихотворению ритмичность, но не является обязательным компонентом [1, с. 81].

По мнению Тарази, радиф является изобретением поэтов Аджамы: «...и это (радиф) свойственно поэтам Аджамы, и Арабы его не знают. И это строится таким образом: в одной газели от начала до конца в конце каждого бейта после рифмы повторяется одно слово, и все они (повторы) сходятся в смысле и образе» [1, с. 81].

Во многих научных трактатах приводится краткая информация о радифе. В частности, известный узбекский литературовед Абдурауф Фитрат тоже останавливается на радифе очень кратко. Его функцию он оценивает как «повторяющееся слово»: «В некоторых газелях после каждой строки повторяется одно слово. Это слово называется радифом» [3, с. 49].

Как видно, в классическом литературоведении радиф оценивается как формальное явление, представляющее собой повторение одного слова и образующее мелодичность. Его художественные задачи не освещаются широко и полноценно. Правда, он в первую очередь участвует в формировании ритмичности и мелодии стиха. Но это не первостепенная его задача. Радиф еще и средство, показывающее основную идею и цель автора. Радиф, изобретение поэтов Аджамы, стал важным элементом также и в тюркской поэзии. В частности, он занимает своеобразное место в творчестве узбекской классической поэтессы Джахан Атын Увайси (1780–1845).

Хотя в истории нашего литературоведения теоретики не считали использование радифа обязательным в поэзии, в творчестве Увайси он выполняет огромные художественные функции. Нижеследующие числа тому подтверждение. Из 244 стихотворений, вошедших в диван поэтессы, радиф используется в 196, т. е. 80 %. Это показывает, насколько важен радиф в изучении стилистики творчества поэтессы.

Следующая газель поэтессы состоит из 11 бейтов. Слово «İşqida» используется в качестве радифа 12 раз. Если обратить внимание, газель производит впечатление логически законченного произведения и без радифа. Даже некоторые ее бейты можно уложить в размер рамали мусаддаси салим (фаилатун, фаилатун, фаилатун, – V – – / – V – – / – V – –):

Āh, gülrühsāra jānān, **hārdurman**,
Dilarā qān, siynasī **afgārdurman**.

Но с добавлением радифа в каждом бейте, кроме повышения мелодичности, также проясняется большая логическая установка в речи поэтессы. В каждом бейте формируется смысловая кульминация, привлекающая внимание читателя. Логическое ударение, которое выше падало на рифму, теперь переходит на радиф:

Āh, gülrühsāra jānān, hārdurman **işqida**,
Dil-arā qān, siynasī afgārdurman **işqida** [2, с. 18].

В этой газели логическое отношение рифмы и радифа очень крепкое. Поскольку они дополняют друг друга.

Каждый бейт газели создан на уровне шах-бейта (коронной строфы). Следующие строки – отличная иллюстрация украшения стихов рифмой и радифом в поэзии Увайси:

Āql-u fāhm-u huşu idrākim sazāvār öldı-kim,
Mijmar-ı bardāş içinda nārdurman işqida.

В бейте слово *nārdurman* является рифмой, *işqida* – радифом. *Nār* означает огонь, пламя. Сочетание «işq öti» – «пламя любви» – широко используется в классической поэзии. Пламя любви сжигает любящего. Но Увайси обновляет этот традиционный образ. По описанию поэтессы, теперь влюбленный из-за своей любви превращается в пламя внутри котельни терпения¹. В традиционном истолковании пламя сжигает влюбленного. С точки зрения поэтессы, сам влюбленный превращается в сжигающее пламя. В этом кроется глубокая суфийская мораль.

Увайси, помимо традиционных радифов (в классической поэзии это считалось знаком уважения по отношению к предшественникам), использует в качестве радифа новые, оригинальные слова (Öqu, ba-yak-nā-gāh, beh, tarjeh). А это, в свою очередь, расширяет

¹ Mijmar – сосуд для воскурения пряностей.

возможности поэтического описания, дает возможность для изложения всё новых и новых идей и выводов, приводит к обновлению в поэтической мысли.

В стихотворениях поэтессы радиф иногда состоит из одного слова, иногда – из нескольких. Функции радифа, состоящего из нескольких слов, еще больше расширяются. Радиф такой формы служит для более широкого изложения идей и мыслей автора и большего привлечения внимания читателя.

Повторение одного слова в качестве радифа – это не только форменная стилистика, но оно выполняет своеобразную семантическую задачу. Это можно наблюдать, в частности, в газели с радифом «Muhabbat». Газель состоит из 8 бейтов. В матлаа (начальной строфе) радиф используется два раза. В первой строке слово «muhabbat» приходит в составе словосочетания. Во второй строке – уже в качестве самостоятельного слова:

Bilsaṅ menī jānānīmī – **dehqān-i muhabbat**,
Muflislariga aylagan ehsānī – **muhabbat** [2, с. 200].

С первого раза создается впечатление, что одно слово повторяется дважды в одной и той же форме. Но если посмотреть глубже, в каждой строке повтор выполняет своеобразную художественную функцию. В особенности в первой строке поэтесса демонстрирует оригинальность. Она описывает возлюбленную как **dehqān-i muhabbat**, т. е. как созидательницу, сеющую семя любви, растящую любовь в сердцах. В творчестве ни одного поэта не встречается такое описание возлюбленной. По традициям классической поэзии возлюбленная описывается как мучительница, подвергающая влюбленного страданиям и мучениям. Но Увайси уже в первой строфе газели создает положительный образ возлюбленной. Она – созидательница. Щедрая и снисходительная. А ее пожертвование состоит из любви. В этом месте поэтесса указывает на высший духовный ранг – *kaṃālāt*. Поскольку средство, которое доведет влюбленного до истинной цели, – это любовь. А созидательница любви – возлюбленная. Посредством одного радифа поэтесса демонстрирует свое непревзойденное мастерство выражения новой, широкомасштабной поэтической мысли.

В следующем бейте поэтесса опять использует оригинальную формулировку:

Nā-gāh nazar sālsa ḡariblar sārī yāḡım,
Şahlā közninī davrida mujgānī **muhabbat**.

В данном бейте любовь считается свойственной ресницам. Как известно, ресницы (*mujgān*), по классической традиции, ранящие убийцы. Но Увайси удостаивает их новыми качествами. По истолкованию поэтессы, ресницы превращаются в целительный бальзам,

в замок любви, придающий жизненную силу. Она достигает такого изменения сути традиционного символа при помощи радифа.

В творчестве Увайси, в произведениях с радифом, можно наблюдать три обстоятельства:

1) само слово-радиф выражает самостоятельный смысл;

2) слово, выполняющее роль радифа, также является частью словосочетания;

3) радиф выполняет функцию одного из элементов сложного слова наряду с рифмой.

В нижеследующей газели также можно наблюдать значимость радифа в углублении смысловой составляющей произведения. В ней радиф состоит из словосочетания «bārīb bōlmas»:

Maqāmiñ rutba-i idrāk, majnun-tar **bārīb bōlmas**,
Xususan, men kabi bātini kör-u kar **bārīb bōlmas** [2, с. 200].

Газель начинается с этих строк. Поэтесса использует обращение во втором лице. Но от начала до конца не упоминается объект, к которому обращена речь поэтессы. По смыслу произведения, по набору использованных символов можно понять, что речь обращена к пассивности. Поэтесса использует подобный прием во многих произведениях. То есть пытается создать секретность.

Радиф «bārīb bōlmas» выполняет огромную художественную задачу. Вся суть произведения составляет это понятие «bārīb bōlmas» – нельзя отправиться. Куда? Почему? На эти вопросы мы получаем более подробный ответ от бейта к бейту. А это, в свою очередь, служит для определения роли влюбленного и возлюбленной. В самой первой строфе утверждается, что путь, ведущий к возлюбленной, – высшая степень разума, и для достижения цели требуется внутреннее бодрствование.

В остальных бейтах продолжается определение духовной степени обращающегося и объекта обращения.

В последнем бейте газели выражается кульминационная точка идеи, вынашиваемой автором. Произведение, имеющее духовную, воспитательную суть, приобретает социальный смысл. Излагается финальный вывод:

Uvaysiy qāşıña bārmasliginiñ bāisi ul-dur,
Çakasda şāhbāz öltursa, muştı par **bārīb bōlmas** [2, с. 197].

Идеи, изложенные в данном бейте, заставляют нас вспомнить философские мысли Навои, Машраба, Агахи, Муниса и других великих поэтов об отношении соловья и вороны, разоблачающих несправедливость эпохи. Мы убеждаемся, что Увайси – поэтесса, шедшая по следам предшественников и создавшая зрелые произведения, не уступающие им ни по форме, ни по содержанию, и роль обдуманного использования радифа в этом очень велика.

Как видно, в творчестве Увайси радиф выполняет функцию регулирования идей автора и составляет кульминационную точку бейта.

Изучение произведений поэтессы показывает, насколько важен радиф в углублении содержания стихотворения.

Библиографический список

1. Тарозий. Фунун ул-балоға. – Т. : Хазина, 1996.
2. Увайсий. Кўнгил гулзори. – Т., 1983.
3. Фитрат. Адабиёт коидалари. – Т. : Ўқитувчи, 1995.
4. Хожиахмедов А. Шеър санъатларини биласизми? – Т. : Шарқ НМУ, 1999.

ПОЭТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ А. К. ТОЛСТОГО В ЛИРИКЕ В. С. СОЛОВЬЁВА

Н. Г. Юрина

**Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарева, г. Саранск,
Республика Мордовия, Россия**

Summary. This article is devoted to the analysis of poetic tradition of A. K. Tolstoy in the works of V. S. Solovyov. The author emphasizes that commonality of philosophic and aesthetic views, artistic method led to the orientation of Solovyov-lyrist on theme, motives and figurativeness of Tolstoy. However the elements of Tolstoy's poetic system were absorbed by Solovyov in accordance with his own philosophy and artistic vision.

Keywords: lyrics; poetic tradition; theme; motives; figure; aesthetic views; romanticism.

Поэтическое наследие В. С. Соловьёва находится в сфере пристального внимания российских ученых начиная с 1970-х годов, когда были переизданы ключевые лирические тексты, характеризующие его как поэта. Сразу же обозначилось два главных направления в трудах соловьёведов: изучение поэзии Соловьёва как предтечи русского символизма и определение традиций, связывающих его художественный мир с творчеством поэтов XIX столетия. В качестве поэтических источников наследия Соловьёва назывались Ф. И. Тютчев, А. А. Фет, Я. П. Полонский, А. К. Толстой – плеяда «чистых» лириков, которых он в качестве критика соотносил с «серебряным веком» в русской литературе. Если фетовская и тютчевская традиции в поэзии Соловьёва рассматриваются литературоведами достаточно активно, то толстовская ветвь в его лирике хоть и обозначена, но изучена мало. Между тем двух этих поэтов связывала как мировоззренческая общность, так и близость эстетических взглядов и художественного метода.

Соловьёв, как и Толстой, трактовал искусство как вечную ценность, находил его сущность в непосредственной связи между земным и иным мирами, в способности служить способом познания бесконечного в формах земной действительности. Оба говорили о двойственности жизни поэта, о противоборстве в его судьбе двух начал – поэзии и низменной действительности. И тот и другой в духе романтической эстетики понимали вдохновение как апофеоз духовного зрения и слуха художника, условием которого является полная внутренняя сосредоточенность и отрешенность от внешних явлений. Толстой и Соловьёв отрицали утилитарность и тенденциозность в искусстве, связывали его назначение с повышением морального уровня человека через внушение любви к прекрасному. Оба весьма неоднозначно относились к натурализму и реализму и считали признаком настоящего искусства взаимное проникновение реализма и идеализма, или соединение правды с красотой.

К анализу поэзии А. К. Толстого Соловьёв-критик впервые обратился в 1890 году в статье «Иллюзия поэтического творчества». Уже тогда Соловьёв определил место наследия поэта в истории русской литературы как «бесспорное» [6, с. 145]. В работе «Поэзия гр. А. К. Толстого» (1895) Соловьёв назвал Толстого, как и Тютчева, «поэтом-мыслителем», тут же подчеркнув, что один был «поэтом-борцом» [2, с. 122], а другой – созерцателем. Для критика было очевидно, что Толстой-художник не мог быть борцом партийным и в этом вполне соответствовал пушкинской установке невмешательства в сиюминутные проблемы человечества. Он участвовал в борьбе не внешней, практической, а в идейной: отстаивал вечные идеалы. Отнеся творчество Толстого к «поэзии гармонической мысли», прошедшей через соблазны «лирики разочарования» и успешно их преодолевшей, Соловьёв признавал за философской поэзией некую бесспорную ценность. Примечательно, что современники по праву называли самого Соловьёва «нашим первым поэтом-философом» [1, с. 266].

Особенно близкой в творчестве Толстого оказалась для Соловьёва его любовная и пейзажная лирика. Любовь, считал Соловьёв, открылась Толстому как «сущность всего существующего». Прежде всего поэт заметил стихийную любовь, которой проникнуто всё в природе и которая является стремлением к царству вечности и красоты («Меня, во мраке и пыли...»), затем осознал смысл человеческой любви как естественное условие для самосовершенствования («О, не спеши туда, где жизнь светлей и чище...»). Соловьёв подчеркивал, что, несмотря на то, что Толстой выразил в своих стихах «только идеальную сторону любви», они отмечены «глубокой грустью». Причиной этого обстоятельства критик

считал несоответствие высшего понятия любви с действительными условиями жизни.

Сам Соловьёв видел смысл любви в «оправдании и спасении индивидуальности через жертву эгоизма» [3, с. 138]. Любящий воспринимает то, что закрыто для обыденного сознания: бесконечную ценность и незаменимость другого человека, потенциальную возможность вместить «всё в одно». Соловьёв не закрывал глаза и на то, что идеальная цель любви никогда не была достигнута, а повторяющиеся крушения любви объяснял двояко: мистический смысл любви в повседневности поглощается чувственным началом и житейскими отношениями; индивидуальные усилия недостаточны для победы над земным злом, человек может спастись только вместе со всеми. Но эта идея всеобщего единения зазвучала в толстовской поэзии гораздо раньше – в стихотворении «Слеза дрожит в твоём ревнивом взоре...» (1858): «В одну любовь мы все сольемся вскоре, // В одну любовь, широкою как море, // Что не вместят земные берега!» [5, с. 331]

Религиозное, почти мистическое понимание любви у Толстого как проявления Божественного начала не исключало любви обыкновенной, земной. При чтении его любовной лирики возникает ощущение чтения дневника – так автобиографичен его лирический герой, человек глубоко эмоциональный, напряженно переживающий страдания и радости, так конкретен женский образ, полный грусти, тоски и печали. Любовная лирика Соловьёва также глубоко лична и эмоциональна («Друг мой! Прежде, как и ныне...», «Безрадостной любви развязка роковая!..», «Я смерти не боюсь. Теперь мне жить не надо...»).

Любовь, в понимании Толстого, несмотря на сопутствующие ей горечи, – главный источник творческого вдохновения и единственное спасение от «пошлой жизни» с ее «житейским вихрем»: «Но разлюбить тебя мне невозможно, // Всё, что не ты, – так суетно и ложно, // Всё, что не ты, – бесцветно и мертво» [5, с. 329]. Толстовский лирический герой рыцарски возвышает объект своей любви, у Соловьёва он так же часто предстает в образе рыцаря, посвятившего всю свою жизнь служению Вечной женственности. Он на равных участвует с нею во вселенской битве за просветление Хаоса, своей любовью приближает миг торжества света над тьмой: «Все силы чувства, желаний и дум, // Отдал я в руки твои» [4, с. 63].

Толстого привлекали в природе самые простые и даже невзрачные картины. «В каждом шорохе растенья» поэту слышалось «иное значенье», виделась «иная красота». Поэт смотрел с любовью на землю, но его душа просилась выше, к тем далям, о которых невозможно поведать «на ежедневном языке». Толстой как ро-

мантик видел в земном мире отблеск вечной, Божественной красоты и любви. Прекрасное для Соловьёва – это одухотворенная, пронизанная светом материя, поэтому ему особенно интересен был Толстой, воспринимавший природу как пронизанную «высшим Божеством» («Я задремал, главу понуря...»).

Принцип двоемирия был традиционен для романтизма. Это противопоставление «неба» и «земли», высокого духовного и низменного материального начала присутствует и в соловьёвской лирике («Милый друг, иль ты не видишь...», «Бескрылый дух, землю полоненный...» и др.). Однако этот принцип дополнялся у Соловьёва оригинальным философско-поэтическим сюжетом о Софии, Вечной женственности, который накладывался на характерное для романтиков мировидение. По сути, создавалось новое художественное пространство, позволяющее говорить о лирике Соловьёва, с одной стороны, как наследнице романтического метода, с другой – как предтече символизма.

Как отмечалось выше, Толстой был для Соловьёва поэтом-борцом за права Красоты: «Господь, меня готовя к бою, // Любовь и гнев вложил мне в грудь...» [5, с. 326] Так же определял в своей поэзии смысл творчества и Соловьёв. Высокая миссия художника состоит в подвижничестве, в том, чтобы повторить подвиг Христа – оживить плоть, придать Прекрасному в жизни качества Добра и Истины и тем самым преобразить реальность, одухотворить и обессмертить ее, красотой спасти мир («Пигмалион», «На смерть Я. П. Полонского»).

Звучащая в стихотворении Соловьёва «А. А. Фету» (1897) тема памяти, важная в поэтическом творчестве Соловьёва, ведет еще к одной теме, восходящей к Толстому, – теме пути. У Толстого это путь к единению, у Соловьёва – путь к «солнцу любви» («Бедный друг, истомил тебя путь...»).

Таким образом, поэтическое творчество В. С. Соловьёва тесно связано с традициями лирики А. К. Толстого. Однако элементы поэтической системы Толстого осваивались Соловьёвым в соответствии с собственной философией и художественным видением.

Библиографический список

1. Брюсов В. Владимир Соловьёв. Смысл его поэзии // Брюсов В. Ремесло поэта. – М. : Современник, 1981. – С. 264–277.
2. Соловьёв В. С. Поэзия гр. А. К. Толстого // Соловьёв В. С. Литературная критика. – М. : Современник, 1990. – С. 122–143.
3. Соловьёв В. С. Смысл любви // Соловьёв В. С. Смысл любви : избранные произведения. – М. : Современник, 1991. – С. 125–182.
4. Соловьёв В. С. Стихотворения и шуточные пьесы. – М. : Сов. писатель, 1974. – 351 с.

**«ПЛАВАНИЕ СВ. БРЕНДАНА» И «ПОКОРИТЕЛЬ ЗАРИ,
ИЛИ ПЛАВАНИЕ НА КРАЙ СВЕТА»
К. С. ЛЬЮИСА: ИЗОБРАЖЕНИЕ РАЯ
И ОКОЛОРАЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА¹**

М. В. Родина

**Тамбовский государственный университет
им. Г. Р. Державина, г. Тамбов, Россия**

Summary. The article is focused on the descriptions of Paraise in the two world-known texts – «The Voyage of the Dawn Treader» by C. S. Lewis (from «The Chronicles of Narnia») and «The Voyage of St. Brendan», telling the story of the legendary quest to the «Isle of the Blessed» of St. Brendan, known as one of the greatest Irish saints. The author compares the descriptions of the holy place in both of the texts and names their key characteristic features.

Keywords: a quest to the «Isle of the Blessed»; Aslan's Country; the descriptions of Paradise.

Как известно, образ Рая, наряду с образом «золотого века», являет собой один из «фундаментальных голосов или образов культуры, которые не исчезают из памяти человечества, постоянно, подобно птице Феникс, возрождаясь к жизни на новых условиях и в новом значении» [5, с. 4]. Среди «географических» локусов Рая **Дильмун** древних шумеров, описанный как «*страна непорочная*», «*страна воссиянная*», где «*птица смерти не накликает смерти*», «*лев не бьет*» и «*волк ягненка не рвет*» [4, с. 140–141]; далёкие **Острова Блаженных**; райский сад **Эдем** и **Небесный Иерусалим**, кельтская **Страна Вечной Юности**, и «**Земля, Святым Обетованная**». Последняя манила многих ирландских подвижников раннего Средневековья, в т. ч. и легендарного св. Брендана, жившего на рубеже V–VI вв. и снискавшего славу «Мореплавателя» (St. Brendan the Navigator), т. к. в морских странствиях прошла большая часть его жизни. До нас дошёл памятник IX в. под названием «Плавание Св. Брендана», который рассказывает об этих поисках Острова Святых.

Именно на этот сюжет ориентируется автор фантастической хроники «Покоритель Зари, или Плавание на Край Света», К. С. Льюис, писатель конца XIX – начала XX в., герои которого ищут Страну Аслана, что в названной книге выступает в качестве эквивалента Острова Святых. В данной статье мы попытаемся сравнить изображения Рая и околорайского пространства в «Плавании Св. Брендана» и льюисовской повести, построенной на отсылках к легендарному путешествию монаха.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-34-01009.

Как отмечает Д. С. Пенская, появление «Плавания...» обусловлено «возникновением и развитием монашества; стремлением объяснить его цели и смысл» [3, с. 698]. Льюисовский «Покоритель...», родившийся намного веков позднее, доносит до нас отголоски этих проблем, облекая описание христианской жизни (а не только монашеской) и ее сути в форму увлекательной сказочной истории.

«Покоритель Зари» обнаруживает наличие «постоянных элементов описания райского пространства, формирующих некий, условно говоря, „райский топос“» [6, с. 32], и мотива чуда, типичного для таких жанровых разновидностей «райского текста», как хождения, видения, сказания, плавания и др., что объясняется «единым концептом пути, лежащим как в реальной, так и в литературной основе» поисков Рая и предполагающим «не только физическое перемещение в пространстве, но и духовное – в познании божественной истины» [6, с. 32].

Каковы же основные характеристики райского локуса?

Во-первых, это *удаленность и труднодоступность* места вечного блаженства. **Во-вторых**, его *окружает стена, уходящая в поднебесье, или пелена тумана*. Вот что сообщает повествование о Брендане: «*сначала показалось, что над морем сгустился туман и на волны опустилось лёгкое белое облако огромных размеров, но по мере приближения коракла стали различимы береговая линия, зеленые холмы, а потом уже и деревья*» [2, с. 161–162]. А. Ю. Шабанов отмечает, что облако, окружающее берег, как бы «запечатывает» некую тайну: «*Проходя сквозь туман, клонфертские монахи преодолевают не барьер, привычную для кельтской мифологии преграду, но предел этой тайны*», причём происходит это «*без обетов, инициаций и жертв. По Благодати*» [8].

А в англо-норманнской версии «Плавания...» обрётённая иноками земля обнесена стеной из кристалла, а в ней самой находится золотая башня, ворота которой стерегут огненные драконы [7, с. 162]. Влияние этой версии явно чувствуется в тексте Льюиса, где описана «*a green is h-grey, trembling, shimmering wall*», которая «*stood up between them and the sky*» и переливалась в лучах солнца всеми цветами радуги («*into wonderful rainbow colours*»). Правда, вскоре выясняется, что это не стена, а необыкновенно высокая морская волна («*a long, tall wave – a wave endlessly fixed in one place as you may often see at the edge of a water fall. It seemed to be about thirty feet high*») [9, с. 539], которая выполняет те же функции, что и увиденные подвижниками Средневековья стена и дымка: ограждать Обетованный Край, не допуская туда неподготовленных к созерцанию Божественных Тайн.

Для иноков Брендана эта стена не препятствие: ведомые Творцом, они вступают на Остров Святых. А вот герои Льюиса в Страну Аслана не вошли: лишь мельком им удаётся увидеть манящие вершины её гор, «*warm and green and full of forests and water fall showever high you looked*» [9, с. 539]. Но дойти до них сейчас детям не дано.

В-третьих, Рай – это царство вечного света. Вновь сравним:

1. «Плавание Св. Брендана»: «Солнце стояло в зените, но его лучи не казались палящими. Мягкий свет изливался на остров, и множество камней, видневшихся среди травы, сверкали, словно слитки золота или хрусталя» [2, с. 162].

2. «Покоритель Зари»: «...*there had been too much **light** ever since they left the island of Ramandu – **thesun** too large (though not too hot), the sea too **bright**, the air too **shining**. Now, the **light** grew no less – if anything, it increased – but they could bear it. They could look straight up at **the sun** without blinking. They could see more **light** than they had ever seen before. And the deck and the sail and their own faces and bodies became **brighter and brighter** and every rope **shone**. And next morning, when **the sun** rose, now five or six times its old size, they stared hard into it and could see the very feathers of the birds that came flying from it <...>. **Whiteness**, shot with faintest colour of **gold**, spread round them on every side, except just astern where their passage had thrust the lilies apart and left an open lane of water that **shone** like dark green glass. To look at, this last sea was very like the Arctic; and if their eyes had not by now grown as strong as eagles' **the sun** on all that **whiteness** – especially at **early morning** when **the sun** was hugest would have been unbearable. And every evening the same **whiteness** made **the daylight** last longer» [9, с. 532, 536].*

Если в «Плавании Св. Брендана» свет, который видят иноки, – мягкий и ласковый, то в повести Льюиса он ослепляет – «*if their eyes had not by now grown as strong as eagles' the sun on all that whiteness – especially at early morning when the sun was hugest would have been unbearable*». Обращает на себя внимание и то, что, говоря об этом обилии света, автор «Плавания...» немногословен. Зато Льюис приводит подробное описание «чудес Последнего Моря», которое всё буквально соткано из слов, имеющих коннотацию света: существительные *light, the sun, whiteness, morning, the daylight, gold*, прилагательное *bright*, глагол *to shine*. Вернее, самих «светлых» слов в тексте не так много – всего 7, но большая их часть повторяется по несколько раз: слово *thesun* – 5 раз, слова *light, whiteness, bright* – по 3 раза, глагол *toshine* тоже встречается трижды, из них два раза в форме Past Simple. Этот избыток света

подчёркивается такими характеристиками, как *too much, it increased, more light than they had ever seen before, every rope shone, spread round them on every side, hugest, unbearable*. Так возникает впечатление, что при приближении к Стране Аслана свет буквально пронизывает мир, окружающий героев, корабль, на котором они плывут, и их самих, так что не остаётся ни единой точки, куда этот необыкновенный свет не проник бы: светится морская вода, напоминая «*a drink able light*» – «свет, который можно пить», светятся глаза и лица героев, светятся даже корабельные канаты, а обступившие судно лилии ослепляют своей белизной, на них нельзя смотреть без боли в глазах.

В-четвертых, Рай источает дивное благоухание:

1. «Плавание Св. Брендана»: «Прозрачный, наполненный тонкими ароматами воздух, подобно целительному бальзаму, вливал новые силы и очищал разум от тревожных мыслей» [5, с. 162].

2. «Покоритель Зари»: «*there rose a smell which Lucy found it very hard to describe*»; «*a fresh, wild, lonely smell that seemed to get into your brain and make you feel that you could go up mountains at a run or wrestle with an elephant*» [9, с. 536].

Действие этого благоухания на путешественников одинаково: оно исцеляет, дарит новые силы, освобождая от тревоги и страха. Обоняя его, герои чувствуют ни с чем не сравнимое блаженство и не испытывают ни голода, ни жажды, ни потребности во сне. Вот что сообщает нам «Плавание...»: «Что-то удивительное происходило в их сердцах. Покой и радость наполнили души peregrinov, и ни усталости, ни жажды они более не чувствовали» [2, с. 162]. А вот что пишет Льюис: «*None of them slept or ate*», «*They never felt tired*» [9, с. 539]. Но его герои переживают чувство, о котором не упоминает повествование о Брендане: ощущение детства. На момент путешествия на Край Света персонажи находятся уже в преддверии взрослой, сознательной жизни и сами чувствуют себя повзрослевшими, но в тот момент, когда, выбравшись из лодки, герои шлёпают по мелководью, они «*felt just the opposite and held hands as they waded through the lilies*» – иными словами, на несколько мгновений им удалось возвратиться в детство.

В-пятых, Рай – это дивный сад, наполненный сладостными плодами, место невиданного изобилия: «Чем дальше peregrины продвигались вглубь острова, тем прекрасней и разнообразней открывалась его природа. Высокие деревья, увешанные крупными спелыми плодами, расступались; на полянах среди травы виднелись яркие ягоды, ореховые кустарники сменялись виноградниками, а камни под ногами путешественников и точно были драгоценными» [2, с. 162].

Как явствует из описания, климат райского острова напоминает климат атлантических земель южного расположения: там растут деревья, что весь год радуют своими плодами, отсутствуют дожди и снега, веет нежный ветерок. Осматривая место блаженства, мореплаватели осознают, что достигли места, где отсутствует один из главных врагов человека – голод. Никогда не заходит здесь солнце, не настаёт ночь, и здешние плоды необыкновенно спелы, т. к. всё время пребывают на свету, «Свет же этот есть Христос» [2, с. 54], как объяснит Брендану Ангел.

Таков ряд характерных признаков райского локуса, описанных в анализируемых текстах. Правда, последний признак появляется только в «Плавании Св. Брендана», в то время как в повести Льюиса он отсутствует, поскольку его герои в Страну Аслана не вошли и не могли увидеть её чудес и красот, т. к. для этого ещё не пришло их время.

Итак, сопоставив описания Рая и околорайского пространства в текстах «Плавания Св. Брендана» и «Покорителя Зари», мы обнаружили «постоянные элементы», типичные для «райского текста». Характеристики «райского» локуса в названных произведениях таковы: он прекрасен, исполнен света и изобилия, труднодоступен, сокрыт за стеной / окутан туманом, многоцветен, благоуханен. Указанные «небесные» черты в одних случаях встречаются в совокупности, в других – отдельно, являя собой своего рода «текстологические «швы»», которыми отмечены места стыковки названных произведений.

Библиографический список

1. Плавание Св. Брендана // Шабанов А. Ю. Святой Брендан Мореплаватель. Поиски Земли Обетованной. – Тверь, 2001.
2. Плавание Св. Брендана // Средневековые предания о путешествиях, вечных странниках и появлении обитателей иных миров. – СПб., 2010.
3. Пенская Д. С. Ирландское «Плавание Брендана» и византийское «Сказание отца нашего Агапия»: возможные точки пересечения // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XVII (чтения памяти И. М. Тронского). – СПб., 2013. – С. 697–716.
4. Петрухин В. Я. Загробный мир. Мифы разных народов. – М., 2010.
5. Поликарпов В. С. Золотой век в истории мировой культуры. – Ростов н/Д – Таганрог, 2000.
6. Рождественская М. В. Образ рая: от мифа к утопии. Вып. 31. – СПб., 2003. – С. 31–46. – (Сер. “Symposium”).
7. Шабанов А. Ю. Святой Брендан Мореплаватель. Поиски Земли Обетованной. – Тверь, 2001.
8. Шабанов А. Ю. Кораблик святого Брендана. URL: <http://tvereparhia.ru/-publikaczii/publikatsii/5293-korablik-15> (дата обращения: 19.01.2014).
9. Lewis C. S. The Chronicles of Narnia. – London, 2011.

**МИКРОПОЛЕ «ДИЧЬ» ПОДПОЛЯ «БЛЮДА» МИКРОПОЛЯ
«ПИЦЦА» ЛСП «ЕДА» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Н. В. ГОГОЛЯ,
А. П. ЧЕХОВА, М. А. БУЛГАКОВА**

Т. Н. Куренкова

**Сибирский государственный аэрокосмический
университет им. академика М. Ф. Решетнёва,
г. Красноярск, Россия**

Summary. This article deals with the micro field «Game» in the lexico-semantic field «Food». The article contains the detailed description and the structure of the lexico-semantic field «Food» and the analysis of major class features in the micro field «Game».

Keywords: lexico-semantic field; micro field; lexical item; game.

В ходе исследования были изучены тексты произведений М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита», «Собачье сердце», Н. В. Гоголя «Мертвые души», А. П. Чехова «Глупый француз», «Свадьба с генералом».

Из 223626 лексем данных произведений были выявлены и отобраны для дальнейшего анализа 5172 лексические единицы с семантикой еды, после исключения повторов осталось 832 лексические единицы, которые и вошли в состав ЛСП «Еда» [4, с. 6].

В ЛСП «Еда» можно выделить два микрополя: «Пицца» и «Напитки». Микрополе «Пицца» распадается на 2 подполя с ядрами:

а) блюда (28 %);

б) способы приготовления и приема пищи (59 %), которые содержат по 11 микрополей каждое. Микрополе «Напитки» включает в себя 2 подполя:

а) алкогольные напитки («Вина» и «Водки»);

б) безалкогольные напитки и составляет примерно 7 % от общего количества лексем с семантикой еды. 6 % составляют лексеммы, относящиеся к микрополю «Miscellanea», которое находится на периферии ЛСП «Еда» [3, с. 213].

Рассмотрим микрополе «Дичь» данного ЛСП. Микрополе «Дичь» состоит из 14 лексем, что составляет примерно 1,7 % от общего числа лексем ЛСП «Еда», 1,9 % лексем микрополя «Пицца» и 6 % лексем подполя «Блюда». Микрополе «Дичь» является вместе с микрополем «Десерт» седьмым по величине в подполе «Блюда». Все лексические единицы микрополя «Дичь» могут быть дифференцированы на основе следующих признаков:

'размер'

Маленького размера	Среднего размера	Крупного размера
бекас	рябчик	тетерев
дрозд	утка	гусь

Например: *А дупеля, гаршнепы, бекасы, вальдшнепы по сезону, перепела, кулики?* [1, с. 50].

'место обитания'

Лес	Болото	Поле
дрозд	дупель	перепел
вальдшнеп		

Например: *А филейчики из дроздов вам не нравились? С трюфелями?* [1, с. 50].

'семейство'

Ржанковые	Дроздовые	Фазановые	Тетеревиные	Утиные
бекас	дрозд	перепел	рябчик	утка
дупель			тетерев	гусь

Например: – *Филейчиком из рябчика могу угостить, – музыкально мурлыкал Арчибальд Арчибальдович* [1, с. 324].

'способность плавать'

Водоплавающие	Не водоплавающие
утка	дрозд
гусь	рябчик

Например: *В доме были открыты все окна, антресоли были заняты квартирою учителя-француза, который славно брился и был большой стрелок: приносил всегда к обеду тетерек или уток, а иногда и одни воробьиные яйца, из которых заказывал себе яичницу, потому что больше в целом доме никто ее не ел* [2, с. 109].

'разведение в домашних условиях'

Разводят в домашних условиях	Не разводят в домашних условиях
гусь	вальдшнеп
пулярка	бекас

Например: *У меня не так. У меня когда свинина – всю свинью давай на стол, баранина – всего барана тащи, гусь – всего гуся!* [2, с. 90].

Тип связи «вхождение» проявляется в данном поле в виде двух его разновидностей: гиперо-гипонимической связи (по признаку 'семейство') и градуальной связи (по признаку 'размер'). Тип связи «схождение», а именно локальная связь, проявляется по признаку 'место обитания'. «Расхождение» в виде типа связи «несовместимость» выявляется в семах, которые указывают на отсутствие какой-либо характеристики (признаки 'способность / неспособность плавать' и 'разведение / неразведение в домашних условиях'), имеют общий семантический признак «мелкие дикие птицы и звери как предмет охоты».

Данное поле состоит из 9 существительных и словосочетаний типа: «существительное + предлог + существительное» (2), «существительное + причастие» (1), «существительное + наречие» (1) и 1 сложной конструкции с несколькими компонентами.

Данное микрополе содержит только стилистически нейтральные лексемы.

К ядру данного микрополя относятся лексемы, имеющие в своем значении сему «приготовленное кушанье из туши мелких диких птиц и зверей» и выраженные одним существительным. К ближайшей периферии относятся лексемы, выраженные другими простыми словосочетаниями, к дальней периферии – сложная описательная конструкция [4, с. 135].

Приведенное выше описание только одного микрополя в ЛСП «Еда» дает представление о возможных масштабах семантических исследований лексики художественных произведений отдельных авторов, а также всей лексической системы в целом.

Библиографический список

1. Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. – Новосибирск : Наука, 1993. – 364 с.
2. Гоголь Н. В. Мертвые души. – М. : Худ. лит., 1985. – 368 с.
3. Куренкова Т. Н. Микрополе «Характеристики еды» как часть ЛСП «Еда» в произведениях Н. В. Гоголя, А. П. Чехова, М. А. Булгакова // Актуальные вопросы теории и практики филологических исследований : мат-лы III междунар. науч.-практ. конф. 25–26 марта 2013 г. – НИЦ «Социосфера», 2013. – С. 213–214.
4. Куренкова Т. Н. Лексико-семантическое поле «Еда» в произведениях Н. В. Гоголя, А. П. Чехова, М. А. Булгакова : дис. ... канд. филол. наук. – Кемерово, 2008. – 248 с.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ МЕНТАЛЬНЫХ НОМИНАЦИЙ В РОМАНЕ М. А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»

И. Н. Кайгородова, Л. М. Лазарева
Астраханский государственный университет,
г. Астрахань, Россия

Summary. Intellectual activity is linked to language. Mental lexicon in Bulgakov's novel «Master and Margarita» is the material from which it is possible to gain knowledge about the author's installation. The paper presents the quantitative ratios words intellectual sphere through the «norm / deviation from the norm». This allows you to identify the main characteristics of the characters.

Keywords: literary communication; functioning; mental lexicon.

Язык, выполняя коммуникативную функцию, закрепил знания о формировании мысли в речемыслительной деятельности. Ментальная лексика – материализованная форма закрепления мыслительных категорий. Язык способен выразить не только наши знания об окружающем мире, но и наше отношение к явлениям внешнего мира [3, с. 115–118; 2, с. 108–111]. В последнее время всё чаще отмечается, что проблема мнения и знания приобретает актуальность не только для философии, но и для лингвистики. И. Б. Шатуновский считает, что «проблема мнения, знания и веры – это не столько философская и онтологическая проблема, сколько лингвистическая (по крайней мере, на 90 %)» [6, с. 249].

Мы различаем три основных функции номинативных средств, реализующихся в процессах литературной коммуникации:

- а) функцию тематической организации;
- б) функцию обеспечения связности речи;
- в) стилистическую функцию (способность употребляться в качестве стилистического приёма построения речевого высказывания) [1, с. 167–168].

Данная статья посвящена изучению функций ментальных номинаций в московских главах романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита».

Собственно семантическое пространство московских глав – это отражение авторской целеустановки. М. А. Булгакову мир советской Москвы не нравился. Автор в романе ставит диагноз современной действительности – абсурдность, патология. Описание ненормальности в работе советских учреждений, в отношениях между людьми – это не что иное, как вызов официальной идеологии [4, с. 27].

В московских главах романа «Мастер и Маргарита» методом сплошной выборки нами выявлено 77 имён существительных, 52 имени прилагательных, 22 деепричастия, 5 причастий и 132 глагола, так или иначе связанных с умственной сферой. Самыми частотными по употреблению среди имён существительных оказались: лексема *мысль* (54 словоупотребления), в группе глаголов – *знать / узнать* (126 словоупотреблений), *думать / подумать* (58 словоупотреблений), *понимать* (81 словоупотребление). Результаты мыслительных процессов обозначают группы глаголов со значением 'иметь в сознании какие-либо результаты мышления'. Ядерные значения мыслительных глаголов: *представлять, решать, верить, понимать, ошибаться, забывать*. На основании ядерных значений мы выделяем в отдельные группы глаголы знания, глаголы памяти, т. е. единицы, отражающие психическую деятельность человека [5, с. 16–18]. Именно по признаку интеллектуальной деятельности лица формируется семантическое поле «Интеллектуальная деятельность». Среди имён существительных, номинирующих умственную деятельность, выделяются две группы субстантивов со значением лица: имена классифицирующие и имена характеризующие (Н. Д. Арутюнова). На интеллектуальные качества человека в романе М. А. Булгакова указывают имена характеризующие. Среди них субстантивы со значением «лицо по его интеллектуальным способностям» можно разделить на две группы:

- 1) «норма»;
- 2) «отклонение от нормы».

Количественно эти группы представлены следующим образом: первая группа «Норма» – 4 единицы, вторая группа «Отклонение от нормы» – 13 единиц. Важно также отметить, что 12 из 17 единиц являются субстантивированными именами прилагательными и причастиями (*душевнобольной, сумасшедший, психический, слабоумный, безумный, учёный*). Употреблённые в качестве характеристики московских героев указанные единицы позволяют составить представление о персонажах. Отклонение от нормы, безумие, душевное расстройство – вот основные характеристики булгаковских персонажей. С помощью характеризующих именованных передаётся авторское отношение М. А. Булгакова к именуемым лицам. Для субстантивации прилагательных и причастий важнейшим условием является значение лица. Причём определяющим является не значение одушевлённого предмета вообще, а только значение лица.

Человек как разумное существо мыслит и составляет себе представление о ком угодно и о чём угодно. Пространство, охватываемое мыслью, безгранично. Мысль – связующее звено между действительностью и языком. Всё идёт от действительности через мысль в язык, и всё от языка возвращается через мысль в действительность.

Как показывают наши наблюдения, роман М. А. Булгакова отличается высокой частотностью употребления лексических единиц со значением мыслительной деятельности человека и разнообразием форм выражения ментальных действий. Следует отметить тот факт, что в процессе коммуникации в результате высокой частотности употребления ментальной лексики происходит расширение её семантического объёма.

Высокая частотность в романе глагола *думать* обусловлена тем, что глагол реализует не только свои основные, но и дополнительные значения. Особенно наглядно это проявляется в формулах разговорной речи. Например: *Вы только подумайте!; Кто бы мог подумать!; Подумать только!* и др. Фактор, влияющий на широкое использование слов с семантикой умственной деятельности в романе, состоит в том, что М. А. Булгаков использует лексические единицы, отражающие его движение мысли, тем самым позиционируя себя в качестве языковой личности.

Библиографический список

1. Кайгородова И. Н., Лазарева Л. М. Коммуникативные функции метонимических номинаций в художественном тексте // Актуальные вопросы теории и практики филологических исследований : мат-лы III междунар. науч.-практ. конф. 25–26 марта 2013 года. – Прага : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2013. – С. 167–168.
2. Кайгородова И. Н., Лазарева Л. М. Вербализация ментальных объектов в речевой деятельности // Science and education a New Dimension: Philology. – Budapest, 2013. – 1 (2). – Issue: 11, Nov. – С. 108–111.
3. Кайгородова И. Н. Речевые формы выражения чувственного сознания // Гуманитарные исследования. – 2011. – № 4. – С. 115–118.
4. Кураев А. «Мастер и Маргарита»: За Христа или против? – Изд. 2-е, испр. и доп. – М., 2006. – 176 с.
5. Лазарева Л. М. Глаголы мысли и речи в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Современная наука глазами молодых исследователей : мат-лы XI Междунар. науч.-практ. конф. (25–26 апреля 2013 г.) / отв. ред. О. А. Потапенко. – Ишим : Изд-во ТюмГУ, 2013. – С. 16–18.
6. Шатуновский И. Б. Эпистемические предикаты в русском языке // И. Б. Шатуновский. Семантика предложения и нерелевантные слова (значение, коммуникативная перспектива, прагматика). – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – С. 249–284.

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ КАК КОМПОНЕНТ ИДИОСТИЛЯ В. М. ШУКШИНА

З. М. Демеуф

Оренбургский государственный педагогический
университет, г. Оренбург, Россия

Summary. This article discusses the specifics idiostija Shukshina. Identify features of functioning of phraseological units, focus frazeologizmam-synonyms in its artistic texts.

Keywords: idiostyle; phraseological units; the semantics of phraseologisms; phraseological units-sinonimimy.

Василий Макарович Шукшин – один из самобытных писателей второй половины XX века. По справедливому замечанию А. Соловьевой, «это высшее мастерство во владении языком. Это Лесков, это Чехов, Шолохов. И это Шукшин – один из первых по фразеологическому богатству. А это история, история не только языка, история культуры, история народа – во фразеологии закрепляется то, что он веками хранит» [1]. Многие выражения героев Шукшина настолько плотно вошли в повседневную речь, что часто их непросто заметить в тексте. По мнению исследователя, самое сложное – объяснить цепочку выражений, где каждое слово несет свой смысл и придает речи особенный оттенок. Изучение фразеологизмов представляется актуальным, поскольку в прозе Шукшина они очень активны, частотны, что позволяет описать их как целостное явление, организующее идиостиль писателя.

Из анализа литературы следует, что идиостиль (от греческого *idios* – свой, своеобразный, особый и стиль) – то же, что индивидуальный стиль. Отражая некоторые интегрирующие тенденции в современной филологии, он обладает широкими возможностями в плане выражения [2, с. 115].

Н. М. Шанский [5, с. 4] считает, что исследование фразеологических оборотов как компонента идиостиля писателей позволяет решить целый ряд очень важных и сложных вопросов, касающихся значимых единиц языка в целом, характера лексического значения слова, соотношения синтаксической сочетаемости слов и их значения, различных вопросов словообразования и этимологии, ряд проблем орфографии, стилистики, художественной речи и т. д.

По справедливому замечанию современного исследователя фразеологических единиц А. М. Чепасовой [4, с. 81], «наиболее четко сигналы того или иного «конкретного» мира выражаются в словах-концептах, в лексике и фразеологии. Слова-концепты, каждый из

которых выступает, как правило, в качестве имени семантического поля, служат сигналом «вхождения» в своеобразный языковой «мир» конкретного семантического поля».

Вслед за Н. М. Шанским [5] будем придерживаться широкого понимания фразеологического оборота. Таким образом, фразеологическая единица – это воспроизводимая единица языка, состоящая из двух или более ударных компонентов словного характера, целостная в своем составе и структуре.

В ходе исследования нами проанализированы 133 фразеологические единицы из произведений Василия Макаровича Шукшина: «Срезал», «Мой зять украл машину дров», «Охота жить», «Микроскоп», «Чудик». Вслед за А. М. Чепасовой [4] проведем классификацию фразеологических единиц в произведениях В. М. Шукшина, выделяя следующие семантико-грамматические классы фразеологических единиц: предметные, процессуальные, качественно-обстоятельственные, призначные, количественные, модально-междоментные, местоименные (знаменательные фразеологизмы) и служебные фразеологизмы.

Значение предметности у рассмотренных ФЕ основано на семантике имени существительного, которое является в них грамматически главным компонентом и обладает общекатегориальным значением предметности, включающим субкатегориальные значения лица, предмета и отвлеченного понятия. Самыми многочисленными и разнообразными в исследовании предметных фразеологических единиц оказались группы фразеологизмов, обозначающих отвлеченные понятия, особенно этические, и качественную характеристику предмета или явления. *«Ну-ка ты, доктор кислых щей!.. Дай детям посмотреть. Уставился»* [6, с. 61].

Рассмотрим этические понятия. Они составляют 55 % из всех предметных фразеологизмов, выделенных в произведениях В. М. Шукшина. 25 % ФЕ пришлось на субкатеорию лица:

– фразеологизмы, обозначающие одно лицо: **горе луковое** (шутл., разъясняется как незадачливый, нерасторопный человек, недотепа) [3]. *«На охоте надо и про табачок забыть, а рот чаем прополоскать, чтобы от тебя не разило за версту, и одежду лучше всего другую надеть, которая на улице висела, чтоб жильем не пахло. Охотники – горе луковое»* [7];

– фразеологизмы, обозначающие несколько лиц как отдельное множество: **всем скопом**. *«Вспомнил всех, скопом... Думал: сами они там крепко все запутались, нервничают, много бестолочи»* [7].

Объяснение данному факту можно найти в том, что, как правило, автор художественного произведения в своем тексте использу-

ет больше отвлеченных понятий. Кроме того, для стиля В. М. Шукшина характерны описания, что заставляют автора прибегать к фразеологическим единицам отвлеченного характера.

Проведенный анализ дает возможность предположить, что фразеологические единицы, обозначающие поведение, поступки человека, составляют большую часть субкатегории процессуальных фразеологизмов в связи с тем, что автор в своих произведениях большое внимание уделяет этическим вопросам. Кроме того, герои художественных произведений общаются. Именно на процессе общения строятся фабулы художественных произведений, соответственно, следующей группой по количественному наполнению являются фразеологические единицы, обозначающие коммуникативную деятельность. Герои произведений В. М. Шукшина большое внимание уделяли социальной работе. Поэтому следующей по наполняемости будет группа фразеологических единиц, обозначающая социальную деятельность. Такой же объем занимают фразеологические единицы, обозначающие ментальную деятельность, которые, соответственно, автор использует для описания жизни и состояния места жительства героев.

Анализ ФЕ в произведениях В. М. Шукшина показывает, что предметные фразеологизмы составляют 30 % от общего количества фразеологических единиц, процессуальные – 25 %, качественно-обстоятельственные – 5 %, призначные – 10 %, количественные – 5 %, модально-междометные – 20 %, местоименные (знаменательные фразеологизмы) и служебные фразеологизмы – 5 %. Такое количественное соотношение связано, на наш взгляд, с тем, что в произведениях писателя дается описание значительного количества лиц и предметов. Эти описания строятся с помощью предметных фразеологизмов.

Далее идут процессуальные фразеологизмы, благодаря которым текст наполняется яркими действиями как со стороны отдельных людей, так и групп людей, а также со стороны предметов. Другие группы фразеологизмов призваны по-разному определять качество и признаки предметов, явлений. Соответственно, каждая из групп составляет раздробленное количество фразеологических единиц различных значений.

Из 133 проанализированных нами фразеологических единиц 40 вошли в синонимические ряды, 20 ФЕ – в антонимические ряды. Омонимии и многозначности в сфере фразеологических единиц в проанализированных произведениях В. М. Шукшина отмечено не было. В 95 % случаев преобразование происходит среди процессуальных фразеологизмов.

Автор использует фразеологические варианты, не только допустимые в общенародном языке, но и индивидуальные по своему

происхождению, то есть авторские. Так, например, вместо привычного «**держать марку**» в значении: соблюдать принятые нормы поведения, чтобы сохранить репутацию, престиж [3] – встречаем перефразированный оборот «**марку-то надо под-держать**». «*Ну, марку-то надо поддержать!* – усмехнулся Глеб. – *Пишется Ливерпуль, а читается Манчестер. Мы все учились понемногу!*» [4, с. 46].

Проанализировав авторские преобразования фразеологических оборотов в произведениях В. М. Шукшина, следует отметить, что наиболее встречаемыми среди них являются процессуальные фразеологические единицы. Связано это с желанием автора показать свое отношение к персонажу, и оно явно неположительное.

В тексте часто встречаются такие фразеологические единицы, являющиеся синонимичными, как: **покатить бочку – с цепи сорваться**. Встречаются эти фразеологизмы как в одном предложении для сопоставления отношения героев к какому-либо другому лицу, так и отдельно друг от друга. *Это называется – «покатил бочку», – сказал кандидат. – Ты что, с цепи сорвался?* [6, с. 50]

Константин Иванович же в растерянности, говорит Глебу, что он «на него зря бочку катит» и что Глеб – демагог-кляузник [6].

Но кандидат никак не возьмет в толк, чего это Глеб будто «с цепи сорвался» [6].

Таким образом, мы видим, что предметные фразеологизмы и образованные от исходных фразеологизмов синонимические ряды, а также фразеологизмы-антонимы, относящиеся большей частью к процессуальным фразеологическим единицам, нашли широкое применение в произведениях В. М. Шукшина. Это говорит о том, что В. М. Шукшин использовал потенциал данных фразеологических единиц с целью придания текстам эмоциональности, яркости, образности, создания особого колорита. Подобное явление – особенность идиостиля писателя.

Библиографический список

1. Профессор ЧелГУ готовит к изданию энциклопедический словарь Василия Шукшина // Новости сайта «Мир энциклопедий» / И. Девятова, А. Лещенина, Н. Махиня. URL: http://www.encyclopedia.ru/news/enc/detail/33060/?sphrase_id=13496516.
2. Литературный энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1987. – 752 с.
3. Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. – М. : Астрель: АСТ, 2008.
4. Чепасова А. М. Динамичность фразеологизмов русского языка // Динамика фразеологического состава языка : тез. докл. междунар. науч. конф. – Курган, 1999. – С. 80–81.

5. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. – М., 2000. – 233 с.
6. Шукшин В. М. Рассказы. – М. : Русский язык, 1981. – 312 с.
7. Шукшин В. М. Собрание сочинений. В 3 т. – М., 1985.

МОТИВ МУЗЫКИ И ТЕМПОРАЛЬНЫЙ АСПЕКТ АКУСТИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ ГАЙТО ГАЗДАНОВА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ «ВЕЧЕР У КЛЭР» И «ВОЗВРАЩЕНИЕ БУДДЫ»)

И. О. Косенкова

**Ярославский государственный педагогический
университет им. К. Д. Ушинского, г. Ярославль, Россия**

Summary. The article is about the motif of music in novels «An Evening with Claire» and «Buddha's Return» by Gaito Gazdanov. The set of different acoustic images is analyzed as important aspect of time category. Different means of acoustic images' creation are observed below.

Keywords: acoustic image; character-narrator; Gaito Gazdanov; motif; sound; time.

Одной из характеристик романов Гайто Газданова «Вечер у Клэр» и «Возвращение Будды», выделяющей и объединяющей эти произведения, можно считать особую роль категории времени. Романы близки как композиционно (присутствует повествование от первого лица; целенаправленное изложение событий разных временных уровней в причудливом соотношении), так и содержательно (преобладает восприятие героя-повествователя, соотносятся реальный и ирреальный миры). Категория времени в рассматриваемых романах строится и поддерживается при помощи различных художественных средств, среди которых выделяется система акустических образов. Звуковой аспект восприятия и миропонимания осознан и подчеркнут в своей значимости самим повествователем: «*Больше всего я любил снег и музыку*» [1, с. 95]; «*Самым прекрасным, самым пронзительным чувством, которые я когда-либо испытывал, я обязан был музыке; но ее волшебное и мгновенное существование есть лишь то, к чему я бесплодно стремлюсь, – и жить так я не могу*» [1, с. 48]; «*Очень часто в концерте я внезапно начинал понимать то, что до тех пор казалось мне неуловимым; музыка вдруг пробуждала во мне такие странные физические ощущения, к которым я считал себя неспособным, но с последними замиравшими звуками оркестра эти ощущения исчезали*» [1, с. 48] – посредством использования глаголов любить, понимать, пробуждать, краткого прилагательного обязан передаётся значение для повествователя музыки – и,

шире, информации, воспринятой на слух, – как неотъемлемого условия жизни, атрибута существования; и акустические явления напрямую связаны со временем, поскольку звучание имеет длительность, что передано в приведённых фрагментах наречиями *подолгу, внезапно, вдруг*, прилагательным *последний*, причастием *замиравший*, существительным *существование* с согласованным определением, выраженным прилагательным *мгновенный*. Герой-повествователь воспринимает время, слушая окружающее реальное пространство и ирреальный мир своих видений. Звучать, слышать, слушать значит для него жить, существовать во времени и пространстве: «*если где-то далеко внутри меня наступает тишина, заменяющая тот тихий непрерывный шум моей душевной жизни, которого я почти не слышу, но который звучит всегда, а в иные моменты лишь слегка ослабевает, – это значит, что произошла катастрофа*» [1, с. 63] – одна из акустических метафор (*шум душевной жизни*) в сочетании с аллитерацией шипящих создаёт в тексте образ внутреннего, тайного мира, принадлежащего повествователю.

Звук и звучание в данных романах – это активность, мгновенное или длительное действие, движение, распространение, напор, потому звучание соотносится с протяжённостью во времени и распространением в пространстве: «*Но снаряд попал в соседний вагон, набитый ранеными офицерами; и из него сразу понеслась целая волна криков – как это бывает в концерте, когда дирижер быстрым движением вдруг вонзает свою палочку в правое или левое крыло оркестра и оттуда мгновенно рвется вверх целый фонтан звона, шума и трепета струн*» [1, с. 156] – метафора волна криков, напоминающая о физической характеристике волновой природы звука, подчёркивает в контексте внезапность и трагизм ситуации, наблюдаемой повествователем на войне; сравнение сражения с концертом передаёт особенность восприятия наблюдающего (запаздывание понимания происходящего вокруг и любовь к музыке) и, в темпоральном аспекте, поддерживает мгновенность действия, повторяющегося в памяти повествователя. На лексическом уровне рассматриваемых произведений примечательно функционирование ключевых слов, принадлежащих семантическому полю «звук и звучание», – как слов именных частей речи (*звук, музыка, звон, шум, хруст, шаги, оркестр, голос, смех, романс, песня, интонация* и т. д.), так и глагольных форм (*слышать / слушать, звучать, петь, говорить, сказать, звонить, звенеть, бряцать* и т. д.), например: «*деревья звенели от мороза, как серебро*» [1, с. 92], «*за дальним поворотом шоссе бряцали колокольчики под дугой, и звуки их сталкивались и перебивали друг*

друга, лепеча невнятные мелодии» [1, с. 93], *«я слышал смех Клэр»* [1, с. 92]; *«стояла полная тишина, нарушаемая только звуком моих шагов по неровной мостовой»* [2, с. 156]. Присутствие контекстуальных антонимов позволяет выстроить контрастные образы и выявить характеристики персонажей и явлений: *«Солдат Филиппенко во время боя пел тихие украинские песни, пытался заводить неторопливый разговор с другими и печально удивлялся, когда в ответ слышал ругательства»* [1, с. 132] – слова искомого семантического поля *петь, тихий, песни, заводить (разговор), слышать (ругательства)*, относящиеся к акустическому аспекту образа солдата Филиппенко, в контексте сочетаются с временным указанием *во время боя*, показывая противоречивое восприятие событий на данном временном отрезке, напряжённость обстановки и стойкость Филиппенко с точки зрения повествователя (наблюдающего и слушающего).

Акустическая сторона изображённой в рассматриваемых романах реальности объединяет и связывает друг с другом – с точки зрения героя-повествователя – различные предметы и явления, предполагающие присутствие звука / звуков, а также, не в последнюю очередь, персонажей, как основных действующих лиц, так и встречающихся эпизодически. Повествователь в обоих произведениях осмысливает ряд текстов как звуковые явления, например: *«Строки письма Микеланджело звучали в моих ушах»* [2, с. 184] (ср.: *«смутная прелесть какой-то неизвестной мелодии, звучащей в моих ушах»* [2, с. 285]); сюда же относится эпизод с чтением вслух фрагментов «Жития протопопа Аввакума» учителем Василием Николаевичем, который *«напоминал раскольников святого»* и говорил *«северорусским языком»* [1, с. 108–110]. Сознание повествователя открыто для звуков и взаимодействует с ними; появление акустических образов и утверждение акустического аспекта составных, символических образов в романах обусловлено преобладанием точки зрения повествователя, воспринимающего и переживающего. Акустическим элементом наделён, в частности, ключевой образ реки в романе «Вечер у Клэр» (*«В Кисловодске я <...> взбирался в гору к маленькому белому зданию с колоннами, которое стояло высоко над городом; оно называлось «Храм воздуха». Я <...> любил подниматься туда: там ветер, как воздушная река, журчал и струился между колоннами»* [1, с. 85]; *«опять я слышу слабый голос няни, доходящий до меня будто с другого берега синей невидимой реки»* [1, с. 93]) – использование таких средств, как сравнение и ключевые слова искомого семантического поля, поддерживает образ реки и, шире, течения, движения. Наречие *опять* и частица *будто* в сочетании с глагольными

формами *слышу* и *доходящий* привносят значение повторяемости и придают акустическому элементу (песне в памяти повествователя) темпоральный аспект.

Соотношение замедления и ускорения хода времени в данных романах (выражаемое прежде всего функционированием глагольных форм совершенного / несовершенного вида) проявляется и с помощью акустических образов и деталей: в восприятии и изложении повествователя мгновенное сменяется длительным, время проходит вместе с музыкой. В романе «Вечер у Клэр» такие временные отрезки, как детство Николая Соседова, годы учения, поездки на Кавказ и в Кисловодск, соотносятся с повторяющейся сказкой его отца о путешествии: моментальное становится цикличным, повторяется (в реальности, как ежегодные поездки, затем в памяти), суммируются светлые чувства и яркие впечатления от окружающей действительности. Как сказка – то же странствие, новые эпизоды: *«Изредка слышно, как сыплется земля в овраге и трещат маленькие сухие ветки: это бежит кабан»* [1, с. 82] – формами настоящего времени (категория состояния *слышно* в сочетании с наречием *изредка*, глаголы несовершенного вида *сыплется*, *трещат*, *бежит*) передано повторяющееся по контексту действие в прошлом, которое снова разворачивается в памяти рассказчика. Акустические образы выступают объединяющим элементом: принципиально важен устный характер сказочной игры, разделённого приключения отца и сына, прерванного семейной трагедией, но сохранённого в воспоминаниях. Определённые временные отрезки предстают в характерном для них звучании: *«Шумели листья от ветра, внизу стрекотал неизвестно откуда взявшийся кузнечик и вдруг умолкал, словно ему зажимали рот ладонью»* [1, с. 128] – в данном примере акустический образ леса выстроен имперфектными глагольными формами прошедшего времени *шумели*, *стрекотал*, *умолкал*, *зажимали*, так переданы длительность звучания (*шумели*) и чередование звуков (*стрекотал*, *умолкал*, *зажимали*), причём воспринимаемая героем резкость, внезапность смены звука подчёркнута как наречием *вдруг*, так и развёрнутым сравнением с союзом *словно*.

В романах «Вечер у Клэр» и «Возвращение Будды» герой-повествователь ориентируется не только на звуки природы и цивилизации реального мира, но и на звучание ирреального мира видений, на звуки, которыми сопровождается *«смутное движение огромного воображаемого мира»* [2, с. 144]: *«Это был зрительный и звуковой хаос, составленный из множества разнородных вещей; иногда это бывала музыка далекого марша, обрамленная со всех сторон высокими каменными стенами, иногда это было безмолв-*

ное движение бесконечного зеленого ландшафта, <...> *иногда* это была далекая окраина голландского города с неизвестно как возникшими каменными корытами, куда с *ровным журчанием стекала вода*; <...> Во всем этом не было никогда никакой последовательности, и этот *движущийся хаос* явно не нес в себе даже отдаленную возможность сколько-нибудь гармонической схемы» [2, с. 144] – повторяющееся во фрагменте существительное хаос, определениями к которому выступают прилагательные зрительный, звуковой и действительное причастие движущийся, порождает синтетический образ – с сильным акустическим аспектом – призрачного мира и существования героя в нём. Данный образ соотносится в тексте с мотивом случайности и с восприятием жизни как смены видений: акустическое восприятие повествователя не может зацепиться за какой-либо порядок, но ищет его, что передано наречиями *иногда, неизвестно как*, отрицательными конструкциями *не было никогда никакой последовательности* и *не нес в себе возможность схемы*. Примечательна метафоризация ирреального акустического образа: *«музыка далекого марша, обрамленная со всех сторон высокими каменными стенами»* [2, с. 144] – связываются акустический и визуальный образы, звук обретает место в пространстве (существительное *стены*, прилагательное *далекий*, причастие *обрамленный*, наречие *со всех сторон*), сохраняя существование во времени, длительность.

Акустическое явление может предстать в контексте связующим элементом между действительностью и ирреальным миром для героя-повествователя: *«И после ее ухода что-то дрогнуло и исчезло; несколько секунд было пусто и тихо, затем я услышал безмолвный и бесформенный грохот – и понял, что слежу за сражением, исход которого давно был решен, и <... > которое играло такую значительную роль в истории Тридцатилетней войны»* [2, с. 213] – изучаемые исторические события выступают в тексте как виртуальные «жизни» повествователя, осознающего и переживающего их. Сон также воспринимается как пребывание в другом мире: *«– К вашим услугам, – сказал Гриша низким голосом, еще не вполне чистым, еще звучавшим из сна. – Григорий Воробьев»* [1, с. 88] – ряд согласованных определений к слову *голос* (*низкий, не вполне чистый, звучавший из сна*) показывает внимание слушающего и наблюдающего повествователя, восприятие пробуждения как постепенного возвращения в материальный мир.

Субъективная характеристика акустического образа связана как со звуком, звучанием как таковым, так и с обстоятельствами, при которых герой воспринимает его; например, повествователь услышал, как горничная *«пела с тоской веселую песенку, <...> вкладывала*

столько меланхолии в эти слова, столько ленивой грусти, что они начинали звучать иначе, чем обычно» [1, с. 44], позднее же слышит ту же песню в исполнении возлюбленной, Клэр, которая «придавала этим словам самые разнообразные оттенки – то вопросительный, то утвердительный, то торжествующий и насмешливый» [1, с. 44] – и знакомая мелодия наполняется эмоциональным содержанием, становясь временной вехой: «Каждый раз, как я слышал этот мотив на улице или в кафе, мне становилось не по себе» [1, с. 44]. Темпоральный аспект акустического образа французской песенки раскрыт с помощью сравнительного оборота (начинали звучать иначе, чем обычно), существительного оттенка (слов) и цепочки согласованных определений к нему с союзом *то-то* (*то вопросительный, то утвердительный, то торжествующий и насмешливый*), наречия времени *каждый раз* и обстоятельственного придаточного предложения времени (*как я слышал этот мотив на улице или в кафе*); звук снова выступает как субъективный темпоральный ориентир. И подобный ориентир не обязательно отсылает к конкретному моменту и определённым координатам: «Голос ее содержал в себе секрет мгновенного очарования, потому что он всегда казался уже знакомым; мне и казалось, что я его где-то уже слышал и успел забыть и вспомнить» [1, с. 87] – звук может подтолкнуть повествователя к переосмыслению личного времени, хранящегося во впечатлениях.

Примечательно контекстуальное противопоставление акустических образов фортепиано (пианино) и механического пианино в романе «Возвращение Будды»: живое, подлинное, против механистического, мнимого («Механическое пианино безжалостно продолжало играть одну арию за другой» [2, с. 184]; «В первом этаже дома, мимо которого я проходил, вдруг отворилось на очень короткое время окно и в холодном воздухе прозвучала музыкальная фраза, – там кто-то играл на пианино, – заставившая меня остановиться на месте. Я сразу узнал эту мелодию: она называлась «Воспоминание», и я слышал ее впервые несколько лет тому назад на концерте Крейсера. Я был на этом концерте в Плейель вместе с Катрин» [2, с. 275]) – с помощью акустического образа сопрягаются разноплановые временные пласты, два периода жизни повествователя, которые воспринимаются им как две разных жизни. В действительности проходит небольшой временной отрезок (его продолжительность передана наречиями *вдруг, сразу*, оборотами *на очень короткое время, музыкальная фраза*, аористными глагольными формами *прозвучала, узнал*), повествователь же мысленно переходит в прошлое, и давние события (*несколько лет тому назад*) снова разворачиваются для него (имперфектные формы слы-

шал, был на этом концерте). Примечательно присутствие названия музыкального произведения в тексте и само название – *Воспоминание*, данный пример – один из ряда узловых моментов сочетания мотива музыки с мотивом памяти в рассматриваемых романах.

Сближение исторического и биографического времени в восприятии и памяти повествователя связано с переживанием воспоминаний как реальности в романе «Вечер у Клэр» и ирреальных чужих жизней как собственного бытия («Возвращение Будды»), и этому также способствуют акустические образы, среди которых выступает образ войны: *«Армия таяла с каждым часом: обозы ее гремели по мерзлой дороге, армия скрывалась на горизонте, и ее шум и движение уносились с сильным ветром»* [1, с. 158]; *«Неприятельский снаряд, с визгом скользнув по железу, сорвал все скрепы, бывшие слева от полковника»* [1, с. 131]. Средствами создания образа войны в тексте выступают как слова акустического семантического поля, так и аллитерация фрикативных с и з (*с визгом скользнув по железу*); также используется развёрнутое описание с предлогами *от* и *до* и сравнение: *«Черный дождь разрывов и различные звуки – от сухого царапания пуль об камни и упругого звона рельс и вагонных колес до низких раскатов орудийных выстрелов и человеческих криков, все это соединялось в один шум, но не смешивалось, и каждая серия звуков вела свое самостоятельное существование, <...> беспрестанно стреляли орудия и пулеметы, изредка стихая, как сильный ливень, который возобновится, дождавшись первого порыва ветра»* [1, с. 157] – переданы внимание повествователя к происходящему (битва – историческая вежа – как впечатление) и масштаб событий, длительность непоправимых изменений в окружающем героя пространстве. Сопоставление стреляющих орудий и ливня, природного явления, напоминает о ранее указанной рассказчиком отвлечённости впечатлений.

Символические акустические образы (в частности, *звон колокола, «звон внезапно задержанной и задрожавшей пилы»* [1, с. 50], плеск воды в романе «Вечер у Клэр», песня Катрин и речевой образ П. А. Щербакова в романе «Возвращение Будды») передают мировосприятие повествователя, пронизывая и консолидируя временные периоды и пространственные уровни: *«В спокойной уютности той жизни, которую теперь вел Павел Александрович, было нечто усыпляюще-приятное, и это чувствовалось во всём, начиная от теплых интонаций его голоса и кончая удивительной мягкостью его кресел»* [2, с. 195] – акустический образ отражает суть личности и образ жизни в рамках выделенного рассказчиком периода *спокойной уютности*. Согласно крылатому выражению, «*Verba volant, scripta manent*» – «Слова улетают, написанное остаётся»

[3, с. 73], но в рамках газдановского повествования складываются условия сохранения, сбережения слов: голоса и слова собеседников и окружающих, как и исполняемые романсы, песни, фиксируются впечатлениями героя-повествователя и сохраняются в его воспоминаниях. Точные и яркие речевые характеристики передают то, как чужие голоса могут быть снова воспроизведены в воспоминаниях повествователя и по-прежнему звучат для него («*В моих ушах звучали его слова*» [2, с. 226]). Характеристика, данная другому человеку, в частности, в плане акустического образа, позволяет понять точку зрения самого героя-повествователя: «*у него был прекрасный голос – сильный и умный, – потому что мне неоднократно приходилось замечать, что голос человека, так же, как его лицо, может быть умным и глупым, талантливым и бездарным, благородным и подлым*» [1, с. 112–113] – голос сопоставляется с лицом и характером его обладателя, акустический образ представляется зеркалом личности; в тексте существительное *голос* распространяется согласованными определениями, выраженными прилагательными *сильный, умный*, и сочетается также с прилагательными, образующими антонимические пары *умный, глупый, талантливый, бездарный, благородный, подлый* – обычно они функционируют как определения наименований лиц. Наречие *неоднократно* и безличный глагол *приходилось* соотносят акустический образ с категорией времени: выявлены длительность и многократность наблюдений повествователя.

Посредством лексических и синтаксических средств в романах передано проанализированное повествователем соотношение истинного и фальшивого, ложного в речи персонажей, что становится важной частью акустических образов и связывается с категорией времени. Подобное явление, в частности, рассказчик наблюдает во время разговоров с Лидой: «*Меня несколько раздражала – в патетических местах – ее склонность к книжным оборотам, заимствованным из плохих романов. Когда она рассказывала о Тунисе, о том, что ненавидит свою мать, о побоях, обо всей своей невеселой жизни, она говорила простыми и верными словами*» [2, с. 211] – в примере сложноподчинённая конструкция с придаточным времени (присоединённым союзом *когда*), имперфектные формы от глаголов *рассказывать, говорить*, прилагательные *простой, верный* в функции согласованных определений существительного *слова* представляют образ длительных периодов жизни (личного времени) героини в прошлом, указанием на совокупность которых становится характеризующий оборот *обо всей своей невеселой жизни*; акустический образ переходит во временной, соотносящийся также с пространственным (*Тунис*).

Раскрытие и функционирование акустических образов в романах Гайто Газданова «Вечер у Клэр» и «Возвращение Будды» позволяет выделить в произведениях мотив музыки в соответствии с концепцией И. В. Силантьева – эстетически значимую повествовательную единицу, интертекстуальную в плане функционирования, инвариантную в принадлежности к языку повествовательной традиции и вариантную в своих событийных реализациях, соотносящую в своей семантической структуре предикативное начало действия (звучание и его виды) с актантами и пространственно-временными признаками (источники и характеристики звуков) [4, с. 263]. Акустические образы «Возвращения Будды» более сопоставимы с инструментами, средствами; значительная часть звуковых характеристик относится к видениям повествователя – так переданы реалистичность и сила призрачных «жизней», которым герой предпочитает *подлинное существование*. В романе «Вечер у Клэр» акустические образы – объект изображения и анализа, одно из направлений восприятия повествователя. Звук – и в целом акустический образ – оказывается принадлежностью времени. В обоих романах развёрнутые комментарии повествователя представляют акустические впечатления связующими звеньями между прошлым и настоящим; акустические образы соединяют и поддерживают уровни пространства и времени. Значимым становится и отсутствие звука, подобно паузе в мелодии («*несовершенство и недолговечность того безмолвного концерта, который окружал меня везде, где бы я ни был*» [1, с. 97]). Художественная проза Гайто Газданова близка музыке и ориентирована на музыкальное искусство. Итак, темпоральный аспект акустических образов и мотив музыки в рассматриваемых романах тесно связаны.

Библиографический список

1. Газданов Гайто. Собрание сочинений. В 5 т. Т. 1. Романы. Рассказы. Литературно-критические эссе. Рецензии и заметки / под. общ. ред. Т. Н. Красавченко ; состав., подгот. текста, коммент. Л. Диенеша, Т. Н. Красавченко, С. С. Никоненко и др. ; вступ. ст. Л. Диенеша, С. С. Никоненко. – М. : Эллис Лак, 2009. – 880 с.
2. Газданов Гайто. Собрание сочинений. В 5 т. Т. 3. Романы. Рассказы. Литературная критика и эссеистика. Масонские доклады / под. общ. ред. Т. Н. Красавченко ; состав., подгот. текста, коммент. Л. Диенеша, Т. Н. Красавченко, С. С. Никоненко и др. – М. : Эллис Лак, 2009. – 736 с.
3. Крылатые латинские выражения / авт.-сост. Ю. С. Цыбульник. – Харьков : Фолио, М. : Эксмо, 2007. – 992 с.
4. Силантьев И. В. Поэтика мотива / отв. ред. Е. К. Ромодановская. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 294 с.

**К ВОПРОСУ О ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИХ ПРИЕМАХ
ОТРАЖЕНИЯ ЭВОЛЮЦИИ ВНУТРЕННЕГО МИРА ГЕРОЯ
(НА ПРИМЕРЕ РОМАНА Д. КИЗА
«ЦВЕТЫ ДЛЯ ЭЛДЖЕРНОНА»)**

А. И. Дзюбенко, Н. Д. Зурначева
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия

Summary. The article investigates the linguistic and stylistic ways employed by the writer for creating the fictional basis of the protagonist's physical and metaphysical evolution.

Keywords: emotional intellect; oxymoron; epithet; parceling.

«Цветы для Элджернона» – научно-фантастический роман американского писателя, ученого-филолога Дэниела Киза, который еще в середине двадцатого века предвосхитил появление теории о наличии эмоционального интеллекта у коммуникантов, позднее разрабатываемую психологами, психо- и социолингвистами, а также лингвистами-когнитологами, и сфокусировал развитие сюжета на возможности и способах развития интеллекта.

Главный герой романа – Чарли Гордон – с рождения тяжело болен, страдая патологией, нарушающей нормальную деятельность головного мозга. На момент начала истории ему 32 года, он работает уборщиком в хлебопекарне и посещает специальную школу для умственно отсталых людей. И именно он становится первым человеком, добровольно участвующим в эксперименте по увеличению интеллекта. Такая операция уже была проведена над мышью – Элджерноном.

Чарли Гордон вел отчеты о каждом своем дне с начала эксперимента, благодаря им можно проследить изменения на эмоциональном, психическом и интеллектуальном уровнях развития его личности. Д. Киз мастерски создает образ героя, скрупулезно воспроизводя на пунктуационном уровне, в лексике и в синтаксисе особенности языка героя. Это помогает читателю понять основной авторский замысел создания художественно воплощенной эволюции героя: наличие ума (сверх нормы) может иметь тяжелые последствия и может губительно сказаться как на самом человеке, так и на его окружении.

Чарли переживает несколько стадий своего интеллектуального и эмоционального развития: до операции, после первой операции, затем значительный прогресс, далее резкое снижение приобретенных интеллектуальных способностей – регресс. И на каждой стадии

меняется система концептов, которыми он оперирует и через которые создает свою картину мира, изменяется спектр языковых средств их вербализации, что сопровождается частыми флуктуациями психоэмоционального состояния.

Чарли Гордон на первой стадии, когда окружающие считали его умственно отсталым, смотрел на мир «глазами ребенка», причем довольно послушного, для которого люди казались авторитетными, всезнающими, желающими ему только добра и заслуживающими всемерного доверия. Так, вера в добрые намерения окружающих его людей прослеживается буквально с самых первых записей в его отчетах (мы сохраняем авторское правописание): I want to get smart if they will let me (progris riport martch 5); Im very strong and I always do good and beside I got my luky rabbits foot and I never breakd a mhrir in my life (progris riport 5 mar 6). После первой операции, она еще сохраняется: I dont see how they will know what is going on in my mind by looking at these reports. I read them over and over a lot of times to see what I rote and I dont no whats going on in my mind so how are they going to. But anyway thats sience and I got to try to be smart like other pepul (PROGRESS REPORT 7 MARCH 1); I would try hard to be smart as hard as I can (PROGRESS REPORT 7 MARCH 11) [1].

Чарли – старательный ученик и покорный пациент, все отчеты до и после первой операции насквозь пропитаны надеждой на осуществление единственного его желания – стать умным: I hope they use me becaus Miss Kinnian says mabye they can make me smart (progris riport 1 martch 3); Then Ill be abel to reed better and spell the werds good and know lots of things and be like other pepul. Boy that woud serprise everyone. If the operashun werks and I get smart mabye Ill be abel to find my mom and dad and sister and show them. Boy woud they be serprised to see me smart just like them and my sister. (progris riport 6th Mar 8) [1].

В системе его ценностей есть авторитеты, и ему необходимо стать лучше, чтобы подняться в их глазах, у него появляются зачатки способности сравнивать себя с другими, противопоставляя свое Я коллективному (на лексическом уровне это отражается в интродукции качественных прилагательных в форме сравнительной и превосходной степени, в усилении эмотивности высказываний за счет оксюморонов): He said Miss Kinnian tolld him I was her bestist pupil in the Beekman School for retarted adults and I tryed the hardist becaus I reely wantd to lern I wantid it more even then pepul who are smarter even then me (progris riport martch 5); After the operashun Im gonna try to be smart. Im gonna try awful hard. (progris riport 5 mar 6) [1].

Для Чарли не существует понятие «плохой», будь то человек или животное, он дает исключительно положительную оценку всем

окружающим его объектам реальности: Burt is very nice and he tasks slow like 11bs Kinman dose in her class where I go to lern reeding for slow adults (progris riport 2 martch 4); Gimpy hollers at me all the time when I do something rong, but he reely likes me because hes my frend (progris riport martch 5); I said I dont care if pepul laff at me. Lots of pepul laff at me and their my frends and we have fun (PROGRESS REPORT 8) [1].

В концептосфере Чарли отсутствует концепт «ложь», точнее «намеренная ложь», он знает, что ложь – это плохо, и не умеет лгать, так как ему никогда не приходилось это делать, и не видит в этом необходимости: I never tell lies any more because when I was a kid I made lies and I always got hit (progris riport 4 mar 6); I like to drawer the picturs of a man and woman but I wont make up lies about pepul (progris riport 4 mar 6).

После первой операции наступает вторая стадия развития Чарли Гордона, тогда же начинает развиваться его эмоциональный интеллект, появляются новые для него эмоциональные концепты, наиболее часто вербализуемым из которых является концепт «страх»: I said hi doc Im skared (PROGRESS REPORT 7 MARCH 11); реже – «зависть», «ненависть к тому, кто лучше» и «раздражение от неудач»: I hate that mouse. He always beets me (PROGRESS REPORT 8); I hate the tests and I hate the amazeds and I hate Algernon (PROGRESS REPORT 8); Prof Nemur says I got to play those games and I got to take those tests over and over agen. Those amazes are stoopid. And those picturs are stoopid to (PROGRESS REPORT 8) [1].

Впервые эти эмоции Чарли испытал, когда его познакомили с мышью по кличке Элджернон и попросили пройти лабиринт, в начале эксперимента Чарли всё время проигрывал, поэтому и злился на мышь. В самом начале медицинского эксперимента Чарли не знал даже о существовании искусства, политики и религии, он не понимал, о чём беседуют студенты, но он хотел это узнать и с нетерпением ждал, когда поумнеет: Burt says its about art and polatics and riligon. I dont know what those things are about but I know riligon is god (PROGRESS REPORT 8). Что примечательно, хотя он и не подозревал, что такое религия, он знал точно, что есть Бог, но он знал о нём только из представлений его матери, поэтому принимал это на подсознательном уровне: Mabey I shoudnt of let them oparate on my branes like she said if its agenst god. I dont want to make god angrey (PROGRESS REPORT 8); Mom use to tell me all about him and the things he done to make the werld. She said I shoud always love god and prey to him. I dont remembir how to prey to him but I think mom use to make me prey to him a lot when I was a kid that he shoud make me get better and not be sick (PROGRESS REPORT 8) [1].

Чарли не был самостоятельной личностью, он не мог дать оценку своим действиям, не идентифицировал себя, единственное, что ему было доступно, – смотреть на себя сквозь призму оценок других людей: He said Miss Kinnian tolld him I was her bestist pupil in the Beekman School for retarted adults and I tryed the hardist becaus I reely wantd to lern I wantid it more even then pepul who are smarter (progris riport martch 5); Miss Kinnian came to see me today and she said Charlie you look wonderful. (PROGRESS REPORT 7 MARCH 11); I said Miss Kinnian always told me Charlie be proud of the work you do because you do your job good (PROGRESS REPORT 8) [1].

До первой операции для Чарли не существовали временные координаты, он не был погружен в трехчленную временную парадигму прошлого – настоящего – будущего: для него существовало только настоящее. Так, когда его просили что-либо вспомнить, он не мог понять, что значит «помнить». Однако после первой же операции к нему вернулись воспоминания о родителях и сестре, и он начал видеть сны, стал способен мечтать и воображать, при этом он метафоризирует свое настоящее, а прошлое характеризует через эпитеты и парцеллированные конструкции: But other things come into my head too. Sometimes I close my eyes and I see a clear picture. Like this morning just after I woke up, I was laying in bed with my eyes open. It was like a big hole opened up in the walls of my mind and I can just walk through. I think its far back a long time ago when I first started working at Donners Bakery. I see the street where the bakery is. Fuzzy at first and then it gets patchy with some things so real they are right here now in front of me, and other things stay blurred, and Im not sure... A little old man with a baby carriage made into a pushcart with a charcoal burner, and the smell of roasting chestnuts, and snow on the ground. A young fellow, skinny with wide eyes and a scared look on his face looking up at the store sign. What does it say? Blurred letters in a way that dont make sense. I know now that the sign says DONNERS BAKERY, but looking back in my memory at the sign I cant read the words through his eyes. None of the signs make sense. I think that fellow with the scared look on his face is me. Bright neon lights. Christmas trees and sidewalk peddlers. People bundled in coats with collars up and scarves around their necks. But he has no gloves. His hands are cold and he puts down a heavy bundle of brown paper bags. Hes stopping to watch the little mechanical toys 31 that the peddler winds up-the tumbling bear, the dog jumping, the seal spinning a ball on its nose. Tumbling, jumping, spinning. If he had all those toys for himself he would be the happiest person in the world. He wants to ask the red-faced peddler, with his fingers sticking through the brown cotton gloves, if he can hold the tumbling bear for a minute, but he is afraid. He

picks up the bundle of paper bags and puts it on his shoulder. He is skinny but he is strong from many years of hard work. Charlie! Charlie! fat head barley! (PROGRESS REPORT 9) [1].

Но со способностью вспоминать какие-либо события Чарли научился и сохранять факты и события в памяти. Он стал удивлять многих своих знакомых, которые ранее не воспринимали его всерьез, считали его совершенно безобидным существом. Так, в связи с повышенным вниманием к своей персоне Чарли стал испытывать новое чувство – чувство смущения и дискомфорта от постороннего внимания: Everybody was crowded around and talking about it and I got scared because they all looked at me funny and they were exited (PROGRESS REPORT 9) [1]. Можно предположить, что такие перемены в эмоциональном восприятии мира «раздвоили» Чарли, после резкого перехода от одного состояния к другому перед ним возникал образ Чарли-мальчика, и в эти моменты он воспринимал себя как некий посторонний, наблюдающий за самим собой, поэтому писал в отчетах о себе от третьего лица: I see Charlie-eleven years old. He has a little goldcolor locket he once found in the street. Theres no chain, but he has it on a string, and he likes to twirl the locket so that it bunches up the string, and then watch it unwind, spinning around with the sun flicking into his eyes (PROGRESS REPORT 9); Its me, and yet its like someone else lying there-another Charlie. Hes confused rubbing his head. Staring up at Frank, tall and thin, and then at Gimpy nearby, massive, hairy, gray-faced Gimpy with bushy eye-brows that almost hide his blue eyes (PROGRESS REPORT 10) [1].

Если раньше он не замечал реального отношения к себе, не понимал шуток и насмешек в свой адрес, то переход в новую стадию интеллектуального и эмоционального развития снял с него «розовые очки»: I guess I was pretty dumb because I believed what people told me. I shouldnt have trusted Hymie or anyone. Im sick and tired of everybody laughing at me. Im sick and tired of people making fun of me. Thats all. Maybe before I didnt know any better, but now I do, and I dont like it (PROGRESS REPORT 9) [1].

Тогда же он смог оценить и собственный прогресс: I had reached a new level, and anger and suspicion were my first reactions to the world around me (PROGRESS REPORT 9) [1]. Постепенно положительные эмоции начали замещаться отрицательными, Чарли становится агрессивным, чувство агрессии и неконтролируемые вспышки гнева прямо пропорциональны показателям его интеллекта: What do you mean? I shouted at him. Being so afraid of the inkblots had made me angry at myself and at Burt too... I dont recall ever being so angry before. I dont think it was at Burt himself, but suddenly everything exploded (PROGRESS REPORT 9); My anger was an exciting feeling, and I didnt

give it up easily. I was ready to fight (PROGRESS REPORT 9) [1]. С ростом интеллекта Чарли стремительно развивается не только как эмоциональная личность, но и физически: если раньше его мир был заключен в рамки детского, то теперь он превращается во взрослого человека, способного на чувства по отношению к представителям противоположного пола: Why havent I ever noticed how beautiful Alice Kinnian is? She has pigeon-soft brown eyes and feathery brown hair down to the hollow of her neck. When she smiles, her full lips look as if shes pouting. All I could think about was her soft skin just inches away (PROGRESS REPORT 11) [1].

И хотя его беспокоят его собственные трансформации и развитие отношений с Алисой (The silence made me nervous. I knew what she meant about her fear, so I joked about it (PROGRESS REPORT 11) [1]), он не понимает, как объяснить самому себе «новые чувства», ему неизвестен концепт «любовь»: этому учатся с детства, родительская любовь, забота помогают ребенку лучше адаптироваться в жизни, в детстве Чарли любви не было вовсе. Поэтому отказ Алисы он воспринял как неприязнь по отношению к себе, хотя это было совершенно не так: But its more than liking. What I mean is.. oh, hell! I dont know what I mean. I knew I was blushing, and I didnt know where to look or what to do with my hands (PROGRESS REPORT 11); When she put me off, I felt awkward and ridiculous at the same time. It made me angry with myself and I pulled back to my side of the seat and stared out the window. I hated her as I had never hated anyone before-with her easy answers and maternal fussing. I wanted to slap her face, to make her crawl, and then to hold her in my arms and kiss her. Charlie, Im sorry if rve upset you (PROGRESS REPORT 11) [1].

С расширением спектра эмоций, доступных Чарли Гордону, а в его случае – зачастую отрицательных, он начинает видеть кошмары как следствие работы его бессознательного, а это означает, что практически все его мысли заняты проблемами, решения которых для него недоступны: Everything is strangely slow-motion and blurred I had a nightmare last night, and when I woke up I remembered something (PROGRESS REPORT 11). Его заикленность на проблемах из прошлого, которые также мешают ему строить отношения в настоящем, становится импульсом к еще большему развитию чувства страха: When I woke up, I thought of Alice, and I had the same feeling of panic as in the dream. What am I afraid of? Why does a memory like that from childhood remain with me so strongly, and why does it frighten me now? Is it because of my feelings for Alice? (PROGRESS REPORT 11).

Так как Чарли в своем новом состоянии способен оценить не только свои действия, но и действия других, он выстраивает полярную систему оценок «плохое – хорошее», в нём активизируется

чувство справедливости, но герой осознаёт, что все его чувства он должен держать под контролем, что ему это не всегда удастся, как и любому эмоционально здоровому человеку: Fortunately, I dont think Im capable of violence. I dont think I ever hit anyone in my life. But I am involved! I shouted, and then seeing people turn to look, I lowered my voice until it trembled with anger (PROGRESS REPORT 11) [1].

Когда система приоритетов Чарли Гордона подвергается изменению и желание стать умным отходит на второй план, он начинает задумываться, правильно ли он сделал, что позволил провести над собой эксперимент, с увеличением интеллекта у него появилось еще больше проблем, о существовании которых он раньше даже не предполагал: But whats wrong with a person wanting to be more intelligent, to acquire knowledge, and understand himself and the world? (PROGRESS REPORT 11); This intelligence has driven a wedge between me and all the people I knew and loved, driven me out of the bakery. Now, Im more alone than ever before. I wonder what would happen if they put Algernon back in the big cage with some of the other mice. Would they turn against him? (PROGRESS REPORT 11) [1].

Прогресс позволил ему по-другому воспринимать окружающий его мир и людей вокруг: он разочаровывается в своих авторитетах, он был неправ, наделяя их качествами и знаниями, которых у них нет, пересмотрел отношение его бывших коллег к себе, понял, что смех и юмор далеко не означают хорошее отношение. Чем сильнее он привязывается к своему бывшему учителю, Алисе, тем быстрее он приходит к тому, что тоже хочет реализовать свою потребность в любви и семье, но Чарли отдает себе отчет в том, что не способен контролировать процесс развития интеллекта, который становится причиной конфликта в отношениях с Алисой: But with the freedom came a sadness. I wanted to be in love with her. I wanted to overcome my emotional and sexual fears, to marry, have children, settle down (PROGRESS REPORT 12) [1].

Одновременно с чувством скорой регрессии Чарли посещают мысли о смерти и вере, о чувстве признательности и долга перед доктором Штраусом, прооперировавшим его. Безусловно, Чарли испытывал противоречивые чувства по отношению к своей семье, но он не переставал надеяться, что его примут, как только узнают о его приобретенных способностях, в первую очередь он надеялся на примирение с отцом, но, как оказалось позже, при встрече тот даже не узнал его: I was excited at the thought of seeing him. Memories were warm ones. Matt had been willing to take me as I was. Before Norma: the arguments that werent about money or impressing the neighbors were about me-that I should be let alone instead of being pushed to do what other kids did. And after Norma: that I had a right to a life of my own

even though I wasn't like other children. Always defending me. I couldn't wait to see the expression on his face. He was someone I'd be able to share this with (PROGRESS REPORT 14) [1].

Чарли приближался к разгадке причины своего состояния, ею оказался он сам, но только до операции, Чарли-ребенок: I can't help feeling that I'm not me. I've usurped his place and locked him out the way they locked me out of the bakery. What I mean to say is that Charlie Gordon exists in the past, and the past is real. You can't put up a new building on a site until you destroy the old one, and the old Charlie can't be destroyed. He exists. At first I was searching for him: I went to see his-my-father. All I wanted to do was prove that Charlie existed as a person in the past, so that I could justify my own existence. I was insulted when Nemur said he created me. But I've discovered that not only did Charlie exist in the past, he exists now. In me and around me. He's been coming between us all along (PROGRESS REPORT 14). Предчувствие скорого конца пугает Чарли, несмотря на то, что он испытывает определенные сложности с восприятием мира и окружения, он не хочет возвращаться к своему прежнему состоянию: Dissection shows that my predictions were right. Compared to the normal brain, Algernon's had decreased in 179 weight and there was a general smoothing out of the cerebral convolutions as well as a deepening and broadening of brain fissures. It's frightening to think that the same thing might be happening to me right now. Seeing it happen to Algernon makes it real. For the first time, I'm afraid of the future (PROGRESS REPORT 16) [1].

Он осознавал, что скоро его ждет регресс – эмоциональный и интеллектуальный, но не намерен был выслушивать чьи-либо утешения, он хотел остаться один: I don't want Miss Kinnian to feel sorry for me. I know everybody feels sorry for me at the bakery and I don't want that either so I'm going someplace where they are a lot of other people like me and nobody cares that Charlie Gordon was once a genius and now he can't even read a book or write good (PROGRESS REPORT 17) [1]. Он не переставал надеяться остаться умным и хватался за любую возможность поддержать свой интеллект: The important thing was to keep moving upward no matter what happened 209. So I went to the library and got out a lot of books to read. I've been reading a lot now. Most of the books are too hard for me, but I don't care. As long as I keep reading I'll learn new things and I won't forget how to read. That's the most important thing. If I keep reading, maybe I can hold my own. But writing is harder. I have to look up even simple words in the dictionary now and it makes me angry with myself (PROGRESS REPORT 17) [1].

С возвращением в прежнее состояние Чарли стал испытывать чувство стыда и ожидал от своих коллег самой негативной реакции, за которой должны были последовать издевательства и насмешки.

Однако, к его удивлению, все начали его уважать и защищать от тех, кто позволял себе что-либо высказывать по поводу его отсталости, соперживая его неспособности защитить себя. Если обратить особое внимание на хронологические рамки отчетов Чарли Гордона, можно заметить следующую особенность: переход от одной стадии к другой изменялся со временем года (после первой операции – весна, олицетворяет собой начало новой жизни, прогресс – лето, самый расцвет интеллектуальных способностей Чарли, а регресс – осень, как замирают все процессы в природе, так и у Чарли все процессы развития остановились). Подобные процессы происходят и в языке героя: с постепенной психоэмоциональной и интеллектуальной эволюцией в его речи появляются стилистические фигуры различных уровней (эпитеты, сравнения, метафоры, оксюмороны, парцеллированные конструкции, риторические вопросы), на пике его прогресса перечисленные приемы становятся более частотными, с наступлением же регресса их количество резко сокращается. Представляется, что Д. Киз заставляет читателей задуматься над следующей внушающей опасения и страх взаимосвязью, мастерски описанной в его романе: чем выше интеллект человека, тем меньше он нуждается в других людях.

Библиографический список

1. Keyes D. Flowers for Algernon. – Hartcourt : Brace & World, 1966.

ОРНИТОНИМЫ В УЗУАЛЬНЫХ СРАВНЕНИЯХ АСТРАХАНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Л. П. Дугина, И. Н. Кайгородова

**Астраханский государственный университет,
г. Астрахань, Россия**

Summary. The article deals with a comparison of usual in works of art Astrakhan writers. The basis of comparison is the likening of copyright, and as an object of comparison used ornitonimy. Regional «image» conveys the meaning of an element that is not represented in the general linguistic comparisons.

Keywords: image; comparison; ornitonimy; regional picture of the world.

В художественных произведениях астраханских писателей, объединённых территорией проживания и общностью культурного фона, можно выявить более или менее регулярное воспроизведение одних и тех же образов предмета. Если в гносеологическом смысле под *образом* понимается «ментальная репрезентация чего-либо не

путём прямого восприятия, а при участии памяти или воображения» [3, с. 7], то лингвистический образ даёт нам эту информацию плюс информацию о связи этого объекта с другими объектами. Одной из моделей создания лингвистического образа выступают сравнения. В сравнении, как правило, соотносятся понятия, действия, признаки принципиально различные по своей природе, эта их отдалённость и создаёт яркий образ. Общность системы региональных образов может быть проиллюстрирована особенностями авторского выбора объекта для сравнения в визуальных компаративных оборотах [1, с. 239–240; 2, с. 97–101].

Любое сравнение представляет собой необходимое сочетание трёх составляющих:

- 1) *что* сравнивается (предмет, качество предмета или выполняемое им действие);
- 2) *с чем* сравнивается (объект для сравнения);
- 3) *на основе чего* одно сравнивается с другим.

Одна из особенностей лексических наименований образов для сравнения, анализируемых в статье, – это их региональная специфика. Региональный «образ» передаёт такой элемент смысла, который не представлен в общезыковых сравнениях. Художественное восприятие мира писателями Нижнего Поволжья обусловлено доминантными для астраханской региональной культуры понятиями и культурно маркированной лексикой. Для поэтического дискурса астраханских писателей базовыми являются сравнения с образами, характерными для региона, типа *рыба, птица, ловцы, степь, ковыль, камыш, Каспийское море*. Основное художественное назначение поэтических компаративов – служить средством интерпретации объектов поэтического восприятия действительности. В качестве образных сравнений для номинации писатели используют дескриптивную лексику – слова, обозначающие всё, что может стать объектом сенсорного восприятия: *худой, как камыш; река блестит, как рыба чешуя и др.*

Сравнение – способ познания мира, способ закрепления результатов этого познания в культуре. Высокую активность в создании визуальных сравнений имеют орнитонимы – наименования птиц, которые непосредственно обитают на территории Нижнего Поволжья.

Например: *У подножия рыжего холма семенит тонконогий чибис в белой манишке, с белыми манжетами на крыльях... – Сперва заберёмся в самую даль – предложила Катерина, накидывая поверх ковбойки кожаную курточку с белым рантом на воротнике – словно у давешнего **чибиса** (С. Калашников. Пусть дерево шумит).* Здесь автор показывает сходство женщины и птицы по цвету – чёрный и белый, так как чибис от других куликов легко отличается своей чёрно-белой окраской.

Ведь могла ли думать она, грамоте не умевшая Ленка, в зиму и лето босая, чёрная до копчёности, худая, **как тичока-каравайка** по весне... (С. Калашников. Пусть дерево шумит). В этом фрагменте в качестве предмета сравнения С. Калашников использует наименование *каравайка*. Это редкая птичка, обитающая в Калмыкии и в дельте Волги.

Главный из жюри, маленький мужичонка с носиком шильцем, как у куличка, от возмущения слюнями весь избрызгался (Ю. Селенский. Зови меня тётя Паша). Кулик отличается достаточно «утончённым носом» (8–10 сантиметров). Ю. Селенский, используя эту особенность, рисует перед читателем образ достаточно смешной – маленький мужичонка с длинным, заострённым носом.

Наиболее часто употребляемыми сравнениями являются обороты, основанные на взаимодействии образа с качеством (т. е. именем прилагательным): *длинноногий, как чапура*. Это сравнение подкрепляет прямое значение слова *чапура* – ‘цапля’. В обороте *налетели (набросились), как кашкалдаки* (*кашкалдак* – ‘водяная курица, лысуха’) образ иллюстрирует действие (или процесс). Например: *Словно стайка любопытных цапель, Краны плотно окружили стапель...* (Н. Мордовина. Корабелы), *Будто чайки, в море синем Мачты белые видны...* (Г. Подольская. Астрахань); – *За бродяжничество государство пенсию не платит. А он смолоду, как мартын на берег только к вечеру прилетал* (Ю. Селенский. Крутая Рамень). *Мартын* – птица из породы чаек. Сравнивая с чайкой, автор наделяет героя жаждой свободы. Чайка – птица, питающаяся рыбой, она, как и рыбаки, зависит от улова.

Наконец, лебедь – это птица, которая часто также выступает объектом для сравнения. С лебедем сравнивают и город Астрахань, и Волгу: *Город древний, златоглавый, Тень веков лежит на нём. Будто лебедь величавый, С белокаменным кремлём* (Г. Подольская. Астрахань), *Словно лебедь белая Над рекою синей, Выплывает Астрахань Пристанью России* (Н. Мордовина. Гимн городу), *Ах ты, Ахтуба, речка с норовом: Сёстры к Волге все, А ты – в сторону. Через степи путь – Не с твоей волной: То пески по грудь, То камыш стеной. Волга – лебедью. А ты – утицей* (Н. Мордовина. Ахтуба).

Индивидуально-авторские сравнения писателей астраханского региона с компонентом-орнитонимом передают поэтическое восприятие малой родины. Для воссоздания региональной языковой картины мира особенно важны данные конкретной территории, конкретной языковой личности. Благодаря изучению региональных сравнений рождается конкретное представление о том, что существуют разные способы видения мира.

Библиографический список

1. Баташева Л. А., Кайгородова И. Н. Региональные номинации в сравнительных оборотах // Национально-культурный и когнитивный аспекты изучения языковой номинации : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. (г. Кострома, 22–24 марта 2012 г.) / под науч. ред. А. М. Мелерович. – Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2012.
2. Кайгородова И. Н. «Картина мира» Астраханского края в значениях слов // Русское слово в контексте этнокультуры XX–XXI вв. : сб. науч. тр. по итогам Междунар. заоч. науч. конф. (ноябрь 2011). – Старый Оскол: РОСА, 2012.
3. Ричардсон Т. Э. Джон. Мысленные образы: Когнитивный подход / пер. с англ. – М. : Когито-Центр, 2006. – 175 с.

ТВОРЧЕСТВО АМИРА ХАМЗЫ ШИНВАРИ

С. Ю. Карабаев

Ташкентский государственный институт востоковедения,
г. Ташкент, Узбекистан

Summary. This article is devoted the creation of famous afghan poet Ameer Hamza Shinwari, who was famous for a pashtun poet, writer and dramatist. He followed the old traditional classical literature and blended it with the modern spirit, as well as introducing new ideas in pashto literature.

Keywords: creation; classic pashtu literature; social-political and cultural features.

Афганский народ (пуштуны, или паштуны), как один единый этнос, проживал на территории Индийского полуострова и современного Афганистана до конца XIX века. На протяжении XIX–XX веков этот народ, по крайней мере трижды, сумел отразить английское колониальное притязание. Тем не менее, согласно «Договору Дюранда» от 1893 года часть территорий, на которых проживали пуштуны, была присоединена к Британской Индии (современный Пакистан). Это событие не могло не сказаться на общественно-политической, культурной и, в особенности, литературной жизни пуштунов. В частности, между литературой перешедших в состав Британской Индии пуштунов и проживающих на территории Афганистана афганцев наметилось очевидное различие, литературы стали самостоятельно развиваться в отличных друг от друга направлениях. Пуштуны Британской Индии (с 1947 года Исламская Республика Пакистан) в отличие от пуштунов, проживающих на территории Афганистана, создали более богатое и своеобразное литературное наследие.

Как и у всех народов Востока, XX век в литературе пушту стал периодом перехода от традиционной литературы к современной.

В такой период в каждой национальной литературе появляются заметные тенденции и яркие представители. В пуштунской литературе Пакистана таким ярким представителем стал Амир Хамза Шинвари. Его можно сравнить со своеобразным мостом, связавшим традиционную литературу с современной литературой пушту. Его творчество многогранно: одновременно он и поэт, и писатель, и драматург. Амир Хамза Шинвари является автором 10 поэтических сборников, 15 прозаических произведений, 16 драм, 4 переводов с других языков, а также первого пуштунского фильма «Лейли и Меджнун». Шинвари творил как в традиционном направлении, так и вносил современные темы в национальную литературу. За какую бы тему ни брался мастер, созданный им образ, словно оживает перед читателем. Новые, неожиданные образы и сравнения, передающие душевное состояние человека, придают яркость и значимость его произведениям. В идейно-тематическом плане произведения Шинвари пронизаны идеями патриотизма, гуманизма и самопожертвования, присущих национальному менталитету пуштунов, а также духом наставлений тасаввуфа (суфизма), формирующими волевые качества человека и ведущими его к совершенству.

Изучение идейно-художественных особенностей творчества Амира Хамзы Шинвари имеет особое значение не только для пуштунской литературы Пакистана, но и для решения таких актуальных теоретических вопросов, как определение и этапы становления литературных течений и развития художественного мышления в афганской литературе XX века.

НАЦИОНАЛЬНАЯ КАРТИНА МИРА В ТВОРЧЕСТВЕ СЕМЁНА ПОПОВА–ТУМАТА

О. И. Пашкевич

**Якутский институт водного транспорта, Новосибирская
государственная академия водного транспорта,
филиал в г. Якутск, Республика Саха (Якутия), Россия**

Summary. This article analyzes the reflection of national mentality in the work of Yakut poet, prose-writer, literator Semen Popov–Tumat. It gives consideration to the description of birds worship in works of art, peculiarities of ethnopedagogics of Sakha nation.

Keywords: national mentality; Yakut literature; ritual; figures of speech; cult of birds.

Отечественные специалисты, в частности культурологи, уделяют большое внимание исследованию менталитета. Особый интерес в данном направлении имеют работы А. Я. Гуревича. По его

определению, менталитет – это представления людей, заложенные в их сознании культурой, языком, религией, воспитанием, социальным общением. А. Я. Гуревич называет центральное понятие истории ментальностей «картиной мира» или «образом мира» («видением мира», «моделью мира»). Изучение концептуального и чувственного «оснащения» людей данного общества и данной эпохи, по мнению учёного, является обязательным условием понимания их поступков: «Только в этом контексте, учитывающем конкретную историческую целостность, и могут быть раскрыты... смысл художественных творений эпохи, их образный и символический язык и взаимодействие их со средой, в которой эти творения возникли или которой они адресованы» [2, с. 161].

Художественные произведения имеют для исследования данного вопроса большие возможности. Например, западногерманский учёный Фредерик Мейер полагает, что «литературные тексты, являясь источниками для истории менталитета, обладают неоценимыми преимуществами, ибо они не просто информируют об определённых ментальных структурах, но и показывают всю сложную взаимосвязь между ними. Так, погребальные церемонии сообщают об отношении к смерти, но сложная связь между отношением и его значением для других ментальных структур (проблемы собственности, семьи) может быть извлечена только из литературы» [3, с. 59–60].

Продолжительное время над проблемой менталитета в литературе работает Г. Д. Гачев, который вместо термина «менталитет» вводит понятие «космо-психо-логос» или «национальный образ мира». В своих трудах он опирается на тесты художественных произведений, полагая, что художественное произведение – «это как бы национальное устройство мира в удвоении». Учёный понимает, что «постичь особенности каждого народа трудно». Для выявления национального образа мира он берёт национальную жизнь в её целостности: и природа, и стихии, и быт, и фольклор, язык, образность поэзии [1].

Как любой социальный феномен, менталитет исторически изменяется, но происходит это очень медленно.

Л. В. Санжеева определяет менталитет как «сложившуюся особенность психического мировосприятия, опосредованного культурными и социальными архетипами, создающего ориентиры жизнедеятельности человека» [5, с. 186–187].

Менталитет разных народов отличает восприятие и осознание целого ряда явлений: «представление о мире и существующих в нём связях; понимание места человека во вселенной; трактовка пространства и времени; образы природы и взаимодействия в ней человека; представления о добре и зле; понимание свободы и долга; отношение к собственности, богатству, бедности, труду...» [4, с. 70–71].

Якутский писатель Семён Андреевич Попов–Тумат в своих произведениях смог широко представить национальную картину мира народа саха. Родился Семён Андреевич в 1944 г. на крошечном острове Сагастыыр в море Лаптевых, который приписан к Туматскому наслегу Булунского района Республики Саха (Якутия). Именно на этом острове, у берегов Ледовитого океана происходят события повести «Остров в белом океане». Перевод произведения на русский язык осуществил коренный якутянин, поэт, прозаик Владимир Фёдоров. Работа журналиста дала возможность В. Фёдорову побывать во многих уголках РС (Я), познакомиться с обычаями и традициями якутского народа, что позволило ему донести до русскоязычного читателя не только содержание текста, но и национальную ментальность.

Действие повести происходит в относительно короткий промежуток времени – в летние месяцы школьных каникул. Отец главного героя приезжает за ним и его товарищем Гришей, которому родители разрешили погостить у друга, в посёлок, где учатся дети, чтобы забрать их на далёкий остров.

Тумат с большой любовью и знанием описывает северный край, ведя повествование от первого лица, показывая события, картины природы через восприятие их ребёнком, и это неслучайно. Отличительной чертой менталитета народов Севера было заботливое отношение к детям. Раньше у народов Севера существовала своя традиционная система воспитания детей, которая нашла отражение в повести. Система этнопедагогики решала такие основные задачи, как подготовка ребёнка к будущей самостоятельной трудовой деятельности и продолжение им традиций своего народа.

В центре произведения, несомненно, образ отца автора Андрея Фомича Попова, которому и посвящена повесть. «Высокий статус мужской половины семьи привязывал отца и сына незримыми нитями кровных связей, повышал ответственность каждого в деле сохранения и умножения семейных традиций», – пишет исследователь культуры народа саха К. Д. Уткин [8, с. 220].

Отец показан внимательным (беспокоится, чтобы дети не выпали при быстрой езде с нарта, чтобы не замёрзли), опытным охотником, хорошо ориентирующемся в тундре, умеющим заметить и похвалить способности не только сына, но и его друга. Он учит мальчиков обращаться с ружьём, ставить силки на куропаток, с ним они ремонтируют ветку – маленькую лодочку, выдолбленную из толстого тополя. Родители заботятся о физическом развитии детей, передают им накопленные знания об окружающей среде, её богатствах и способах существования в ней. Например, наиболее почитаемым у якутов был дух-хозяин домашнего очага или домашнего огня. Такое отношение к огню на Севере объяснимо суровыми

климатическими условиями. От тепла в этом краю в прямом смысле слова зависит жизнь, поэтому принято соблюдать обряд «кормления огня», который выполняет мать главного героя: «Она подбрасывает сверху ещё несколько поленьев, зачерпывает из чёрного ведёрка моржовый жир и выплёскивает его в печь. Огонь, будто ожидавший такого подаяния, оживает и начинает весело трещать» [7, с. 56]. Рассказ отца о великом охотнике Легере завершается советом быть благодарными Богу охоты Байанаю, тогда он никогда не оставит без добычи: «В Среднем мире всё нам засчитывается. Помните об этом, детки...» [7, с. 79].

Отец старается привить и определённую сумму нравственных и этических норм. Он говорит о такой ценности как человеческая дружба: «... дружба – она вечно в цене останется. Станьте хорошими людьми и верными друзьями, и мы спокойно доживём свои дни...» [7, с. 53–54].

Повесть Тумата формирует взгляд на природу, прежде всего, как на великолепную и возвышенную организованность, как на общечеловеческую ценность, а не лишь как на материал для хозяйственной деятельности. По якутской натурфилософии одушевлённость природы трактуется более конкретно: наличествует обожествлённое понятие мира. То, что окружает человека, представляется живым, разумным, поэтому потребительское отношение к природе недопустимо. Это подтверждает глава «Отцовский урок». Главный герой по поручению отца впервые самостоятельно собирает гусиные яйца на южном берегу острова. Зная, что из гнезда нельзя брать больше одного, он, пожадничав, забирает всё. Отец, обнаружив, что сын нарушил принятое правило, стыдит его, перед каждым гнездом становится на колени и шепчет: «Простите моего глупого сына...». Вечером, когда все ели и нахваливали яйца, мальчик даже не протянул к ним руки, хотя никто ему не запрещал.

Многие страницы произведения посвящены описанию снега. Одна из глав называется «Радость белого снега». Главный герой слышит, как снег поёт песню, в которой просит людей быть светлыми, чистыми, как он. Бескрайнюю тундру автор сравнивает с «песцовой шкурой, переливающейся на солнце белоснежным нежным мехом» [7, с. 51]. Тумат сопоставляет северную и цветущую южную природу, отмечая достоинства последней, но всё-таки отдаёт предпочтение снегу: «снег моего любимого моря, он приветствует белое солнце тундры и меня» [7, с. 59].

В одном из своих стихотворений Тумат писал:

Снег – это норы тундры,

Снег – это песня тундры.

С этой песней навсегда,

На всю жизнь я неразлучен [7, с. 20].

Необходимо отметить в тексте повести обилие белого цвета: белый Ледовитый океан, белые детёныши нерпы, белые медведи, песцы, белоснежная поверхность моря, белые стволы деревьев, белый свет. Диких оленей автор называет «белыми снегирями северного края». Белые лебеди на фоне тёмной тундры. Вообще эпитет «белый» в якутском фольклоре постоянен. Н. С. Сивцева полагает, что «он созвучен по содержанию русскому «красный», выражающему высшую степень красоты и чистоты...» [6, с. 137]. Эпитет «белый» передаёт национальное мировосприятие. Так, белые стерхи, белые лебеди являются для народа саха священными птицами, а белый шаман ассоциируется с добром.

Время, описанное в повести, оказывается последним летом детства автора, потому что вскоре отец умер, и семья была вынуждена переехать в посёлок. «Я больше никогда не попаду на свой остров, остров детства, и море будет шуметь только в моих снах», – с сожалением говорит Тумат [7, с. 87].

Поэтическое творчество С. А. Попова–Тумата и повесть «Остров в белом океане» передают национальное мировосприятие, которое нашло отражение в реалиях детства писателя, являющимся удивительными и неповторимыми. В то же время, не смотря на национальное своеобразие, автор поднимает вопросы и о вечных, общечеловеческих ценностях – таких как добро, труд, любовь, дружба, память о родном доме.

Библиографический список

1. Гачев Г. Д. Национальные образы мира. – М. : Сов. писатель, 1988. – 448 с.
2. Гуревич А. Я. Вопросы культуры в изучении исторической поэтики // Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения. – М. : Наука, 1986. – С. 153–167.
3. Жожикашвили С. В., Мейер Ф. История литературы и история менталитета // РЖ, серия «Литературоведение». – 1990. – № 3. – С. 58–60.
4. Качан П. В. Сказка как отражение особенностей национального менталитета // Альманах современной науки и образования. – 2007. – № 7. – Ч.1. – С. 70–74.
5. Санжеева Л. В. Менталитет как конструкция модели мира. В 4-х ч. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 5. – Ч.1. – С. 185–188.
6. Сивцева Н. С. Явление двуязычного художественного творчества в современной поэзии Якутии // Взаимодействие литератур народов Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск : Наука, 1983. – С. 135–142.
7. Тумат С. Здравствуй, Арктика! – Якутск : Якутский край, 2013. – 88 с.
8. Уткин К. Д. Культура народа саха: этнографический аспект. – Якутск : Бичик, 1998. – 368 с.

К ВОПРОСУ О СПОСОБАХ СОЗДАНИЯ РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА ПЕРСОНАЖА (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА ДЖ. ЛИНДСЕЯ «ДРЕМЛЮЩИЙ ДЕМОН ДЕКСТЕРА»)

А. И. Дзюбенко, Ю. С. Елизарова
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия

Summary. The article investigates the linguistic and stylistic ways of the protagonist's speech portrait modeling in the fictional discourse created by J. Lindsay.

Keywords: speech portrait; antithesis; syntactic syncopation.

Речевой портрет персонажа, создаваемый автором произведения, является художественным воплощением не только внутреннего мира героя, но и непосредственным отражением интеллектуального и эмоционального мира самого писателя. В связи с этим изучение лингвостилистических способов создания речевого портрета персонажа представляется актуальным в рамках общего направления исследования языковой личности, а также в рамках более частного описания стилистических особенностей речи главного героя романа Дж. Линдсея – Декстера.

Повествование ведется от первого лица главного героя, что в значительной мере «индивидуализирует» текст романа, представляющего интерпретацию героем объектов, явлений и событий, происходящих в его художественной, вымышленной реальности. В данном случае повествование от первого лица используется как способ прямой передачи читателю глубоко внутренних эмоций и мыслей персонажа, даже в тех случаях, когда они скрываются героем от остальных персонажей романа. Это создает своеобразную сопричастность читателя описываемым событиям и через систему стилистических приемов способствует соединению двух реальностей:

1) реальности, в которой читатель осмысливает писательскую интерпретацию предлагаемого им сюжета;

2) реальности художественного текста, которую создает писатель через призму своего главного героя – Декстера Моргана, судмедэксперта, работающего в полицейском участке и одновременно являющегося серийным убийцей, считающим своим долгом выслеживать и уничтожать других преступников.

Он крайне противоречивый персонаж, совмещающий в себе три неоднозначные и лингвистически многогранно воплощенные индивидуальности: серийный убийца, представитель закона, а также законопослушный гражданин и семьянин. В этом

и состоит главный конфликт романа, обнажающий психологический раскол героя, что делает его речь чрезвычайно интересной с исследовательской точки зрения.

Декстер-убийца противопоставляет себя человеку, описывая свою сущность как что-то, что не может испытывать эмоции или сопереживать. Именно поэтому слова, относящиеся к чувственной стороне людей, акцентируются курсивом: «*He was such a nice man. Very friendly. I can't believe he did those horrible things ...*» [1, с 21]; «*I can't stop you from ... being who you are*». – «*Being what I am, Dad*», I said». [1, р. 88]. При этом он поддается эмоциональным импульсам высокой интенсивности, например, удивлению после найденного обескровленного тела: «*NO BLOOD AT ALL*» [1, с. 13]. Эмоции все же проникают и усложняют внутренний мир Декстера, «очеловечивают» его, когда он, исполняя свои должностные обязанности судмедэксперта, всё глубже погружается в дело главного антагониста истории – маньяка, оставляющего тела обескровленными: «*I was back in my dream, floating like a knife blade above the lights of Biscayne Boulevard, flying cold and sharp and homing in on my target and*» [1, с. 47].

Что касается синтаксической организации речи героя, следует отметить высокую частотность синкопирования, то есть чередования сложных и распространенных предложений с простыми. Это создает впечатление импульсивности, противоречивости, внутренней борьбы добра со злом, которая происходит в сознании героя. Так, несмотря на кажущееся отсутствие личных привязанностей, он испытывает нежные, отеческие чувства к своему ребенку, но при этом дети для Декстера одновременно и средство создания видимости, которая помогает ему позиционировать себя как законопослушного члена общества. Он испытывает к своим близким людям (невесте и ее детям от первого брака) любовь жертвенную и приводящую к самоотречению, однако все остальные люди не пробуждают в нём никакого интереса, не говоря уже о любви: “They are important to me. They matter. I don't understand it, really. I genuinely wouldn't care if every human in the universe were suddenly to expire, with the possible exception of myself and maybe Deborah. Other people are less important to me than lawn furniture. I do not, as the shrinks put it so eloquently, have any sense of the reality of others. And I am not burdened with this realization. But kids – kids are different” [1, с. 32]. Обыкновенно спокойный, Декстер приходит в состояние возбуждения, когда пытается отыскать убийцу. В речи появляется много риторических вопросов, которые также представлены в форме синкопирования: «A mirror. What the hell did it mean? Good question. In spite of feeling so very moved by the thing, I didn't have any immediate theories about what it meant. Sometimes great art is like that. It affects

you and you can't say why. Was it deep symbolism? A cryptic message? A wrenching plea for help and understanding? Impossible to say, and to me, not the most important thing at first. I just wanted to breathe it in. Let others worry about how it had gotten there. After all, maybe it had just fallen off and he had decided to throw it away in the nearest handy garbage bag. Not possible, of course not. And now I couldn't help thinking about it. The mirror was there for some very important reason. These were not garbage bags to him. As he had now proved so elegantly with this hockey-rink setting, presentation was an important part of what he was doing. He would not be casual in any detail. And because of that, I began to think about what the mirror might mean. But what did it mean?» [1, с. 59]. На уровне синтаксиса его волнение, его интерес к убийце и восхищение им выражаются через парцелляцию и эллиптические конструкции: «A mirror, a Barbie, and drywall. Three kills. Bone dry. Hello, Dexter». [1, с. 105]; «Any jeweler will tell you that finding the right setting is vitally important, and this – It was stunning. Absolutely perfect» [1, с. 55]; «[body parts] seemed preserved in their small perfect moment of time. Wonderful» [1, с. 35].

На лексическом уровне противопоставляются такие понятия, как «кровь» и «отсутствие крови». Кровь отвратительна Декстеру, она «horrible, messy, mistake, nasty», отсутствие же крови – «pure, wonderful, beautiful, antiseptic». То, что Декстер психологически расколот и не видит в себе цельной натуры, проявляется в использовании личного местоимения второго лица множественного числа, что еще больше акцентирует стремление героя увидеть себя со стороны, отказавшись от своего «кровавого» настоящего: «We said», «We told him», «Tell us», «But we had reached an understanding, he and I», что подчеркивается обособлением в последнем примере.

Когда Декстер убивает, он уже не является самим собой, он отдает себя во власть своего «жестоккого Я», которое он называет Dark Passenger. Такое противостояние «положительного» и «отрицательного» в психике героя предопределяет изобилие антитез в его речи: «I felt weak, intoxicated, half sick with a combination of excitement and uncertainty and complete wrongness – but of course, the Dark Passenger was driving from the backseat now and how I felt was not terribly important anymore because he felt strong and cold and eager and ready» [1, с. 74]; «The Dark Passenger was simply borrowing the car while I slept» [1, с. 103].

Более того, даже предметы в его руках убивают сами, что видно из олицетворения «One moment I was patting her and saying, «There, there», and staring at the cords in my hand, feeling the sense memory pulse through the fingers, the surge of power and brightness as the knife explored Jaworski's abdomen» [1, с. 83]. Само понятие «убийство»

определяется такими эпитетами, как *essential*, *needed*, *magic*, *wonderful*. Убийства романтизируются героем: часто появляется образ луны, способствующий противопоставлению умиротворения крикам или панике: «I smiled fondly, recalling the mix of moonlight and muffled screams. Oh, what a madcap little monster I had been» [1, p. 90]; «But it was hard to stay angry, with the beautiful Florida moon pounding at me, the tropical breeze blowing, the wonderful night sounds of flexing duct tape and panic breathing» [1, c. 79].

Вероятно, самая яркая антитеза – это отношение «Декстер» – «человек». Он говорит, что в нём мало человеческого, он постоянно притворяется человеком, играя такую социальную роль, но в его поведении нет ничего естественного: «If I am ever careless enough to be caught, they will say I am a sociopathic monster, a sick and twisted demon who is not even human, and they will probably send me to die in Old Sparky with a smug self-righteous glow» [1, c. 31]; «But at other times I feel like I am missing out on a great reservoir of warm wisdom, the lore of some sense I don't possess that humans feel so deeply they don't need to talk about it and can't even put it into words» [1, c. 72].

Эта антитеза зачастую становится источником иронически-юмористического отношения героя как к окружающей действительности, так и к самому себе: «I took pride in being the best-dressed monster in Dade County. Yes, certainly, he chopped up that nice Mr. Duarte, but he was so well dressed!» [1, c. 54]; «I know it is a nearly human weakness, and it may be no more than ordinary sentimentality, but I have always loved funerals» [1, c. 149].

Декстер лишен не только способности сопереживать, но и эмоционально открыто и искренне воспринимать действительность, что подтверждается следующим рядом примеров: «put on my best face», «imitation of dignity», «trying to sound hurt», «Happily, I don't have a conscience», «gave her my very best reassuring smile». Семья для него – «people who carry similar genetic material», а его девушка описывается через перифраз, будучи для него «disguise», «beard».

Взволнованность Декстера от появления искусного убийцы ярко проявляется на примере стилистических средств лексического уровня. Так, многочисленные сравнения указывают на высокую степень восхищения убийцей: «It made me feel almost giddy, like a high-school girl watching as the captain of the football team worked up his nerve to ask for a date. You mean me? Little old me? Oh my stars, really? Pardon me while I flutter my eyelashes» [1, c. 102]; «The sudden quiet in the building was awe inspiring, breathtaking, beautiful, like the overwhelming crash of applause at the unveiling of any work of genius» [1, c. 58]. Более того, соперник-убийца описывается перифразом как «friend», «business associate», «jeweler», «artist». То, что он

художник, не подвергается сомнению, а место преступления описывается как произведение искусства: «It was beautiful – in a terrible sort of way, of course. But still, the arrangement was perfect, compelling, beautifully bloodless. It showed great wit and a wonderful sense of composition. Somebody had gone to a lot of trouble to make this into a real work of art. Somebody with style, talent, and a morbid sense of playfulness» [1, с. 106].

Таким образом, психологический и эмоциональный дискомфорт, неопределенность, которые переживает герой романа и которые он пытается то искоренить, то приглушить, определяют спектр лингвостилистических приемов (графическое акцентирование участков повествования, синтаксическое синкопирование, риторические вопросы, антитезы и сравнения, эпитеты и метафоры), которые помогают разнообразно представить противоречивый, но одновременно и чрезвычайно интересный образ главного героя – образ Декстера.

Библиографический список

1. Lindsay J. Darkly Dreaming Dexter. – Vintage Books, 2004.

СООТНОШЕНИЕ НАУКИ И РЕЛИГИИ В РОМАНАХ Д. БРАУНА

И. Р. Харюк

**Черновицкий торгово-экономический институт,
Киевский национальный торгово-экономический
университет, г. Черновцы, Украина**

Summary. The article deals with the main methods of correlation between science and religion based on the D. Brown's novels. The author's attempts to represent scientific and religious concepts of human essence to the mass readers are analyzed. Among others, the main methods and approaches to keep the readers' interest are described.

Keywords: science; religion; ideological composition; mass culture; existential question.

Романы Д. Брауна, а особенно так популярный «Код да Винчи», стали настоящими бестселлерами конца XX – начала XXI столетий. Этому есть, конечно, основания: писатель касается острых тем, которые актуальны для нашей культуры и одновременно интерес к которым не угасает уже много столетий. Но возникает вопрос: что следует рассматривать литературоведам в романах Д. Брауна, чтобы

иметь серьезный предмет разговора? И тут мы сталкиваемся с тем, что Д. Браун претендует на решение серьезных, глобальных экзистенциальных вопросов. И в качестве объекта интенсивной критической атаки берется за основу христианство, которому противопоставляется мир оккультных учений. Но произведения Д. Брауна – «литературная пустышка», как их называет И. Понкин и Е. Елизаров, которая «использует прием десакрализации и криминализации сакрального, эксплуатирует интерес современного читателя к тайнам, сенсациям и псевдосенсациям» [4].

Если говорить об идейной позиции Д. Брауна, какой она вырисовывается на страницах его романов, то можно утверждать, что самым верным взглядом на мир для писателя является взгляд даже не «неоязыческий», а просто атеистический, и резонером этой позиции выступает ученый Роберт Лэнгдон. Д. Браун в каждом романе непрерывно и агрессивно «вскрывает тайны и ложь христианства». Христианство, в свою очередь, подается как фантазмагорическая и бессмысленная система, которая как будто исключительно состоит из разнородных – преимущественно языческих – элементов и не терпит присутствия рационального начала.

Как видим, источник духовного импульса «человека Д. Брауна», такого себе «простого парня», который тем не менее хочет господствовать над миром, – это предвзятость, тенденциозность, определяемая практически подростковым негативизмом касательно общепринятых ценностей. Именно потому, что есть чему возражать, это возражение еще как-то держится. Поэтому стоит внимательней присмотреться к тому, как обстоят дела с научным обоснованием мнений героев и их автора в серьезных экзистенциальных вопросах.

На первый взгляд тут всё очень солидно: все романы Д. Брауна обязательно касаются вопроса соотношения науки и религии, что интересуют людей уже много столетий. Е. Морозова, проанализировав частоту упоминания прецедентов научной и религиозной тематики, говорит о приблизительно равном их количестве, что, по ее мнению, дает возможность утверждать, что автор «не имеет четко выраженной позиции, но сопоставляет данные сферы» [2, с. 173]. Тем не менее мы никак не можем согласиться с этой точкой зрения, считая нужным оценивать в первую очередь не количество, а «качество» материала, посвященного науке или религии. Даже сама аргументация в пользу определенной точки зрения, эмоциональность изложения и т. п. факторы говорят намного больше, чем сухие цифры. И тут стоит отметить, что симпатии автора однозначно принадлежат науке. Особенно четко это выражено в романе «Ангелы и демоны». Достаточно вспомнить многочисленные примеры преследований ученых церковными деятелями, что упоминаются

в романе. Не говоря уже о мотиве, связанном с таким персонажем Д. Брауна, как Леонардо Ветра, который пытался примирить науку с религией и произвести эксперимент, что должен был подтвердить библейскую версию сотворения мира. Его убивают, при этом следы убийцы, по Д. Брауну, ведут в Ватикан, и это является очередным «историческим» подтверждением того, что церковь никогда не идет на компромисс с наукой, – именно такой ситуация видится писателю.

Истоки подобного интереса к соотношению науки и религии надо искать, по мнению Л. Роутек, в биографии автора. Знаменитый в будущем писатель был сыном преподавателя математики и церковной органистки, и конфликт между наукой и религией у Д. Брауна, вполне возможно, подогревался не просто интересом, а и определенными обстоятельствами формирования личности [5, с. 38–39].

Но всё-таки, похоже, что позиция автора, определенная детскими симпатиями, немного изменилась. И нельзя сказать, что фундаментом мировоззрения персонажей Д. Брауна стала настоящая наука, хотя этим персонажам писатель доверяет читать достаточно длинные резонерские монологи мировоззренческого характера.

Нельзя сказать, что все персонажи романов Д. Брауна однозначно ставят науку выше религии. Для создания эффекта объективности писатель иногда устами какого-то героя «демонстрирует» и недостатки науки. Хотя эти примеры не многочисленны, и такая позиция присуща персонажам скорее «негативным». Характерна речь камерария Карала Вентреска в романе «Ангелы и демоны» (персонаж, который убивает Папу Римского и нанимает убийцу для уничтожения кардиналов) об извечном противостоянии науки и религии и победе науки, которая стала новым богом, но богом, что лишает людей моральной ответственности.

Слово «камерарий» звучит таинственно и загадочно и создает впечатление, что этот человек, наверное, знает скрытые тайны мира. Правда, это всего лишь титул придворной особы, что следила за поступлениями в королевскую казну и отвечала за сохранность имущества в королевском палаццо. Носитель этого титула, как когда-то, так и сегодня, никогда не был никем другим, кроме как обыкновенным (правда – королевским) завхозом и, если угодно, еще и налоговиком. Но именно господин камергер (который, впрочем, в романе Брауна даже управляет выборами Папы Римского и возглавляет в определенный период всю Католическую церковь) выносит авторитетный приговор науке. Он говорит, что она не дала ответа на вечные вопросы, а просто в корне изменила общество так, что истины, которые были когда-то указателем, потеряли смысл; люди, отказавшись от религии, оказались в духовной пустоте, а наука ставит всё новые и новые вопросы в поисках

истины. Таким образом, наука сделала из людей отчаявшуюся, аморальную массу, что идет к гибели [2, с. 366–370]. Как видим, всеми большими областями культуры, в которых формировался человек, в полном понимании этого слова, Д. Браун и его «знающие» персонажи очень не довольны.

Серьезные научные исследования требуют не меньшего смирения и самоотречения, не меньших духовных усилий, чем религиозные подвиги. Но человек Д. Брауна, при всей скромности своих дарований, хочет не больше и не меньше, чем полной власти над миром, что в определенной мере совпадает с направлением науки, но речь идет здесь не о научном пути, а о чистой мифологеме.

Еще один оракул идей автора, Кетрин Соломон, начиная с романа «Утерянный символ», возносит человека над миром материи, утверждая, что наши мысли взаимодействуют с физическим миром и меняют его на «субатомарном» уровне. «Ум и в правду имеет способность менять состояние самой материи, и самое главное – он имеет способность побуждать физический мир двигаться в конкретном направлении» [1, с. 77]. По сути, это изложение очень популярной сегодня теории визуализации – представляй то, чего ты хочешь, и ты обязательно это получишь. Библейский опыт человеческих поражений в попытках завладеть небом и землей толкуется методом выдернутой из контекста цитаты. Белами из того же «Утерянного символа» цитирует известные слова Библии о том, что человек сотворен по образу и подобию Бога, но комментирует их таким образом: «человечество не было сотворено как что-то ниже Бога». Лэнгдон на это заявляет, что не знает ни одного христианина, который считал бы себя равней Богу [1, с. 247]. Достаточно неожиданное представление о христианах, добрых, хотя не таких уж и твердых в вере. Это очень масштабное, глобальное обвинение всего корпуса адептов христианства целиком могло бы дать формулировку для судебного процесса «Мировое христианство против Д. Брауна», и сомнительно, выдержал бы он «очную ставку» с обыкновенным религиоведом (а тем более теологом) – те, по крайней мере, Библию так не передергивают.

В итоге, как видим, ничего оригинального в идейном замысле Д. Брауна не находим. Наверное, успех и популярность версии автора в среде широких слоев не очень образованных читателей определены первым делом тем, что ему удалось уместить эти концепции, которые существовали давно, в «упаковку» детективного романа, сделав всё это развлекательной литературой. Понятно, что читать апокрифы, изучать ереси захочет сравнительно небольшое количество людей, – намного большую читательскую аудиторию получает автор детектива. Другая причина в том, что для людей без

серьезного читательского опыта грань между научной и художественной литературой часто незаметна, и всё, что имеет видимость научной концепции, воспринимается как таковая.

Библиографический список

1. Браун Д. Втрачений символ / пер. з англ. В. Горбатька. – Харків : Книжковий клуб «Клуб сімейного дозвілля», 2010. – 608 с.
2. Браун Д. Янголи і демони / пер. з англ. А. Кам'янець. – Харків : Книжковий клуб «Клуб сімейного дозвілля», 2010. – 544 с.
3. Морозова Е. Л. Языковые средства создания прецедентного мира художественного произведения (на материале произведений Д. Брауна) // Вестник Ставропольского гос. ун-та. – 2010. – № 67. – С. 170–174.
4. Понкин И. В., Елизаров В. Г. Инфернальный экстаз ненависти в книге Д. Брауна «Ангелы и демоны». URL: <http://moral-law.ru/publ/47-1-0-115>
5. Роутек Л. Человек, написавший «Код да Винчи» / пер. с англ. А. Бушуева. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Хранитель, 2006. – 221 с.

اقدامات فرهنگی سید محمد تدین

دکتر حسن کهنسال و اجارگاه ، محمد عطار آبکنار
دانشگاه گیلان، رشت، ایران

Summaru. Seyed Mohammad Birjandi (Tadayyon) is a famous figure of Iran contemporary history who had cultural practices throughout his life, besides his political activism. He was born in 1260 Hijri 1881d in Birjand in a religious family, after passing wisdom grades he studied theological education at Mash'had, Tehran and Najaf and established an Institution named «Tadayyon» and became known as «Tadayyon» himself. He founded a newspaper called Voice of Tehran. He wrote several books including Major discoveries ,Readers, Mohammad's History, etc which taught in schools those days. He was a professor at Tehran University, Higher Education Council, a permanent member of the Academy of Persian Language and Literature, member of Preaching institute and Culture Minister in Foroughi Cabinet.

Keywords: Tadayoun; Culture; Countenance; Minister.

چکیده

سید محمد بیرجندی (تدین) از چهره های مشهور تاریخ معاصر ایران است که در طول حیات خود علاوه بر فعالیت های سیاسی، اقدامات فرهنگی نیز داشت او در سال 1260 هـ. ش / 1881 م در بیرجند در خانواده ای مذهبی متولد شد، پس از طی مراحل خردی به تحصیلات حوزوی در مشهد، تهران و نجف اشرف پرداخت و در تهران موسسه ای تاسیس نمود و آن را تدین نام نهاد و خود نیز به همین نام مشهور شد و روزنامه ای به نام صدای تهران تاسیس نمود، کتاب های گوناگونی از جمله اکتشافات عمده ، القراء ، تاریخ محمدی و غیره تالیف کرد که در مدارس آن زمان تدریس می شد. وی

استاد دانشگاه تهران، عضو شورای عالی معارف، عضو پیوسته فرهنگستان زبان و ادب پارسی، عضو موسسه و عظم و خطابه و وزیر فرهنگ در کابینه فروغی بود.

واژگان کلیدی: تدین، فرهنگ، سیما، وزیر

مقدمه

در این پژوهش، فعالیت‌ها و اقدامات فرهنگی سید محمد تدین مورد ارزیابی قرار می‌گیرد، ولی نباید از این نکته مهم را از نظر دور داشت که جدا کردن فعالیت‌های فرهنگی یک فرد از کل زندگی او کار دشواری است، چرا که اگر به زندگی تدین نگاهی بیفکنیم خواهیم دید که در توصیف زندگی شخصیتی چون تدین نمی‌توان به آسانی انگشت بر نقطه ای گذارد و آن را شروع دوران طولانی اقدامات فرهنگی وی دانست بنابراین بررسی زندگی تدین از لحاظ فرهنگی با فراز و نشیب همراه است. در این بررسی سعی شده است به نقش فرهنگی تدین در عصر خود پرداخته شود.

در آغاز به اقدامات فرهنگی تدین در زمینه تاسیس مدرسه، انتشار روزنامه و تألیف کتاب‌های گوناگون اشاره می‌شود و به دنبال آن اقداماتی که در دوران وزارت معارف داشته و اصلاحاتی که در آن انجام داده، از قبیل بازسازی دارالفنون، تاسیس دارالمعلمین و ورزش، تصویب لایحه اجباری ورزش در مدارس، دستور تألیف کتاب‌های گوناگون برای رشته‌هایی که منابع کافی درسی نداشته‌اند و غیره مورد بررسی قرار می‌گیرد.

منابع تحقیق برای بررسی شخصیت فرهنگی تدین بسیار اندک بودند با این حال سعی شده از منابع موجود در کتابخانه ملی ایران، کتابخانه مرکزی دانشگاه تهران و موسسه مطالعات تاریخ معاصر بهره کافی گرفته شود.

آنچه درباره اقدامات و فعالیت‌های فرهنگی تدین، پس از واکاوی و بررسی منابع گوناگون بدست آمده این است که او در عرصه فرهنگی، با توجه به علایق و اعتقادات و شرایط اجتماعی و فرهنگی حاکم بر محیط پیرامونی خود تلاش‌هایی را انجام داده است و از منابع می‌توان به آثار و دستاوردهای آنها پی برد. او از دوران کودکی در یک محیط فرهنگی و مذهبی رشد یافت و در نتیجه به این حوزه‌ها علاقمند شد پدرش سید محمد تقی واعظ، روضه خوان بود که این شغل به پسر نیز رسید. با بررسی شخصیت فرهنگی و اجتماعی او در می‌یابیم که فردی از طبقه میانه جامعه است. بر اساس نوشته کتاب «مولفین کتب چاپی فارسی و عربی از آغاز چاپ تا کنون» «در قریه مهیلگراد از توابع بیرجند قاینات متولد شده و در مشهد مقدس رضوی در رشته فقه و اصول تلمذ نموده و در طهران حکمت و عرفان آموخته و عمده عمر خود را در خدمات دولتی صرف کرده...» (مشاور، 1344: 350-349) در کتاب «وزیران علوم و معارف و فرهنگ ایران» درباره خردسالی و تحصیلات اولیه او بیان شده است: «آن هنگام که در سنین خردسالی یتیم شد دایی او مراقبت از وی را برعهده گرفت سپس در نه سالگی راهی مشهد شد، در مدرسه ی میرزا جعفر مشهد تحصیلات اولیه و علوم قدیمه را فرا گرفت، مدتی بعد به تهران آمد و در یکی از حجرات مدرسه فیلسوف الدوله واقع در امام زاده سید اسماعیل تهران مکتب خانه ای دایر کرد و در آنجا به کودکان درس می‌داد و به آقا مکتبی مشهور شد دیرگاهی بعد نیز آن مکتب خانه را در همان حدود تبدیل به مدرسه ای به نام تدین نمود و مدتی بعد خود نیز به آن نام مشهور شد» (یغمایی، 1375: 292)

تدین تحصیلات فقهی خود را در بیرجند و مشهد آغاز کرد و آنگاه به تهران و نجف اشرف رفت همراه تحصیل حوزوی، علوم نوین را هم آموخت. به هنگام بررسی و تحلیل ساختار تشکیل دهنده ی رفتار فکری و اجتماعی تدین مشاهده می گردد که اگر چه او فرزند یک روحانی و از یک طبقه میانه جامعه بود ولی حتی از اوایل کودکی و آن هنگام که در بیست و سه سالگی راهی تهران شد، دارای جسارت و بی باکی لازم نیز بود و در بسیاری از امور پیشگام و پیشرو بوده است و چون برخوردار از هوش و ذکاوت فطری بالایی بود و علاوه بر آن بهره مندی از عناصر موقعیت شناسی هم بود همیشه در جهت ارتقای منزلت فرهنگی و اجتماعی خود را به سوی جریان های روز می کشاند و به آنها نزدیک می شود. همچنین از نظر مالی با آنکه واسطه دربار یا جزء کارمندان دولتی نبوده، ولی همواره سعی کرد مستقل باشد و بتواند به امور زندگی خود را اداره کند. در ماهنامه ی «آموزش و پرورش» آمده است: «چندی بعد معلم مدرسه کمالیه شد و در آنجا با میرزا عیسی خان صدیق اعلم همکار و دوست شد. در اوقات فراغت، سید هم به عیسی خان زبان عربی یا می داد و از او زبان فرانسوی می آموخت و در مدرسه کمالیه مدیر و معلم جملگی از سید محمد حساب می بردند تا به شاگردان چه رسد رای، رای او و گفته، گفته او بود (ماهنامه آموزش و پرورش، 1888 م و 1352 هـ ش: 291)»

تاسیس مدرسه

در کتاب «ایران نو» نیز آمده است: تدین در سال 1325 هـ ق با تاسیس مکتب خانه رسماً وارد امور فرهنگی شد (عدل بی تا: 89) درباره روش اداره مدرسه اش، می توان گفت که او با نظمی تمام و مدیریتی نوین که در آن دوره در هیچ یک از مدارس ایران، معمول نبوده به اداره مدرسه پرداخت، اگر چه در آن دوران به خاطر تهی بودن خزانه و نابسامانی های گوناگون سیاسی و اقتصادی، دولت اغلب به جای پول به کارکنانش حواله کاه و جو و آجر می داد، اما تدین با مدیریتی که در انجام هزینه هاو امور جاری مدرسه می نمود، چند روز مانده به آخر ماه، حقوق معلمان خود را که بیست و هفت تا سی و پنج قران در نوسان بود، جداگانه در پاکتی می نهاد و به آنها تقدیم کرده و از همکاری آنها تشکر می نمود (عبدالله پور: 293، 1369) تدوین با علاقه و اعتقادی که در امور فرهنگی و اجتماعی داشت، اقدام به تاسیس چنین مدرسه ای کرد و با مدیریتی نوین چنان به اداره ی آن پرداخت که حتی بعد از مدتی توانست اعتماد عموم طبقات مردم را سوی خود جلب کند. همچنین او در سومین سال شروع به کار مدرسه اش خدمت مهم فرهنگی دیگری را انجام داد، به نحوی که در اوایل ذیقعد 1327 هـ ق/ 1900 م برای تحصیل بزرگسالان کلاس مخصوصی دیر کرد. برنامه ی این کلاس، تدریس دوره ابتدایی، تعلیم دفتر داری و تدریس زبان فرانسوی بود. تدین به همراه گروهی دیگری از نوآموزان فرهنگی، همچون ملک الشعرا ی بهار، غلامحسین رهنما، شیخ احمد زنجانی، شیخ محمد علی تهرانی کاتوزیان و در منزل نفیسی ها و در نزد برادر سعید نفیسی به فراگیری علوم مختلف می پرداختند.

سعید نفیسی عنوان می کند که به امر برادرش به تدین و گروهی دیگر همچون مرحوم کاتوزیان و مرحوم فاطمی و ... درس فرانسوی یاد می داد. همچنین اشاره می نماید که تدین همراه با کسانی که در آن دوره اهل فضل و فرنگ بوده ند در کتابخانه شمس العماره در ناصر خسرو جمع شده و به مباحثه های فرهنگی می پرداختند. (نفیسی، 1384: 140-141)

در ارتباط با مدرسه ای که تدین بنیان نهاده بود می نویسد: چون آن مدرسه جز محلات پایین شهر تهران که پر جمعیت هم هستند بود و در ضمن در آن حوالی مدرسه ی دیگری هم نبود، بنابراین مکان علمی، رونق زیاد یافت. اکثر شاگردان آن نیز از طبقه سوم بودند. (همان منبع)

تدین در تمام دوران زندگی خود بر مبنای شرایط فکری و اجتماعی موجود در جامعه خود و تحولات مرتبط با آن حرکت کرد. او به عنوان فردی کوچک که متعلق به طبقه روحانیون بود با دختر یکی از بازاریان جزء (توتون فروش) ازدواج کرد (عاقلی، 1370، 360)

لازم به ذکر است که اگر چه اصناف جزءگروه های طبقات مهم در ساختار سیاسی و اجتماعی قادر بودند و مرتبط شدن با این طبقه، به نحوی از انحاء می توانست ابزار رشد منزلت سیاسی و اجتماعی فرد باشد ولی باید عنوان کرد که ارتباط با یک بازاری متوسط الحال طبعاً تأثیر چندانی در رشد اجتماعی و فرهنگی او نمی توانست داشته باشد.

دیر زمانی تدین به اداره مدرسه خود مشغول بود تا اینکه در سال 127 هـ ش 1818م مشکلاتی در امر تخصیص بودجه از سوی وزارت معارف برای مدارس ملی به وجود آمد به نحوی که آنها از نظر مالی کمک های مالی گرفتار مضایق و دردرس های شدیدی شدند و وزارت معارف نیز در رفع آنها نکوشید تدین به نمایندگی از سایر مدیران مدارس ملی نامه ای به وزارت معارف فرستاد و در آن از نحوه ی رسیدگی وزارت معارف به مدارس ملی بسیار گله کرد و خاستار چاره ای از سوی آنان شد. در ماهنامه ی «آموزش و پرورش» در این باره آمده است:

«مقام منیع وزارت جلیله معارف واقف دامت شوکته

لزوم ترویج معارف و توسعه آن از بدیعیات اولیه به شمار [می رود] و مطابق قانون ادار [ه] ی معارف، مصوبه مجلس شورای ملی از وظایف حتمیه وزارت معارف است که پیوسته وسایل ترقی و تعالی معارف و مدارس و موجبات تحصیلات ابتدایی مجانی را تهیه نموده و پیشرفت آن را یگانه مقصود خود قرار دهد. متأسفانه از بدو مشروطیت و تاسیس وزارت معارف قانونی، یک قدم جدی برای نشر و بسط معارف برداشته نشد و خرابیهای آن ترمیم نگشته و هیچ وسیله ای برای اصلاح آن اتخاذ نشده [است] این است که معارف یوماً فیوماً رو به ضعف و مدارس رو به انحلال گذاشته چنانچه در سنه 1329 هـ ق/ 1892 م مطابق راپرت رسمی وزارت معارف عده مدارس ذکور این شهر بالغ بر 78 بوده که از این عده فقط 64 باب فقط ملی و به توسط موسسین خصوصی دایر بوده [است] و امسال بر حسب تحقیقات از مجموع مدارس ملی بیشتر از 25 باب باقی مانده در صورتی که 5 باب آن در شرف زوال و اضمحلال است پس در واقع بیست باب فقط از مدارس ملی باقی مانده علت چیست؟ علت همانا عدم توجه اولیای معارف و عدم اعتنای آنهاست که در صدد تهیه وسایل استحکام و ثبات معارف برنیامده اند. لذا مدارس ملی که کاملاً وخامت اوضاع را احساس نموده برای احتراز از انحلال مدارس حالیه و تحکیم اساس معارف در آینده بعد از تبادل آرا و مشاوره و مذاقه موارد زیل را یگانه علت برای ایجاد یک اساس متین به جهات معارف دانسته و اجرای آن را از وزارت جلیله معارف خواستارند:

- 1- تاسیس چهل باب مدارس ابتدایی مجانی در مرکز که هر یک اقلأ دارای دویست شاگرد بوده و برای هر مدرسه ماهی سیصد تومان مخارج منظور شود. 2-مدرسه دارالفنون حقوق از شاگردان خود دریافت نموده و به تدریج سه کلاس اول آن منحل و در مقابل سه کلاس عالی در آن تاسیس شود. 3- پذیرفتن چند نفر از مدیران مدارس به عضویت شورای معارف. 4-تهیه پرگرام مخصوصاً برای نسون و تجدید نظر در پرگرام ابتدایی ذکور و متوسطه (ماهنامه آموزش و پرورش. « 1352: 293-294)

بعد از صحبت های تدین که به خوبی اوضاع معارف آن دوره بویژه وضعیت حاکم بر مدارس ملی را تشریح و از وزارت معارف انتقادهای لازمه را کرد، وزیر وقت معارف میرزا احمد خان نصیرالدوله در تاریخ یکشنبه دهم ذیقعده 1336 هـ ق / 1899 م برابر با بیست و ششم اسد 1297 هـ ش / 1818 م جلسه ای با حضور چهار نفر از مدیران مدارس ملی تشکیل داد و پذیرفت که موارد سوم و چهارم برنامه پیشنهادی تدین را اجرا کند و پس از آنکه موجبات اجرای موارد یک و دو نیز فراهم گردد آنها را هم اجرایی نماید

آثار فرهنگی تدین

از دیگر اقدامات فرهنگی تدین که جنبه سازنده و اصلاح گرایانه داشت و در جهت نشر و اعتلای فرهنگ معارف ایران و همچنین تثبیت و تحکیم آن به نوبه خود گامی ارزنده محسوب می شد تالیف کتاب های گوناگونی بود که هر کدام از آنها در زمینه موضوع های مختلف بود که در اوضاع فرهنگی آن دوره و همچنین اصلاح و تقویت آموزش و پرورش ایران آن زمان نقش مهم و سازنده ای داشت. نخستین تالیف فاضلانه و ارزنده او «اکتشافات عمده» است که در سال 1329 هـ ق / 1892 م تالیف شده است این اثر رساله ای نوزده صفحه ای است که شامل مباحث مقدماتی و تعاریف و اصطلاحات و واژه های مربوط به علوم جغرافیایی و شاخه های مرتبط با آن ، همچنین تاریخچه علم جغرافیا و اکتشافاتی که از قرون اولیه در ارتباط با جغرافیا صورت گرفته و مسیر تحولات مربوط به این علم. این تالیف ارزنده و رساله آموزشی مدت ها جزء یکی از متون آموزشی بود که در مدارس مختلف از آن استفاده می شد و وزارت معارف اجازه چاپ و تدریس آن را در نهاد های آموزشی و فرهنگی داده بود (تالیفات مدینه) از دیگر تالیفات ارزشمند او مرتبط با علوم جامعه شناس و مدنی که در آن سعی شده به تعاریف اصطلاحات و مفاهیم محوری مختلف در ارتباط با علوم جامعه شناسی و مدنی پرداخته شود .

این کتاب در چهل و هشت صفحه ، دارای قطع جیبی و برای تدریس در مدارس تالیف شده بود. یکی دیگر از تالیفات مهم تدین، که برخوردار از محتوا، و غنای علمی لازم و در عین حال نشان دهنده علائق تدین به امور مذهبی و گسترش و حاکمیت فرهنگ مذهبی در جامعه بود، کتابی 3 جلدی به نام «جامع محمدی» است که در رابطه با آموزش و احکام و مسائل شرعی و دینی برای دانش آموزان دوره ابتدایی نوشته شده است. در کتاب (وزیران علوم و معارف فرهنگ ایران) درباره کتاب های ارزنده و علمی تدین چنین آمده است: «... عربی پنج مجلد برای دبیرستان ها ، علم الاشیا شش دوره برای سال ابتدایی، حساب دو جلد برای چهار سال ابتدایی ، جغرافیا چهار جلد برای چهار سال ابتدایی ، نخبه الادب دو مجلد برای سال پنجم و ششم دبیرستان ها» (عبدالله پور ، 1369:296)

از بین تالیفات ارزنده و گوناگون تدین، که هر یک از آنها در واقع به منزله گامی مهم در جهت نشر و تقویت فرهنگ و معارف ایرانی و امور مذهبی بوده و توانسته نقش مهم در تثبیت تحکیم آنها داشته باشد، می توان از تالیف ارزنده و تحقیق او، به جایگاهی بس مهم در بین سایر تالیفات او دارد، به نام « اصول خطابه و تاریخ مختصر منطق» یاد کرد. در واقع این اثر پژوهشی مهم رساله دکتری او برای پذیرش در دانشگاه تهران و مجوز تدریس او به عنوان استاد در دانشگاه است. این تالیف از نظر محتوایی مشتمل بر مطالب گوناگونی درباره علوم منطق و جدل بوده است و سابقه هر کدام از آنها را بررسی می نماید و به شرح و توضیح درباره اصطلاحات و مفاهیم آنها می پردازد و بسیاری از استادان برجسته علوم مختلف از جمله استاد «بدیع الزمان فروزان فر»، آن را نشان دهنده آگاهی و

اشراف او بر فن منطق و خطابه دانسته اند. همچنین در زمینه ادبیات عرب نیز تدین دو کتاب ارزنده دارد یکی به نام «القرء» که سه جلدیست و سعی در آموزش مفاهیم و اصطلاحات زبان عربی برای دانش آموزان دبیرستان ها دارد و دیگری کتابچه «ریاض الادب» که برای دانش آموزان دبیرستان ها نوشته شده است و از تالیفات ارزنده او و برخوردار از غنای علمی است. لازم به ذکر است که او دارای تالیفات گوناگون دیگری نیز می باشد، چنان که خود او در جایی مجموع تعداد تالیفات خود را بیست و چهار جلد ذکر کرده است، که آنچه قابل دسترسی بود معرفی شد.

از دیگر اقدامات مهم فرهنگی تدین، که در طول حیات فرهنگی و اجتماعی خود انجام داد، انتشار روزنامه صدای تهران در بیستم مرداد 1298 ه. ش / پانزدهم ذیقعدة 1337 ه. ق / 12 اوت 1919 م است، که در پایتخت نشر می یافت (همان منبع: 295) درباره روزنامه صدای تهران باید ذکر شود که این روزنامه مشتمل بر مباحث سیاسی بود و سه شماره در هفته چاپ می شد و پس از سقوط دولت وثوق الدوله، توقیف گردید (برزین، 1371: 272).

تدین به عنوان یکی از اعضای وزارت معارف مسئول رسیدگی به تخلفات مطبوعات کشور بود در سال 1335 ه. ق / 1898 م سر دبیر نشریه ای را محاکمه کرد و فرد مذکور مدتی بعد، علیه گروه تشکیلی تبلیغ کرد (ر ک: صادق، 1367: 177-130). (لازم به ذکر است که حزب دموکرات به دو گروه تشکیلی و ضد تشکیلی تقسیم می شد که تدین جزء گروه اول بود).

تدین در طول حیات فرهنگی خود به عضویت بسیاری از سازمانها و نهادهای فرهنگی و اجتماعی درآمد، که هر یک از آنها در جهت اصلاح و بهبود اوضاع فرهنگ و معارف مطابق با سیاستهای فرهنگی آن دوران گامهای مهم برداشته بودند. تدین از سال 1301 ه. ش / 1922 م به عضویت شورای عالی معارف (شورای عالی فرهنگ) درآمد که اعضای آن همگی جز معارف، بزرگان و فرهنگ دوستان سرشناس و برجسته ی ایران بودند با آغاز سال 1301 ه. ش / 1922 م اولین شورای عالی معارف در کشور تشکیل شد و کسانی چون دکتر امیر اعظم، غلامحسین رهنما، شیخ محمد امین خوئی، سید مهدی لاهیجی، علی اکبر دهخدا و مجیر الدوله شیبانی و دکتر مسیح الدوله به همراه تدین و فروغی از اعضای آن بودند و ریاست آرا محمد علی فروغی بر عهده داشت (صدیق، 1340: 271-270). علاوه بر آن، کمیسیون معارف نیز در این دوران شکل شد، تدین از اعضای آن نیز بود، وظیفه ی کمیسیون معارف نظارت و اقدام در چاپ و نشر کتاب های درسی بود. علاوه بر آن تالیف و ترجمه کتاب های مفیدی برای عموم را نیز بر عهده داشت تدین در کمیسیون معارف همانند شورای عالی معارف سالها حضور داشتگرچه حضور او در شورای عالی معارف طولانی تر بود که علاوه بر چند سالی که از دوران رضا شاه در شورا عضویت داشت دوباره بعد از شهریور 1320 ه. ش / 1941 م و پس از یک جدایی برای چند سال دیگر عضویت او تجدید شد. (صنایی، 1356: 45)

لازم به ذکر است که تدین همواره به امور فرهنگی اهتمام و توجه خاصی داشت و حتی آن هنگام که به درجات بالای سیاسی مانند نمایندگی مجلس شورای ملی رسید هیچگاه توجه خود را از امور فرهنگی دور نکرد و همواره اندیشه فرهنگی خود را حفظ کرد و سعی در جهت گسترش و افزودن منزلت و مرتبت فرهنگ و معارف با توجه به سیاست های فرهنگی کشور داشته است. هنگامی که در مجلس چهارم شورای ملی به عنوان نماینده حضور داشت به حاج محتشم السلطنه وزیر معارف دولت مستوفی الممالک که به طور خصوصی امتیاز استخراج کلیه اشیاء عتیقه ایران را گرفته بود طی نطق

مفصلی در مجلس شورای ملیا اعتراض کرد. محتشم السلطنه گفته اش را به وسیله جراید تکذیب کرد. در ماهنامه آموزش و پرورش آمده تدین در پانزدهم جوزای 1302 جواب او را در روزنامه چنین نوشت :
« آقای حاج محتشم السلطنه وزیر معارف

شرحی در جراید مراکز از طرف شما دایر بر تکذیب اخذ امتیاز استخراج کلیه اشیای عتیقه ایران درج شده و در آخر شرح مذکور اقرار کرده اید که امتیاز نبوده و قراردادی شده است. اولاً اگر شما یک وزیر قانونی هستید، می بایست در مجلس حاضر شوید و رسماً امتیاز مذکور را تکذیب نمایید نه اینکه متوسل به جراید شوید ثانیاً قراری که داده اید کدام است؟ خوب بود عین مواد قراردادی را اعلام می کردید، تا عامه از کیفیت قضیه مسبوق می شدند. علی ای حال لازم است عین مواد را اشاعه دهید والا مواد دهگانه امتیاز مذکور را اشاعه خواهد داد، تا تکذیب شما تکذیب شود و به علاوه حق قرارداد هم با شما نیست و با مجلس شورای ملی است» (ماهنامه آموزش و پرورش، 1352: 295)

خصوصیات شخصیتی تدین

آنچه که از خصوصیات شخصیتی و رفتاری او می توان عنوان نمود این است که دارای استقلال رای و در عین حال مقید به محدوده ی استقلال فردی و گروهی بود. تدین به همراه افراد معدود دیگری، که همگی جز کسانی بودند که از نظر مسایل سیاسی و حزبی همچون وی فکر می کردند، مدتها قبل از ورود رضا خان پهلوی به عرصه مسایل سیاسی، در برابر شاه قاجار می ایستادند (شیخ الاسلامی، 1372: 339) این امر نشان دهنده استقلال رای و ثبات شخصیتی اوست.

از دیگر شاخصه های رفتاری حاکم بر او، عدم تسلیم محض در برابر افکار و آرای دیگران است. به عنوان نمونه می توان گفت، گرچه تدین برای کسب موقعیت و منزلت سیاسی و ارتقای آن همواره خود را به سردار سپه نزدیک می نمود اما هنگامی که طرح ماده واحده ی خلع قاجاریه را به نزد او آوردند بیان کرد که پیشنهاداتی برای اصلاح این طرح دارد و اگر لحاظ نشود جلسه مجلس را اداره نمی کند. سر انجام با موافقت سردار سپه اصطلاحات پیشنهادی او در ماه واحده خلع قاجاریه لحاظ شد و یا هنگامی که در دولت سهیلی وزیر کشور بود، فاطمی شهردار تهران را طی حکمی برکنار نمود و سهیلی در حکمی جداگانه فاطمی را به مأموریت موقت فرستاد این در حالی بود که سهیلی و تدین در بسیاری از مسایل از جمله انتخابات مجلس چهارم، سیاست های مشترکی داشتند. همچنین تدین دارای خصوصیات دیگر رفتاری مانند صراحت لحن و تند خویی نیز بود.

از دیگر شاخصه های رفتاری و شخصیتی تدین دفاع از اسلام و اسلام خواهی بود این امر علاوه بر آنکه ناشی از علائق او به امور مذهبی و نشر آن بود، ناشی از جلب اعتماد مردم به او، با توجه به فرهنگ مذهبی جامعه بود. تدین از همان سالهای نخست تدریس در مدارس، همواره برای مسایل دینی و شرعی برنامه های خاصی داشت و برای قرائت هر روز قرآن و کلاس های فرهنگی منظم و مرتبط به امور شرعی، برنامه ریزی های منظم و هدایت شده ای را طراحی می کرد حتی بسیاری از کتاب هایی که تالیف کرده مانند «جامع محمدی» در زمینه مسائل شرعی بود. اولین بار که تدین در سخنان خود از اسلام تلویحاً حمایت می کرد مربوط به دولت مستوفی الممالک در سال 1302 ه.ش/ 1923 م بود که گرچه ابتدا از موافقان دولت او بود ولی بعد ها تغییر موضع داد و در سخنانی اعلام کرد:

«... اقداماتی می شود که مخالف اصول اسلام است من بند از بندم جدا کنند حاضر نمی شود اجازه دهم به یک اصل اسلام سخته وارد شود» (1369:395) به یک سخن می توان گفت که تدین از همان اوایل مشروطیت تمایل خود را به کارهای فرهنگی نشان داد و تاسیس مدرسه، تالیف کتاب های گوناگون،

انتشار روزنامه نمونه ای از این موارد است. او حتی از آن هنگام که به درجات بالای سیاسی رسید همواره اهتمام خاصی به امور فرهنگی داشت و این علاقه و توجه را در دورانهای بعد حفظ و حتی بیشتر نمود.

اقدامات فرهنگی تدین در هنگام تصدی وزارت خانه های معارف و فرهنگ

بعد از آنکه با تصویب مجلس پنجم شورای ملی و مجلس موسسان سلطنت به رضا خان پهلوی رسید مدتی بعد انتخابات مجلس ششم آغاز شد. تدین برای این دوره نیز انتخاب شد و مدتی بعد به ریاست مجلس ششم رسید اما از آنجا که رضا شاه علاقه به اصلاح و نوسازی ایران در امور مختلف از جمله مسائل مربوط به معارف و فرهنگ ، داشت و با توجه به سابقه و نحله فرهنگی تدین و تواناییهای او در این زمینه به توصیه او ، تدین در دولت مستوفی الممالک وزیر معارف شد. البته یکی دیگر از دلایلی که در ورود تدین به کابینه مستوفی الممالک تاثیر داشت این بود که رضا شاه کسانی را که در به سلطنت رسیدن او یاری کرده بودند برای مدتی مقام و منزلت ، سپس به نحوی از صحنه سیاست دور یا حذف می کرد. این امر در مورد کسانی چون تیمور تاش و داور افتاد ، کما این که مدتی بعد تدین نیز به همین سرنوشت دچار شد. به هر حال ، بعد از این که تدین مدتی ریاست مجلس را داشت ، استعفا داد و اندک زمانی بعد ، در روز سه شنبه هیجدهم بهمن 1305 ، که مستوفی الممالک سومین کابینه ی خود را به شاه معرفی کرد ، معارف شد.

لازم به ذکر است که سیاست کلی آموزش و پرورش در این دوران ، آن چنان که رضا شاه می خواست، گسترش امکانات آموزشی و تقویت آن ، ایجاد حس ناسیونالیستی و تجدد طلبی در دانش آموزان و اولویت دادن به مسائل تجدد طلبانه بود. تدین نیز آن هنگام که به سمت وزیر معارف منصوب شد، بنابر سابقه فرهنگی که از همان ابتدا در نهاد باطنی او وجود داشت، به پیروی از سیاست های کلان و خورد فرهنگی این دوران . گام های بنیادی در جهت اصلاح و تقویت معارف برداشت و به طور کلی سعی کرد یکی از معماران و بنیانگذاران عصر نوین آموزش و پرورش در ایران باشد. تدین که از مدتها قبل به امور فرهنگی آشنایی داشت ، راههای کمی و کیفی اصلاح و تقویت معارف را به خوبی می دانست . هنگامی که به وزارت معارف منصوب شد، در اولین گام برنامه ها و اهداف خود را برای سایر کارکنان وزارتخانه شرح داد و گفت: هرکس که به او در جهت پیشرفت اهداف و برنامه هاییش یاری کند همراه او می باشد و هر کس را که نالایق باشد از کار برکنار می نماید. او گفت آنچه که در صدر برنامه هایش قرار دارد و اولی خواهد بود اجرای قانون تعلیمات اجباری ، تاسیس شورای معارف قانونی در ولایات و ازدیاد مدارس است. در کتاب « وزیران علوم و فرهنگ و معارف ایران « آمده است: « ... او هنگامی که همراه دیگران به حضور شاه معرفی شد عمامه به سر و لباس روحانیت در برداشت، اما روز بعد که به وزارتخانه رفت کلاهی که به نشان سیادت نوار سبزی بر آن بسته بود بر سر نهاد و کراوات بسته بود.... » (عبدالله پور ، 1369: 298)

درباره نقش تدین در وزارت معارف در کتاب «وزرای معارف ایران» آمده است: « تدین در جهت توسعه و تکمیل مدارس و اجرای قانون معارف کوشش ها کرد. لایحه تعلیمات عمومی و لایحه راجع به ورزش اجباری در مدارس و اعزام محصل به خارج از کشور در کابینه مستوفی الممالک توسط سید محمد تدین تقدیم مجلس شدو به تصویب رسید» (همان منبع: 110)

از جمله اقداماتی که تدین در طول دوران وزارت معارف، در جهت اصلاح و گسترش معارف « رکن رکین » اقدامات خود قرار داده بود باز سازی و تجدید مدارس بود. بنابراین از همان آغازین روزهای وزارت شروع به بازدید از مدارس نمود تا نقایص آنها را بشناسد و رفع نماید. هنگامی که به بازدید از دارالفنون رفت شاگردان آنجا که در وضعیت نامناسبی درس می خواندند تصمیم گرفت

اعتراض های خود را به وزیر معارف اعلام کنند تا بلکه تجدید نظری در رابطه با وضعیت دارالفنون صورت گیرد . « در آن وقت از میان شاگردان دارالفنون نصرت ا... (دکتر نصرت ا... کاسمی) در سخن گفتن دلیرتر از همه کس بود. وقتی که تدین به مدرسه آمد او با بیانی موثر استدعای شاگردان را درباره تجدید بنای مدرسه در میان نهاد، وزیر قول مساعد داد و به مهندس وزارتخانه و مسئول مربوطه دستور داد که مخارج تجدید بنای مدرسه را برآورد کنند تا تامین و کار آغاز شود.» (ماهنامه آموزش و پرورش ، 1352: 299-298)

تدین در سخنوری همواره توانایی خاصی داشت و سخنان خود را با فصاحت ، بلاغت و منطقی شیوا بیان می نمود، بنابراین همواره از لواجیح دولت دفاع میکرد و در واقع سخنگوی دولت در مجلس بود. به عنوان نمونه هنگامی که دولت لایحه ی احداث راه آهن را به مجلس برد با سخنان بلیغ از آن دفاع نمود و مجلس را مجاب به تصویب آن کرد. از دیگر اقدامات سازنده و تجددگرایانه ی تدین تدوین لایحه ورزشی اجباری در مدارس بود. او علی رغم اینکه اکثریت مردم با ورزش میانه خوبی نداشته اند، این لایحه را تنظیم و تدوین کرد و به مجلس برد. متن لایحه نشان دهنده ی تفکر تجدد طلبانه و سازنده در امور فرهنگی و اجتماعی و در واقع حاکی از نحلۀ فکری اصلاح گرایانه و غیر متحجرانه او است. در ماهنامه «آموزش و پرورش» در این باره آمده است:

«مقام محترم مجلس شورای ملی ،

بر آقایان نمایندگان محترم پوشیده نیست که از قدیم الایام رخوت و رکود در مزاج افراد مملکت قوت یافته و چنان چه ادامه حاصل کند، موجب بدبختی و اضمحلال خواهد شد. برای رفع این مرض عمومی بهترین وسیله ترویج ورزش و تربیت بدنی است در کلیه مدارس جدیده نظر به مراتب مذکور وزارت معارف لازم می بیند که ورزش را در کلیه مدارس جدید اجباری کند و برای حصول این مقصود موارد زیل را برای تصویب تقدیم می نماید:

ماده اول : وزارت معارف مجاز است که ورزش را در کلیه مدارس جدید اجباری نماید. ماده دوم : به غیر از ایام تعطیل، همه روزه در مدارس مذبوره باید ورزش به عمل آید. ماده سوم : عده ساعات و اوقات ورزش را وزارت معارف معین خواهد کرد. ماده چهارم : این قانون پس از تصویب تا مدت یک سال، در مراکز ایالات و ولایات، و تا مدت سه سال در نقاط دیگر به موقع اجرا گذاشته خواهد شد. «(همان منبع)

هنگامی که این لایحه در مجلس به بحث گذارده شد، برخی از نمایندگان ، مانند حاج سید رضا فیروزآبادی ، با آن مخالفت کردند این امر را مخصوص اروپاییان دانستند، اما تدین با سخنانی بلیغ و منطقی از لایحه مذکور دفاع نمود، طوری که نمایندگان مجلس تحت تاثیر سخنان او قرار گرفتند و لایحه تصویب شد. درباره تاسیس دارالمعلمین، که از جمله نهاد های فرهنگی سازنده در آن مقطع زمانی و در واقع بروز دهنده تمایلات فکری باطنی و نهادینه شده فرهنگی تدین بود ، می توان گفت که: طرح تاسیس دارالمعلمین از جمله برنامه ها و طرح های اصلاحی مورد توجه تدین در طول دوران وزارت او بود ، در این باره لایحه ای تنظیم نمود و تقدیم مجلس شورای ملی کرد، مشتمل بر آن که صدی نیم از مالیات ارضی در مراکز مهم ایالات و ولایات اختصاص به تاسیس دارالفنون یابد و در نقاطی که حداقل دوره ی اول متوسطه را دارند ، کلاس فنی دارالمعلمین گشوده شود، که این طرح در مجلس شورای ملی تصویب شد (عبدالله پور ، 1369:300)

همچنین تدین برای برخی دروس نظری، مانند تعلیم و تربیت و روانشناسی ، که کتابی فراهم نشده بود. دستور داد متن کنفرانسهایی که در این زمینه بیان شده بود را چاپ کنند و در اختیار شاگردان

بهنند. باید گفته شود که در تنظیم اساسنامه ی دارالمعلمین ایالات و مدارس اکابر ، عیسی صدیق، که از اهالی فضل و دانش بود، او را بسیار کمک کرد.

سر انجام در اواسط خرداد 1306 هـ. ش / 1927 م دولت مستوفی از کار کناره گرفت مهدیقلی مخبر السلطنه هدایت رئیس الوزراء شد. او اعضای دولت را در شانزدهم خرداد معرفی کرد، تدین در این کابینه، وزیر معارف بود. او در این دوران نیز ، جریان گسترش و اصلاح امور مربوط به فرهنگ و معارف را ، که از اوایل مشروطیت آغاز شده بود و در این عصر شدت وحدت بیشتری یافته بود، ادامه داد و گامهای موثری در جهت گسترش و اصلاح امکانات آموزشی ، همراه تحکیم و تثبیت آنها، برداشت، طوری که در جریان فرهنگی آن دوره نهادینه شود، و این امر پیامد هاو دستاوردهای نوین و سازنده ای در جهت ساخت و اصلاح بنیان آموزش و پرورش در ایران داشت. (صدیق، 1340 ، ج:1: 326-327؛ ج:2، 165؛ ج:3: 66)

از اقدامات مهم فرهنگی تدین در این دوران می توان به مواردی همچون لغو امتیاز حفریات باستان شناسی، که در اختیار خارجیان بود، تصویب قانونی که بر اساس آن همواره بایستی اعتبارات خاص در بودجه عمومی سالانه برای تعلیمات وزارت معارف لحاظ شود، وضع قانونی تاسیس شورای عالی فرهنگ در ایالات ، که سالها رها شده بود و سر انجام عملی گردید، وضع قوانین استخدام معلم اروپایی برای مدرسه ی حقوق و صنعتی، ادغام مدارس حقوق و علوم سیاسی ، الزام مدارس خارجی به تدریس زبان فارسی و تاریخ و جغرافیا برای محصلین ایرانی را می توان اشاره کرد. همچنین تدین اقدام به تهیه مقدمات بنای دارالمعلمین ورزش کرد که در زمینی بیرون دروازه دولت به وسعت 24 هزار متر بود. در ماهنامه « آموزش و پرورش» درباره ی انضمام دو مدرسه ی علوم سیاسی و مدرسه عالی حقوق ذکر شده است: « ... مدرسه علوم سیاسی روز شنبه هشتم مهر 1306 هـ ش / 1927 م برابر با چهارم ربیع الثانی 1346 هـ ق با حضور وزیر معارف و کلیه روسای ادارات و معلمان ایرانی و خارجی مدرسه و محصلان گشایش یافت . وزیر ضمن نطق افتتاحیه اظهار داشت:

«به نامی ... مدرسه سیاسی و حقوق را افتتاح می کنم. این مدرسه زیر نظر و توجه کامل دولت و وزارت معارف قرار دارد، و امیدوارم در آتیه قضات لایق و صحیح العمل و مستخدمین کشوری لایقی تربیت نماید بنقایص پرگرام آن با مطالعات زیاد حتب الامکان رفع شد، از حیث معلم هم نگرانی نیست، زیرا یک عده معلمین عالی و دو نفر معلم اروپایی دیگر استخدام خواهد شد. از آقایان محصلین تقاضا می کنم بیش از پیش در کار تحصیل کوشش کنند» (ماهنامه آموزش و پرورش، 1352: 300-199)

بعد از ظهر چهارشنبه هشتم آذر 1306 هـ. ش مطابق پنجم جمادی الثانی 1346 هـ ق در طی مراسمی تصدیق نامه های فارق التحصیلان مقاطع مختلف تحصیلی و آموزشی در بین آنان توزیع شد. در این مراسم بین پانصد تا ششصد نفر شرکت داشتند و تدین ، قبل از توزیع گواهینامه ها، به بیان اوضاع کلی مربوط به فرهنگ و معارف ایران پرداخت و آمار ی در ارتباط با مدارس و شاگردان ارائه کرد (عبدالله پور ، 1369: 302) بر اساس آمار فوق تعداد شاگردان و فارق التحصیلان بسیار زیاد بوده و همچنین مکانهای فرهنگی و آموزشی بسیار گسترش یافته بود. علاوه بر آن ، بر اساس برنامه هایی که در جهت گسترش همگانی نمودن تعلیم و تربیت آغاز شده بود، افراد بیشتری از طبقات مختلف جامعه ، به ویژه بانوان در مدارس حضور یافته و به تعلیم و تربیت مشغول بوده و بر کیفیت متون آموزشی نیز نظارتهای گسترده ای می شد.

لازم به ذکر است که در میانه ی خرداد 1306 هـ ش / 1927 م با پیشنهاد تدین (وزیر معارف) و تصویب هیات وزرا، مخدرسه تجارت و رنگری، که قبلاً جزء وزارت فواید عامه بود ، به وزارت

معارف منتقل شد. مدرسه تجارت با سازمان تشکلات جدید اداری در چهارشنبه سوم آبان 1306 ه. ش. 1927/ م / 29 ربیع الآخر 1346 ه. ق سه ساعت قبلاز ظهر گشایش یافت. تدین در نطق مفصلی ارزش گواهینامه ی این مدرسه را برابر با دوره ی دوم متوسطه ی علمی و ادبی دانست، و ممتاز الاطباء را به ریاست تعیین و همچنین گروه معلمین آن را هم معرفی کرد. (همان منبع: 303)

از سایر اقدامات فرهنگی و آموزشی تدین تقلیل دوره اول متوسطه از چهار سال به سه سال است. او همچنین برنامه درسی آنان را تعیین کرد که به تصویب شورای عالی معارف رسید. علاوه بر آن، تدین مدیران مدارس خارجی را وادار کرد که از ارائه برنامه هایی که با فرهنگ و عرف ایران مغایرت دارد، خودداری کنند و تاریخ و جغرافیای ایران را مطابق برنامه ی درسی وزارت معارف به شاگردان یا [دهند] و به محصلین مسلمان، درس شریعات را بیاموزانند و به تمام مدیران معارف در شهرستان ها دستور داده شد که بر این امور نظارت کامل نمایند.

تاسیس کلاس معاونت مهندسی و مدرسه مهندسی از دیگر اقدامات تدین است. البته چون به امور مهندسی آشنا نبود گروهی را مامور تنظیم برنامه آموزشی این دو واحد فنی کرد. درباره افتتاح مدرسه صنعتی نیز باید گفت: که این موسسه در شیراز منعقد شد و ریاست مدرسه بر عهده ی آقا سید ابراهیم ضیاء بود. لازم به ذکر است که تدین از امور مربوط به پیشاهنگی بیزار بود، در اوایل آذر 1304 ه. ش. 1925/ م تحت نظر امین زاده کلاسی برای تربیت مربیان پیشاهنگی در دارالفنون تاسیس شده بود، که در برخی از شهرهای بزرگ هم فعالیت هایی می کرد. تدین دستور داد که اینگونه فعالیت ها متوقف شود و در متحدالمالی به همه ی مدارس تهران و شهرستان ها اعلام کرد که سازمان پیشاهنگی خصوصی است و رسمی نیست، پس اجرای پیشاهنگی در مدارس ممنوع است. همچنین با تصویب شورای عالی معارف و تمایل وزیر مربوطه (تدین) در اواسط شهریور 1306 ه. ش. / 1927 م تصویب شد که کلیه شاگردان مدارس گوناگون ابتدایی تا متوسطه و عالی به غیر از افراد بی بضاعت، شهریه بدهند و نرخ شهریه ها در مقاطع مخلف تحصیلی مشخص شده بود. این امر با اعتراض دانش آموزان مقاطع مختلف تحصیلی، به ویژه دانش آموزان مدرسه ی دارالفنون مواجه شد. در این باره مجله « وحید » در مقاله ای به نام « اعتصاب در دارالفنون، یادی از گذشته » آورده: در هنگامی که تدین وزیر فرهنگ بود تصمیم گرفت ماهی یک تومان در بعضی از مدارس شهریه مقرر کند به عقیده او دلیلی نداشت فرزندان برخی از رجال بزرگ و ثروتمندان که در دارالفنون مشغول تحصیل هستند مجانی درس بخوانند، البته با اضافه کردن تبصره ای به تصمیم فوق قرار شد شاگردان بی بضاعت با گواهی « کمیساریای محل » از پرداخت شهریه معاف شوند، سپس اشاره به اعتراضاتی که در این باره توسط آنان (فرزندان ثروتمندان) در مدرسه شد می کند و سر انجام بیان می کند که قضیه با با وساطت موتمن الملک رفع شد. (مجله وحید، 1350: 249-241)

بر اساس امتیازی که در دوران ناصر الدین شاه به فرانسوی ها داده شده بود، اکتشافات آثار عتیقه منحصر به فرانسوی ها شده بود و آنها تا مدتها آثار عتیقه ایران را به اروپا می بردند. تدین در این رابطه با شاه صحبت نمود و رضا شاه او را مامور لغو قرارداد کرد. تدین (وزیر معارف) با سفیر فرانسه در ایران به گفتگو نشست و سر انجام در 26 مهر 1306 ه. ش. / 1927 م درباره لغو آن معاهده توافق حاصل و قرار بر آن شد که برای مدتی معین مدیریت کل عتیقه ها از سوی دولت ایران به یک متخصص فرانسوی، که زیر نظر وزارت معارف خدمت کند، واگذار شد. (ماهانامه آموزش و پرورش. 1352: 303-302)

همچنین بر اثر برخورد تندی که بین تدین و کمال الملک پیش آمد، مدرسه نقاشی کمال الملک بسته شد. سر انجام تدین که همواره به امور فرهنگی علاقه داشت ناگهان در جمعه دهم آذر 1306 هـ ش/1927م استعفای خود را به رئیس الوزراء دادواستعفایش پذیرفته شد و علت امر این بود که چون مجلس بودجه ی تفصیلی وزارت معارف را با اکثریت ضعیفی تصویب کرده، او استعفا داده بود، سرانجام به امر رضا شاه بعد از مدتی دوباره در وزارت معارف مشغول به کار شد، ولی چون نمایندگان مجلس همچنان به غرض ورزیهای شخصی با او ادامه می دادند، او برای همیشه از وزارت معارف کناره گرفت.

بعد از اینکه رضا شاه به این بهانه که تدین در لایحه جمهوریت مقداری از پولهایی را که از او گرفته بود صرف خود نموده است، او را از صحنه سیاسی کنار نهاد، تدین در این دوران بیشتر به مسائل فرهنگی پرداخت. در سال 1310 هـ ش/1391 م «صدیق» رئیس دارالمعلمین تهران در صدد توسعه ی این مکان فرهنگی برآمد. بنابراین از عده ای از استادان برجسته همچون تدین دعوت به تدریس کرد، این گروه در سالیان بعد جز استادان دانشگاه تهران شدند.

در کتاب «بنیای ملی در شهریارى رضا شاه کبیر» آمده است: دانشسرای معلمین پس از افتتاح و شروع به کار دانشگاه تهران جز یکی از بخش های دانشکده ی ادبیات شد و هر یک از استادان بنا به تخصصی که داشتند در رشته مورد نظر به تدریس پرداختند. تدین که با زبان و ادبیات عرب آشنا بود جز اساتید عربی دانشگاه شد و به تدریس عربی پرداخت و در سال 1316 با تالیف رساله ی «اصول خطابه و تاریخ مختصر منطوق» به عنوان دکتر ادبیات معرفی شد. (صنایی، 2535: 61-60)

در سال 1316 هـ ش / 1937 م یک موسسه ی تعلیمی و تبلیغی در دانشکده ی علوم معقول و منقول به نام موسسه وعظ و خطابه بنا نهاده شد که سخنوران معروف در آنجا به آموزش اصول مربوط به این فن به نوآموزان این عرصه می پرداختند. تدین نیز با توجه به توانایی هایی که در عرصه سخنوری داشت عضو این موسسه بود. (جکمت، 2535: 386-385)

همانطور که قبلاً ذکر شد از جلوه های بارز رفتار اجتماعی تدین اسلام خواهی او بود. در این باره باید گفت که چون بعد مدتی انجام مراسم پیشاهنگی برای دختران نیز اجباری شد و آنها همچون پسران باید در آیین های عمومی شرکت می کردند، در این دوران در بحثها و مشاوره های گوناگون فرنگی، که توسط صاحب نظران و اهل فضل در رشته های مختلف علمی برای تالیف کتب ادبی و تربیتی برپا می شد؛ شرکت می کرد. و به تدریس در دانشگاه نیز تا سال 1327 هـ ش / 1948 م ادامه داد. (سالنامه دینا، 1325: 100)

از سال 1314 هـ ش / 1935 م فرهنگستان زبان و ادب پاسی در ایران مشغول به کار شد. بر اساس اساسنامه این نهاد فرنگی، رئیس آن توسط شاه انتخاب می شد، این کار تا پاییز سال 1320 هـ ش / 1941 م ادامه داشت. در این مدت به تدریج بر اعضای فرهنگستان افزوده شد و فضلا و علمای دیگر عضو این سازمان شدند. ریاست این نهاد فرهنگی تا مدتها بر عهده فرغی بود، بعد ها به دنبال قضیه ای سیاسی و اجتماعی او از کلیه مقامات خود عزل شد هنگامی که در دولت سوم فروغی در آذر 1320 هـ ش/1941 م تدین وزیر فرهنگ شد، حق شاه را در تعیین ریاست فرهنگستان سلب کرد و دستور داد که تعیین رئیس با انتخاب اعضا و به صورت رای مخفی باشد و فروغی رئیس فرهنگستان شد و در واقع حق وی به او برگردانده شد.

فروغی در پاسخ به این کار تدین، او را به عضویت پیوسته فرهنگستان برگزید، هرچند که تدین در این سازمان فرهنگی حضور فعالی نیافت. (2535: 83-82، 49، 36-35)

بعد از شهریور 1320 هـ ش / 1941 م و اشغال ایران توسط متفقین، که فضای نوین سیاسی در ایران پدید آمد، برای تدین نیز همچون بسیاری از رجال دیگر فرصت حضور مجدد فراهم آمد و در دولت سوم فروغی در سال 1320 هـ ش / 1941 م به عنوان وزیر فرهنگ معرفی شد، البته به دلیل اشغال ایران توسط متفقین و مشکلاتی که بدین وسیله فراهم آمده بود کمتر فرصت انجام کارهای فرهنگی بود و خود تدین بیشتر به دفاع از برنامه ها و لوایح دولت می پرداخت. ولی با این حال سعی کرد در جهت بهبود و اصلاح فرهنگ و معارف اقداماتی انجام دهد، از جمله به چند روزنامه اجازه نشر داد. به عنوان نمونه انتشار مجدد روزنامه بهار در این دوران صادر شد، لایحه سانسور مطبوعات را ملغی کرد، بخشنامه ای مبنی بر لزوم رعایت ساعات تعالیم شرعی در مدارس منتشر کرد و دستور ساخت چندین دبیرستان را داد، به سوالات مختلف نمایندگان مجلس درباره مسایل فرهنگی هم پاسخ های لازم و مبسور را ارائه داد.

هنگامی که علی سهیلی در اواسط فروردین 1321 هـ ش / 1942 م کابینه خود را بعد از اتمام دولت فروغی تشکیل داد، تدین رئیس دانشکده ادبیات دانشگاه تهران شد. دوران ریاست او کمتر از شش ماه بود، زیرا هنگامیکه در مهر ماه آن سال انتخاب درون دانشکده های برگزار شد ریاست آنجا به علی اکبر سیاسی رسید.

لازم به ذکر است که تدین پس از مدتها دوری از عرصه روزنامه نگاری دست تلاش مجدد برای حضور در عرصه ی مطبوعات زد. این کار احتمالاً به خاطر تندروییهایی که، بلافاصله پس از کنار رفتن از دولت، در روزنامه های تندرو منتشر شده بود، می باشد به هر حال روزنامه صدای تهران پیش از چند شماره منتشر نشد، ظاهراً آغاز اعلام جرم بر علیه تدین، دلیل احتمالی انصراف او از روزنامه نگاری است. همچنین باید گفته شود، هنگامی که پرونده اتهامات تدین در حال تنظیم و بررسی بود، مقام او در شورای عالی فرهنگ به دکتر کشاورز واگذار شد.

خلاصه سخن آنکه، تدین در طول دوران حیات فرهنگی خود سعی کرد اقدامات اصلاحی و بنیادینی در جهت گسترش و تقویت امور مربوط به فرهنگ و معارف ایران انجام دهد و عصر جدیدی را در این زمینه پدید آورد.

نتیجه گیری

تدین یکی از چهره های سازنده و اصلاح گر نظام آموزش و فرهنگی دوره معاصر بوده و بخشی از تحولاتی که در حوزه فرهنگ و آموزش این دوره به وجود آمده مرهون اقدامات و اصلاحات او بوده است. او مسیری نوین، متأثر از نظام آموزشی و فرهنگی غرب، همراه باحفظ ارزش های سنتی و دینی، در نظام آموزشی ایجاد کرد و کوشید شرعیات را که در نظام آموزشی روز به روز کمرنگ تر می شد دوباره احیاء سازد.

کتابنامه

الف - مجلات

- 1- آموزش و پرورش (بهمن 1352 ش)
- 2- دنیا (سال اول و دوم . 1325 ش 1326 ش)
- 3- وحید (دوره نهم . ش 2، 1350 ش)

ب- کتابها

- 1- الول ساتن. 1. (بی تا). ایران نو، ترجمه علی جواهر کلام، تهران، شرکت مطبوعات

- 2- بدره ای .ف.(2535ش)گزارشی درباره فرهنگستان ایران ، تهران ، بهمن
- 3- برزین . م. (1371) شناسنامه مطبوعات ایران از 1215 تا 1357 هـ . ش ، تهران، بهجت
- 4- حکمت ، علی اصغر (2535ش)سی خاطره از عصر فرخنده پهلوی ، تهران ، وحید
- 5- شیخ الاسلامی .ج. (1372) سیمای احمد شاه قاجار، ج 1 ، تهران ، گفتار
- 6- صدیق .ع. (1334 هـش) دوره مختصر تاریخ فرهنگ ایران ، تهران ، شرکت سهامی طبع کتاب
- 7- صدیق .ع. (1340 هـش) یادگار عصر ، ج 1 ، تهران ، چاپخانه سازمان سمعی و بصری هنر های زیبای کشور
- 8- صنایی . ا. (2535ش) بنیاد های ملی در شهرسازی رضا شاه کبیر ، تهران اداره کل نگارش وزارت فرهنگ و هنر
- 9- صادق . ص.(1367 هـش)یادداشت های تاریخی (خاطرات و اسناد مستشار الدوله)، به کوشش ایرج افشار ، تهران ، طلایه
- 10- عاقلی . باقر. (1370هـش)مشاهیر رجال ، تهران ، گفتار
- 11- عبدالله پور . ا. (1369 هـش) وزرای معارف ایران ، وزیران آموزش و پرورش ، بی جا ، بی نا
- 12- مشاور . خ ، (1343 هـش) مولفین کتب چاپی فارسی و عربی از آغاز چاپ تا کنون ، ج 5 ، تهران ، بی تا
- 13- نفیسی . س . (1381 هـش)خاطرات ادبی سیاسی جوانی ، تهران درک
- 14- نیری . ح . (1369 هـش)زندگینامه مستوفی الممالک ، به کوشش علیرضا اعتصام ، تهران ، وحید
- 15- یغمایی . ا. (1375هـش) وزیران علوم و معارف فرهنگ ایران ، تهران ، مرکز نشر

ИРАНСКИЙ РАССКАЗ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ

О. З. Турдиева

**Ташкентский государственный институт востоковедения,
г. Ташкент, Узбекистан**

Summary. This article is devoted to the analysis of new trends in contemporary Persian prose and its features. In particular, the works of writers from the period of the 80s, as well as modernity have been researched.

Keywords: prose; short story; Vajihe Samani; Mukhammadrizo Bayrami; «prose of the village»; artistic conflict; dialogue «writer-reader»; psychological analysis; character.

В иранской прозе XX века, в частности в рассказе как одной из малых прозаических форм, наметилось определенное оживление не только в количестве появляющихся рассказов, но и в тематике затрагиваемых проблем и совершенствовании художественно-поэтических средств их отображения.

В 80-е годы XX века целый ряд молодых литераторов – Фаридун Амузаде Халили, Мухаммадризо Байрами, Важжие Али Акбари Сомони, Розия Тужжар, Хусрав Бабахони, Мухсин Парвиз, Мухаммад Ризо Саршор – попытались внести в жанр рассказа новое дыхание [1, с. 42, 88, 125]. Именно в эти годы творчество молодых писателей не только показало, что расширилась тематика рассказов, но и закрепило мнение, что любое событие, происшествие, даже любая ситуация может стать основой рассказа.

Вслед за великим писателем, признанным основателем реалистического рассказа Содиком Хидояттом, создавшим классические образцы рассказов, писатели Самад Бехранги, Гулямхусайн Соэди, Ахмад Махмуд попытались внести новшества в этот жанр. Их поиски были направлены не на детали событий, а на психологический анализ, на глубокое изучение человека, его судьбы и души. Позже новые возможности этого жанра показало творчество таких прозаиков, как Ахмад Гулями, Самира Аслонпур, Жаъфар Иброхими Насра, которые попытались доказать, что литература в первую очередь это изучение человека, человеческой души [3, с. 6–7].

В начале 80-х годов прошлого века и в последующие годы усилилась тенденция изображения жизни со всеми её противоречиями и сложностями. Особенности прозы этого периода, и в частности рассказа, можно свести к следующему:

- писателя всё больше интересуют не актуальные, заслуживающие особого внимания крупные социально-политические проблемы, а, наоборот, в большинстве случаев остающийся вне поля зрения мир простого, скромного человека и его внутренние переживания;

- ведущим становится принцип отображения повседневной (бытовой) жизни со всеми её подробностями, изображения сторон жизненной действительности, имеющих общечеловеческое значение, утверждения того, что вопросы, связанные с судьбой человечества, не могут подразделяться на первостепенные и второстепенные;

- больше внимание уделяется созданию характера, чем описанию определенного события или происшествия;

- изображение (показ) настроения резкого недовольства по отношению к несправедливости и недостаткам в жизни и обществе;

- в создании образа использование художественного анализа вместо дидактического подхода; активное использование форм общения – диалога «писатель – читатель»; широкое освещение темы села (деревни), сближение героя с природой; рост и изменение в сознании героев; последовательность динамики.

Известно, что в тот период расширились возможности молодых литераторов в изучении мировой и русской литературы. В результате этого появились критический подход в оценке действительности, принцип свободного отношения. На творчество целого поколения литераторов, заявившее своими первыми же произведениями о себе и о своём стиле, значительное влияние оказали таких великие мастера пера, как Э. Хемингуэй, Дж. Лондон, Р. Тагор, Н. Гоголь, А. Чехов, Ю. Казаков, В. Шукшин и др. Опыт В. Шукшина в жанре реалистической прозы показал, что любая, малоприметная сторона жизни может стать богатым материалом для художественного произведения.

После 80-х годов XX века в творчестве писателей не поднимаются большие социально-политические проблемы, тема главного, ведущего героя также остаётся в тени. Темой их произведений становятся обыкновенные события повседневной жизни, ничем не примечательная жизнь любого человека, который мог стать героем рассказа. Главной их целью было не изображение активной деятельности героя и его образцовых сторон, а более глубокое проникновение в его внутренний мир и более тонкое изображение его душевных переживаний.

В творчестве современного новеллиста М. Байрами ощущается стремление передать свойственную иранцу силу духа, изобразить сцены жизни привлекательными, придать смыслу своих произведений восточную мудрость. Как и у В. Шукшина, в его произведениях тема села занимает центральное место. В сочинениях М. Байрами ведущими являются простота, естественность, мотивы любви к жизни и прекрасных мыслей. Вот поэтому героями его некоторых рассказов являются простые люди.

Современницей М. Байрами является новеллистка Важхие Сомони, в творчестве которой преобладают духовные и бытовые темы. Национальный настрой, язык, природа, повседневные заботы, противостояние человека испытаниям и ударам судьбы, которые он преодолевает, то побеждая, то проигрывая, стремление человека занять достойное место в обществе находят своё отображение в произведениях В. Сомони.

Изображаемые В. Сомони сюжеты это не какие-то необыкновенные, чрезвычайные события, а, напротив, очень жизненные и естественные ситуации. Художественные изыскания писательницы направлены на изображение жизни простого человека, его линии поведения, точнее, его душевных переживаний в разных жизненных ситуациях. Поднимаемые литератором духовные воп-

росы отличаются своей актуальностью. Патриотизм и гуманизм, ценность человека, его взаимоотношения или его душевное состояние при оценке своих ошибок и недостатков; подробности социально-бытовой жизни, любовь и семейные отношения, ситуации, отражающие духовный мир человека, или ситуации, превращающие людей либо в друзей, либо в соперников, и многие другие проблемы, связанные с реальной жизнью, – всё это находит своё яркое и достойное отражение в творчестве В. Сомони.

Итак, после 80-х годов в творчестве писателей можно выделить следующие особенности:

1) писатели больше обращаются к любимившимся им и воодушевляющим их темам и характерам. Они подходят к изображению будь то современной жизни или исторического прошлого с необходимостью духовного и эстетического обогащения;

2) в их рассказах не встречаются неестественные, трудные для восприятия читателя особенности; любое событие, ситуация является составной частью жизни;

3) с первого взгляда сюжет определенного рассказа кажется маловажным, обычным событием, которое встречается в повседневной жизни на каждом шагу. Но заслуга литератора именно в этом и заключается, что из обыкновенной жизненной ситуации он способен вынести основанное на глубокой логике художественное заключение, которое служит примером;

4) они детально изучают человека и его душу; именно человек, его судьба, вопрос человеческих ценностей являются ведущими мотивами в их рассказах;

5) в большинстве случаев рассказы не заканчиваются конкретными выводами, они заставляют читателя мыслить, размышлять.

В конце XX века процесс глобализации в литературе привел к положительным результатам: достижения национальной литературы получили широкую популярность, усилилось межлитературное влияние. В частности, иранская литература смыслом, содержательностью произведений, разнообразием и богатством методов шла в ногу со временем и смогла занять достойное место в мировом литературном процессе.

Библиографический список

1. Современная иранская проза : антология иранского рассказа. Т. II. – СПб., 2010.
2. Мировая литература, 8. – Т., 2007 (на узбекском языке).
3. داستان نویسان معاصر ایران. گزیده و نقد هفتاد سال داستان نویسی معاصر ایران. محمد قاسم زاده. تهران (2004)1383

IRONY AS A STYLE – FORMING TOP IN WORKS OF A. KEKILBAYEV

A. D. Kabylov

**Caspian State University of Technologies and Engineering
named after Sh. Esenov, Aktau, Kazakhstan**

Summary. The article is about the bell-lettres peculiarities and the Ideological directivity of Irony in Modern Kazakh Prose. There were given poetical analysis of the works of M. Magauin and A. Kekilbaev.

Keywords: Kazakh prose; irony; A. Kekilbayev.

The irony is one of the most productive stylistic and artistic ways to express the reality. «It prevails in the most fanciful and colorful artistic styles. The ancient comedy, grotesque world of Rabelais, a philosophic novel by Walter, rich shades of humor of Gogol and Chekhov indicates the presence of irony at all stages of the European literature history. The 20th century has become the kingdom of irony, as it generally said»....1

The irony is some kind of pathos in its nature, expressing the thoughts of artwork through the ideological and emotional value. It can be recognized in subjective organization of artistic content as author's emotional view leading to «philosophical complication». In other words, the irony is observed in the all stylistic levels of the artwork: in linguistic characteristics, in separate details, in story and plot level, also in structure of character's image. The irony takes a special place in the creative activity of the most writers.

Presenting in modern and postmodern literature of different way the irony has founded the reflection and in the literature of soviet period. Born in some kind of perception of peoples' life contradictions, historic experience the artistic irony has taken the widespread in Kazakh literature as a productive way. The irony in artwork with its pretentious – controversial and critical characteristic became the unique way of critical and valuable view in modern prose.

The irony is non admittance of disadvantages of society and people. The author would seem to approve, even states somth., but in fact he makes fan of it. In other words, from the point of its characteristic the irony is the subjective, esthetic special relations directed against the things which are dangerous in all over the world. The irony is ethical – human expressing point of view to disadvantages. The phenomenon of irony can be defined in the following one phrase «would seem to take an approval, but in the fact humbled to mock and to speak ironically». However, artistic and poetic pattern and internal world are varied.

The irony – is artistic way which takes its beginning from folklore. If speaking that in the beginning of written literature is placed folklore, we

can see that there are met many art examples of irony in the folklore and in folk legends of any country.

The nature of Kazakh people and its worldview, its skills of critical analysis and values are tending to be ironic. The irony is met in big quantity in proverbs and sayings. In such proverbs like «Өзің білме, білгеннің тілін алма» (doesn't know himself and doesn't listen to others), «Апама жездем сай, ағама жеңгем сай» (persons with similar characters), «Бай үйінің мұржасы қисық болса да, түтіні түзу» (in rich homes even if the chimney is curve the smoke is clean) «Аузы қисық болса да, байдың ұлы сөйлесін» (even if the sun of riche person has a curve mouth let him speak), «Әкімің соқыр болса, бір көзіңді қысып өт» (if the Akim is blind – close your one eye passing by) the irony directed to individual persons and having social meaning; if considered from the paradoxical point of view there are ironic reasons reproached by paraphrases. Many examples of the irony can be met in the other types of folklore and also in the poetry of akyns – bard.

In Kazakh art prose the irony manifested along with satire and humor in works of Zh. Аймауытов, В. Maylin, М. Аuezov, G. Musrepov, especially successfully used as an artistic method starting from 60th – 80th years of XX century. The ironic reasons are mostly recognized in artworks of А. Suleymanov, Т. Nurmagambetov, А. Kekilbayev, М. Magauin, Т. Alimkulov, К. Iskakov, А. Tarazi, О. Sarsenbayev and others.

The irony is observed as one of the visual styles of prominent Kazakh writer like М. Magauin. In his artworks the irony is represented like a type of expressing the thoughts, like the way to ideological and emotional assessment. Starting from the most beginning artworks, vortex of irony with different artistic power constantly takes a place in his works.

The irony can be observed in the different aspects in such works of writer as «Көк мұнар» («Blue fog»), «Архив хикаясы» («Archive case»), «Тұлымханның бақыты» («Happiness of Tulymkhana»), «Тарпаң» and others. For example, in the «Happiness of Tulymkhana» novel the irony is the base of ideological and artistic nature of the whole work. The main character in the Tulymkhan story – is a quite, calm person. However, he is a man who can't understand anything happening around him, can't accept troubles of his family, betrayal of his wife. Bungler, who can't analyze what happing in front of his wife is stranger, is far from common consciousness. It seems that it is the happiness of Tulymkhan precisely. Author here shows ironically that namby-pamby like Tulymkhan can't be active champions of society. Writer revels the nature of Tulymkhan with bitter irony.

Stylistically and artistic mosaic of the irony in artworks of prominent Kazakh writer as А. Kekilbayev is very varied, so evaluate – analyzing cover of his works is also varied. In describing and evaluating of life's events

in some artworks of social life he used the elements of irony, mocking, parody and ironic narrative. In the artworks of the writer the irony is the one of the special scene showing writer's attitude to describing object. Here the writer doesn't evaluate directly but effectively uses irony's ability to affect the unpleasant things, cover it as artistic, critical sigh. In such conditions, the main thing is not only the evaluating character's features, but human nature; he indicates to unpleasant trends of social life.

Critical force, expressing of social bitterness and intonational stress in such assessment is also diverse. In the works of the writer thoughts of one character about another one behind his eyes is not one the narrative description but also way of critical assessment, way of expressing a point of view of individual or society: «...there is founded brother of a hooked nose tax agent. And how you do you thing where? In Siberia. And there he got blue-eyed widow with a daughter of her first husband. He was alone, had neither house nor home, but soon had got a young mare with a colt» («Kupa of dzhid») [2, s. 352].

Self – irony is observed in words resulting of self assessment of life, destiny and in words said by a character to himself: «...a snap knife which crumbled meat suddenly seemed to tripped over. That is spatula, in good time would have been cleaned it form the meat, scraped up to clarity. Now what? And about what to guess? There is no one of loved and close in far-way. That's radius. In good time it would be worth to gnaw and hang it as a sure sign of safety and welfare of livestock. But why the livestock should be multiplied. For whom of those children?» («Kupa of dzhid») [2, s. 378].

There are light sneer and power irony in the narrative style of Kekilbayev's «Competition» story. From the beginning with ridicule: «Yeah, they used to say right in the old days that if your daughter grows up get ready for attack. If it was not so, rich Balpan would had been lived at his leisure and did not blow to mustache» [2, s. 163], – the author leads the reader to an interesting story.

The plot of the story is simple; the interesting story is in the base of it. Story is about the wedding of only daughter of Balpan Azhar bay. Once, Balpan Azhar bay, famous among the people that always gave refusal to all matchmakers, said: «I give my daughter in marriage to the most talented, playful and strong man» and organized the competition. In the end, he had to give his daughter in marriage to moron – Esen, who was luck by chance. This is a backbone of the plot work. But the logic of story turning into an artistic plot, composite system, conflict nature and artistically logical motivation interwoven with a great skill has generated concise realistic work.

Esen – is silly son of stinky rich Salak, who always and everywhere looked after the livestock. Bitingly, sarcastically described the main

character: «he had one ear disfigured, his eyes heavily moved. In winter and summer Esen disappeared in the desert. He was informed about the competition and was the first who had come to competition. He was forty but was a single. His father Salak, asked everyone to marriage his son but no one dared to give in marriage their daughter to idiot. His father has given up marrying his son long ago. But Esen himself didn't give up and decided to try his luck in the competition. Balpan bay thought: «Let an idiot play» and ordered to include him in list of applicants» [2, s. 196].

The wining secret of Esen in the competition and having beautiful Azhar is the fortune, unexpected conflict: firstly he refused to sing reasoning it as «I can not sing and will not sing. If Balpan bay wants to marry his daughter to a bawler will let her to Satan». In the second match – in a fight, he wriggled out angering that his opponent had grabbed his liquid beard. On the third day of the competition his old horse of Esen took part in the mass races with the other twenty six horses. The galloping horses were accidently attacked by robbers and it happened that old horse of Esen was the first on the finish. People were stunned. The picture of the competition which was clear on the beginning suddenly seemed to become «theater of the absurd».

Therefore, the writer emphatically describes the situation which turns from simple home drama into the tragedy. It has a great, social significance. Home conflict described in this story as one of the case of the past, period of feudalism and turned into a paradox warns against an improper boasting, against effects of thoughtless actions. Even though, there is described the situation from the past the author touches important social and domestic problems of our time. The final transformation of the fairy – tale story line becomes an ironic metamorphosis with social welfare paradoxical feature.

The events in the story are narrated in a playful tone. Events happening on the background of the author's power narration appear for the reader both like a lively picture and a retrospective occasional retreat matching with emotional stress and instant romantic pleasure of the character. And the coincided pent-up emotions and thoughts of author and the character are invisibly joining principle. Author's narration basically is common with thoughts of main character Balpan. Mainly, humorous ironic tone remains in the text. Depending on the features of developing events, the look at the nature and the feature of the fight is described through the allegorical motives making smile with an irony. Sometimes it is represented in form of direct and/or subjective thoughts of the author, expressed by the method of psychological analysis.

In the «Competition» story the author's narration and its laugh tones are different. On this matter N. A. Kozhevnikova wrote related to Russian prose of 70th: «In different types of context – in the narration about a

character and in the narration from his point of view – stylistically colored funds have different means: in the narration about the character the funds can be used ironically, but in the narration from character's point of view it has not an irony» [3, s. 90].

In kindly jokes regarding Balpan like «That day Balpan bay was furious at his major wife for the first time. He felt that the girl was a very big problem. Yes, the father who has a very beautiful daughter of marriageable age at home feels like a rider on the stolen horse» [2, s. 165], «And now, when he has his beard overgrown and it's the time to take care of the soul, and he didn't hope for change» [2, s. 166], «Thanks to old father for throwing a loop at the good time to Kadyrbai, otherwise would have spend his days alone» [2, s. 168] the irony in author's narration can be founded, however it is combined with thoughts of a character.

These collisions reveal the inner world of the character; implement the physiological analysis of the phenomena by the character. If the manner of narration «speaks style» is a linguistic expression of such feelings of Balpan bay as his true thoughts, good mood, complacency, but it is accepted by the reader with an irony; that is «narrator watches for events with curiosity and irony and even with the evil» [4, s. 312].

The ironic subtext lies in a common conceptual content base expressing an opinion to the events in the story. Although, it seems that the satirical, humorous beginning of the story slowly subsides, but some proposals, thoughts, pictures, actions alternate with warm humor and irony making smile. The ironic style requires from an author constant use of critical evaluation and linguistic construction in the convenient time in described objects by themselves. Artistic works, poetic pattern, philosophical and psychological curves of the story, describing the period of preparing for the competition, competition of horsing and arts lies on the soul with a particular force. Under the deep philosophical reasoning the power irony and mockery are laid in these artworks which is though – provoking for a reader. For example, the author writes about a young man waiting for honors during the competition the following: «Sweet dream as a honey to win in open competition being undermined by ambitions quietly turned into hard calculating to win at any cost. Ingenuous men have been told that: when all competitors will be put on shame and their genus will disgraced and the blood is stopped in their veins he, winner will celebrate the victory. And then he will have a taste of happiness.

Inexperienced men had no idea that from that moment they unwittingly into a merciless fight which is called the life. And only one prize is for that fight, candidates for which are numerous. Most of all will be involved, irritated by it, but the desired finish will be achieved only by one or two men, the rest is dwell, damming the world – who are out of the steam on the halfway to the goal» [2, s. 204].

Using of fibula in the base of realistic artwork inherent to Kazakh legends and fairy tales, the writer expressively describes specific event inherent in Kazakh way of live, so he brings close the social problem of our time. A. Ismakova who studied the stylistically writing of the author confirms the following: «A. Kekilbayev has his own style and he reflected in the «Competition» story important things for spiritual situation of the period of 60th. The fairy tale story about how Balpan bay gave his daughter in marriage is only an illustrative material for the writer which he subordinates to logics of social and moral issues of our time» [4, s. 312].

In the story «Competition» we can see irony and humor: «...Than, herds were left in peace. Began to hunt down, trap Azhar. Daring men who recently have drove horses of rich people, now got into the habit at night to the village of Balpan and circling the yurt. To keep up a girl is harder than to guard the herd of horses» [2, s. 184] or «Praise was sound in each mouth: «Such an amazing spectacle. It's a wonderful! Brilliant musicians!» and if some of singers were met on the way, everyone thought that it was his duty to express his delight, almost clinging the chapman of him». «Well dear, it is herd from different places that you have attacked all in theirs belt. You have no equal!» and expressively snaps their tongues, devoured the knocked out singer with crazed eyes. If the singer was really lost and did not react to their delight, they said with a smile: «Poor man, it seems that he gone mad of success. Even the tongue was taken away». If however the singer smiles and gives thanks for the kinds words, they sarcastically giggles and whispered: «That's is stupid, he really takes our thanksgiving» and immediately sought out in a singer some disadvantages flawing of the inflated sense of superiority over those who have recently powerfully drew it into the wonderland. [2, s. 203].

The «Auyz» story of A. Kekilbayev – it is a small artwork the special featre of which is a manner of narration. At first glance, it is a literary text with a simple storyline developed by incredible situations, decorated in unexpected ways, but nonetheless has a deep educational sense. «Auyz» (Tongue) – is ironical story in which the «no tongue» among the people is narrated. Also, there are narrated about inadequacy of people's role as an individual in society that the society doesn't consider «thinking», «opinion» of its members, with result that the people begins to move away, to separate from society and this disease to deepen and extend to the next generation.

On of the features of A. Kekilbayev's irony is that there are more analysis than criticism, more thoughts than estimates. The writer makes reader give attention on the sense of internal mechanisms of the life facts and phenomena of nature. Selecting and decorating by artistic way the one part of the events, based on actions and characters, the weighting it by philosophical views writer leaves to the reader. Numerous

philosophical, social – psychological aspects of such laughter determine located far from dry didactic purpose of intellectual thought. This is a simple and at the same time a comprehensive, bumpy, winding and at the same time, convenient way of presenting the philosophy of life. Sometimes this is how the position of common sense which is present in the base of writer's all work, through the light joke, thoughtfully irony finds its way into readers' hearts.

Bibliography

1. Tretyakova E. The irony in the structure of artistic text // Russian language № 19 (73), 15.10.2001.,
2. Kekilbayev A. Novels, novellas, short stories, drama, articles in 5 volumes. 1 vol. Almaty. Writer, 2001.,
3. Kozhevnikova N. A. About the relationship between author's speech and the character// Language process of modern artistic literature. Prose. Moscow, 1997.,
4. Ismakova A. S. Kazakh fiction. Poetics, genre, style. Almaty, Science, 1998.

IV. QUESTIONS OF STUDYING THE DISCIPLINES OF PHILOLOGICAL CYCLE

РАЗВИТИЕ РЕЧИ ДЕТЕЙ В ПРОЦЕССЕ ТРУДА

Е. Х. Ахмедова

Азербайджанский институт учителей, г. Баку, Азербайджан

Summary. Proper speech development of children in kindergartens depends on the choice of the necessary teaching aids. During this period there was enrichment of vocabulary, its refinement, of course, for the proper development of coherent speech want natural, life situations. Language development in children carried out mainly through self, involving his participation in the economic and domestic labor during class lessons on manual labor. With such a coherent and consistent organization of child labor is the development of appropriate verbal communication, in particular, coherent speech.

Keywords: preschool children; the process of labor; language development; ways of organizing the development of speech.

Правильное развитие речи у детей в детских садах во многом зависит от выбранной методики. В указанный период у детей основной род занятий – это игра. Однако большинство игр, в частности подвижных и сюжетно-ролевых, реализуются в подавляющем большинстве случаев через игру. Дети работают играя, и учатся играя. Основным условием человеческой жизни является труд, трудовые навыки сформировались именно в процессе труда. Дети дошкольного возраста в этот период жизни наряду с игрой могут выполнять и определённые трудовые поручения. Верно, что в этом возрасте говорить о настоящем труде говорить ещё рано, однако основы здесь уже закладываются.

Ясно, что подготовка к трудовой деятельности, привитие трудолюбия, старания является одной из важнейших задач детского сада воспитания. Воспитатели для реализации этого процесса дают детям специально подобранные задания, которые выполняются детьми. При этом дети начинают активно усваивать необходимые слова и термины о предметах, их окружающих, о развитии, к примеру, растений, наблюдают многие процессы воочию. А ещё – наблюдают, задают множество вопросов. Цель труда, которая ставится перед ними в этот период, учитывает их возрастные особенности.

Трудовой процесс носит реальный характер, потому что дети работают с реальными предметами, при этом у них развиваются и определённые способы общения в группе. Формируется единое общественное мнение, производственный труд способствует зарож-

дению и развитию связной речи. При этом деятельность основывается на опыте старших. В учебно-воспитательной программе детских садов много внимания уделяется именно развитию речи в процессе труда.

На занятиях речь детей развивается в двух направлениях: прежде всего они называют и запоминают названия тех предметов и событий, которые им встречаются, что обогащает их словарный запас. Затем второе и решающее направление в развитии речи – это самостоятельный рассказ детей об учебном процессе, в котором они участвовали [1, с. 127].

Развитие детской речи не должно быть ограничено лишь специальными упражнениями, обогащение словарного запаса, уточнение его, правильное развитие связной речи требует реальной жизненной ситуации. Развитие речи у детей в детском саду осуществляется путём использования таких форм, как самоподготовка, хозяйственно-бытовой труд, занятия по ручному труду. Всё это должно представлять интерес для детей. Каждый раз после занятий необходимо описать процесс труда. Описание конкретного урока труда детей в способствует развитию речи детей.

Исследователи подчёркивают, что в момент наблюдения следует, прежде всего, показать детям сам процесс изготовления предмета. К примеру, учитель показывает детям различные куски ткани, кроит для куклы одежду, фартук, шляпу, и т. д.

В это время дети узнают такие слова, как кроить, шить, примерять, одевать, и проч. Таким образом, занятия по ознакомлению детей с частями, свойствами способствует быстрому развитию речи детей и усвоению самых разнообразных слов и выражений. Эти слова охватывают в целом все части речи, прежде всего существительные и глаголы, а затем прилагательные и местоимения [3, с. 85].

При организации коллективного труда необходимо, чтобы каждый ребёнок общался с другими людьми. В этом случае трудовая деятельность предъявляет детям ряд требований: прежде всего, понять суть общественного характера труда, первоочередной важности труда для человека. Помимо этого, для реализации трудовой деятельности, выполнения трудовых операций необходим определённый уровень речевого и умственного развития ребёнка [4, с. 85].

При наблюдении за детским трудом можно заметить, что у некоторых детей труд однозначно не сомещается с процессом формирования правильной связной речи. Всё это позволяет сделать вывод о том, что у этого ребёнка в целом слабые представления об окружающем мире, о себе. Успешные воспитатели должны в подобной ситуации ознакомить детей с результатами труда взрослых и стремиться как можно больше расширять их кругозор. В это время дети

знакомятся с трудом взрослых и активно усваивают следующие методы: формирование представления о работе, её организации, разъяснение по поводу выполняемой работы. Содержание работы и её значимость необходимо так донести до сознания ребёнка, чтобы они стали всем этим восхищаться, этому удивляться.

Речь дошкольников в основном формируется при ознакомлении с трудом взрослых. Знакомство детей с трудом взрослых организуется в детских садах в основном дважды в год: летом и зимой. Речь идёт об уходе за двором сада, за насаждениями и другими атрибутами детского сада. К примеру, как держать шланг при поливе цветов, как можно помочь повару в приготовлении блюд, что при этом используется и т. д. Воспитатели с учётом возраста детей, дают им задания для выполнения. Так, младшей группе поручается заняться самообслуживанием. Детей учат правильно умываться, одеваться, раскладывать игрушки по местам, уборка комнаты и т. д. При этом идёт активный процесс усвоения новой лексики. Дети наряду с самообслуживанием заняты также и самостоятельной работой.

В старшей и подготовительной группе задания по трудовой подготовке уже несколько усложняются. В это время детей привлекают к различным видам деятельности на кухне, в складе, медицинском пункте, комнате директора сада, и т. д. при этом направленность заданий более точная и широкая. В особенности интересны для детей экскурсии на предприятия, в организации, в зоопарк, в парки, и т. д. При этом они получают возможность значительно расширить свой лексикон [2, с. 295].

Таким образом, речь детей в трудовом процессе можно развивать в пяти направлениях:

1. Читать детям художественные отрывки, где воспевается труд.
2. Путём проведения нравственных, воспитательных бесед.
3. Просмотр диафильмов, кинофильмов, телепередач, воспевających труд.
4. Наблюдение за трудовым процессом путём организации экскурсий.
5. Организация трудового процесса совместно с рабочими, служащими, и проч.

Воспитатель должен для развития речи детей использовать все возможности в комплексном порядке. При этом нужно разъяснять слова, имеющие отношение к тому или иному трудовому процессу, читать детям книги, просматривать вместе с детьми кинофильмы, пересказывать им содержание увиденного и услышанного. В конечном счёте, ребёнок слышит эти слова и впоследствии сможет их воспроизводить при совершении какого-либо трудового действия.

Всё это способствует пополнению ими своего активного словарного запаса и приучает к правильному развитию детского речевого общения. Дети приобщаются к ряду особенностей трудового поведения и трудовых качеств, на основе чего он превращается в настоящих членов общества, личность которых со временем будет ещё больше развиваться и совершенствоваться.

Библиографический список

1. Учебная программа дошкольного обучения в азербайджанской Республике (курикулум, 3–6 лет). – Баку, 2013 (на азербайджанском языке).
2. Аскерова Р. Развитие связной речи у детей дошкольного возраста. – Баку : Херби, 2006 (на азербайджанском языке).
3. Гасанов А. М. Дошкольная педагогика. – Баку : Нашир, 2009 (на азербайджанском языке).
4. Керимов Ю. Ш. Методика развития речи детей дошкольного возраста. – Баку, 1998 (на азербайджанском языке).

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ НА УРОКЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

М. Е. Яшина, А. Д. Шарафиева

**Казанский федеральный университет, Институт
филологии и межкультурной коммуникации,
г. Казань, Республика Татарстан, Россия**

Summary. The article contemplates significance of using foreign periodicals at the English lessons by exposing its advantages. English newspapers and magazines represent the enormous linguistic variety, which discloses the modern language that unambiguously helps pupils to develop skills of oral speech. Special attention is paid to the possible tasks used at the lessons in order to enhance students' interest and incentive.

Keywords: periodicals; authenticity; linguistic variety.

Наблюдения последних лет выявляют устойчивую тенденцию применения журналов и газет на уроках английского языка, что благотворно влияет на мотивацию учащихся и делает урок увлекательным процессом, побуждающим учеников совершенствовать знания английского языка, познавая «живой язык». Многообразие периодических изданий позволяет преподавателю заниматься с учениками с учетом их уровня владения языком. К тому же содержание подбирается согласно возрастным особенностям и интересам учащихся, информация оценивается с точки зрения ее доступности и значимости для школьников.

Необходимо подчеркнуть, что чтение периодики полезно для учащихся, прежде всего, потому, что для них это наиболее лёгкий путь к осознанию английского языка как живого средства общения. Поскольку тексты газетных статей и журналов составляются обычно таким образом, чтобы читатель мог узнать в них знакомый ему по повседневной жизни тип текста. Это и личные письма, и анекдоты, и статьи из школьной газеты, а также отрывки из дневника подростка, кулинарные рецепты, сказки, реклама, научно-популярные и страноведческие тексты. Такое жанрово-композиционное разнообразие позволяет преподавателям английского языка познакомить учеников с речевыми клише, лексикой, фразеологией, связанными с самыми разными сферами жизни и принадлежащими к различным стилям.

Безусловно, читая аутентичные газеты и журналы, учащиеся обогащают свой словарный запас и совершенствуют грамматические навыки, что способствует формированию языковой и речевой компетенции. К тому же формируется и социокультурная компетенция, поскольку учащиеся знакомятся с культурой и традициями, современным образом жизни представителей другой культуры, а это неотъемлемая часть при обучении английскому языку.

На наш взгляд, к основным преимуществам использования периодических изданий следует отнести следующие:

1) тексты периодических изданий отражают реальный язык и, следовательно, представляют большое лингвистическое и тематическое разнообразие;

2) тексты периодических изданий позволяют использовать для обучения актуальную информацию;

3) в газетах и журналах можно найти разнообразный материал, представляющий интерес для урока: статьи, интервью, биографии, социологические опросы, объявления, комиксы, фотографии, рекламу, карикатуру и т. д.;

4) пресса является одним из источников изучения общественной жизни [3, с. 113];

5) статьи газет и журналов призваны решать жизненные, а не методические задачи;

6) ситуативная аутентичность газет и журналов предполагает естественность ситуации, предлагаемой в качестве учебной иллюстрации, интерес носителей языка к заявленной теме, естественность ее обсуждения;

7) реактивная аутентичность характеризуется наличием в тексте восклицательных предложений (Isn't she funny! Gosh! Bad luck!), междометий (Yuk! Wow!), риторических вопросов (What do you do in your free time? – Free time? What's that?!), усилительных конструкций (It does take a lot of time!), оценочных слов (great, terrible,

brilliant), что придает статье выразительность, эмоциональную окрашенность, вызывает интерес у читающего.

Вопросы, задаваемые автором по ходу изложения, либо привлекают внимание ученика к информации, которую автор считает особенно важной (Do Prince and Princess have time for hobbies? Where does our food come from?), либо побуждают читающего сопоставить информацию со своим личным опытом (Have you got a pet? Do you eat the right food?), выразить свое мнение относительно прочитанного (I do not think that Charles did the right thing. And what do you think?);

8) культурологическая аутентичность предполагает, что обучение языку неотделимо от знакомства с культурой страны;

9) аутентичность оформления: сопровождение статьи рисунками, схемами, фотографиями; без перечисленных мелочей работа с текстом теряет свойства реальной коммуникации [1, с. 9–10].

Важность применения периодических изданий в дидактических целях подчеркивается и в ряде работ отечественных и зарубежных исследователей, таких как И. Р. Гальперин, Т. Г. Добросклонская, В. Л. Наер, И. С. Стам, А. Д. Швейцер, J. Baddock, P. Sanderson.

Проблема текстов, используемых в обучении языку, вызывает много разногласий. С одной стороны, предпочтительнее учить языку на аутентичном материале, то есть на основе текстов, взятых из оригинальных источников и не предназначенных для учебных целей. С другой стороны, такие тексты слишком сложны и не всегда отвечают конкретным задачам и условиям обучения [1, с. 6].

В связи со сказанным логичным представляется компромиссное решение: тщательный подбор текстов газет и журналов преподавателями с учетом всех параметров аутентичного речевого произведения и согласно методическим требованиям к отбору текстового материала на конкретном этапе обучения. Необходимо акцентировать внимание именно на содержательной его стороне, чтобы учащиеся могли усваивать язык в контексте значимой, осмысленной коммуникации.

Нельзя не согласиться, что язык газеты стал сегодня «одной из самых распространенных форм бытования языка» [2, с. 225]. Эффективному иноязычному образованию способствует применение на уроках английского языка текстов таких газет, как «The Guardian», «The Observer», «The Times», «The New York Times», «The Daily Telegraph», «The Washington Post», «The Independent» и «The Financial Times».

Важно отметить, что лишь прочтения газет и журналов будет недостаточно для овладения английским языком. Необходимо уметь работать с периодическими изданиями. На базе всего лишь одной статьи газеты или журнала опытный преподаватель может создать большое количество интересных заданий для урока английского языка.

Существуют различные приемы использования периодических изданий на различных этапах обучения. На начальном этапе можно предложить учащимся предугадать содержание статьи по заголовку, ключевым фразам, иллюстрациям к статье, что способствует обогащению словарного запаса, совершенствованию навыков устной речи и развитию воображения. Затем необходимо прочитать статью и проверить идеи. При этом чтение становится более осмысленным, так как ученики не просто просматривают текст, а пытаются найти конкретную информацию.

В задания, направленные на понимание содержания текста, целесообразно включать:

- множественный выбор;
- нарушение последовательности изложения фактов;
- ложные и истинные утверждения.

Одним из заданий в связи с изучением лексики может служить поиск синонимов и синонимичных выражений. Это поможет не просто просмотреть новые слова, а выучить их в контексте.

При обучении языку необходимо иметь в виду, что оформление заголовков английских и американских газет и журналов имеет свои языковые особенности: определенные отступления от традиционных грамматических правил (опущение артиклей, вспомогательных глаголов, исключение служебных слов, приемы экономии языковых средств) делают заголовок материалом для выполнения упражнений на восстановление грамматически правильного предложения. Практика показывает, что присущие заголовкам лексико-грамматические характеристики эффективны в процессе формирования у учащихся грамматической корректности, расширения лексического запаса и навыков вероятностного прогнозирования.

После прочтения определенной статьи можно закрепить некоторые фразы с помощью игры в «вопросы – ответы». Например, на отработку таких вопросительных фраз, как «Did you know that...?», «Have you heard about...?», «Guess what...?», или фраз-ответов: «How / when did it happen?», «Are you joking?», «Really? I don't believe it!».

В то же время уделяется внимание и грамматике. В зависимости от уровня знаний можно выполнять следующие задания:

Составить по данной теме вопросительные предложения разного типа (специальные, общие, разделительные и альтернативные вопросы).

Найти в предложении определённые части речи (глаголы, прилагательные, существительные и т. д.).

Отработать грамматические структуры, использованные в статье (например, использование герундия или инфинитива после соответствующих глаголов).

На продвинутом этапе можно использовать диалог-дискуссию. Дискуссия проводится на основе изученного материала и стимулиру-

руется учителем для выявления подтекста и отношения студентов к обсуждаемым событиям. Подобные ток-шоу, заседания, полилоги, проводимые в форме «круглого стола», позволяют учащимся окунуться в условия реального общения и подталкивают их к выражению своих мыслей в пределах сформированных языковых и речевых возможностей.

Таким образом, можно прийти к выводу, что использование периодических изданий на уроках английского языка способствует повышению мотивации изучения и освоения нового материала учащимися. Аутентичная статья из журнала или газеты имеет ряд очевидных преимуществ по сравнению с другими аутентичными текстами при обучении английскому языку в искусственно создаваемой языковой среде: ученики получают информацию из первоисточника, не переведенную и обработанную для обыкновенного читателя; периодические издания обладают большим лингвистическим разнообразием, раскрывающим современный язык. Правильно поставив задачи и определив задания, преподаватель английского языка получит положительные результаты с любым уровнем языковой компетенции школьников.

Библиографический список

1. Воронкова Т. Е. Работа с аутентичными текстами, содержащими интеркультурный компонент // Иностранные языки в школе. – 2009. – № 4.
2. Добросклонская Т. Г. Тексты массовой информации и культура, Россия и Запад: диалог культур. – М., 1999. – № 7.
3. Шишканова В. В. Формирование социокультурной компетенции в процессе обучения иностранному языку // Иностранные языки в школе. – 2012. – № 2.
4. URL: <http://www.samaraenglish.ru/sovremennye-metody-obucheniya/>

ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ НА ОСНОВЕ ЧТЕНИЯ АУТЕНТИЧНЫХ ТЕКСТОВ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ

Н. А. Левченко

**Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы, г. Гродно, Беларусь**

Summary. This article considers the importance of communicative language competence which is obtained via authentic texts reading.

Keywords: communicative language competence; authentic texts; skimming.

Главной целью обучения иностранным языкам в вузе является формирование иноязычной коммуникативной компетенции

будущего специалиста, позволяющей использовать иностранный язык как средство профессионального и межличностного общения.

Под *коммуникативной компетентностью* понимается «способность и реальная готовность к общению адекватно целям, сферам и ситуациям общения, готовность к речевому взаимодействию и взаимопониманию» [3, с. 27]. Этот вид компетентности характеризует умение использовать факты языка в условиях реального общения. Коммуникативная компетентность – важная составная часть профессиональной компетентности, которая служит показателем профессионализма специалистов.

Для формирования оптимального уровня коммуникативной компетенции необходимо совершенствование умений студентов во всех видах речевой деятельности. Однако, вопросы, связанные с обучением чтению, всегда занимали особое место в методике обучения иностранным языкам. Как средство языкового общения чтение доминирует по распространённости, важности и доступности. Так, материал аутентичных текстов может послужить хорошей опорой для формирования лексических навыков. На основе материала аутентичных текстов развиваются умения чтения, письма и говорения. Осуществлять речевую деятельность чтения на иностранном языке для достижения взаимодействия и взаимопонимания путём передачи, хранения и преобразования социально и профессионально значимой информации – значит владеть коммуникацией на этом иностранном языке [2, с. 17].

Одним из источников содержания обучения чтению можно и нужно рассматривать современные аутентичные тексты, которые способствуют более прочному усвоению социокультурной информации. Для обучающихся главным практическим результатом чтения является именно информация, что ещё раз подчёркивает его познавательную ценность. С помощью взаимосвязанных упражнений обеспечивается постепенный переход от опосредованного общения (с опорой на текст) к непосредственному общению (активное использование языковых и речевых средств в ситуациях общения).

Ввиду специфики обучения в вузах экономического профиля, связанной с преобладанием в учебном процессе по английскому языку текстов социально-экономической тематики, мы предлагаем использовать в обучении студентов-экономистов аутентичные тексты из изданий «The Economist», «The Economic Review» и «Business Review».

В зависимости от целевой установки на занятиях по английскому языку применяются различные виды чтения, однако в вузе при

переходе к чтению аутентичного текста в первую очередь внимание следует уделять ознакомительному чтению.

При ознакомительном чтении студент устанавливает наличие в тексте информации, которая представляет для него интерес или относится к определённой проблеме. В процессе ознакомления с текстом студент задаёт себе следующие вопросы: Кому адресован этот текст? Какую информацию могут содержать тексты такого типа? Называется ли в начале текста основная проблема/вопрос или их постановка в виде вопросов? Называется ли в конце текста какое-либо заключение содержания или результат? О чём говорит заголовок текста? Есть ли какие-либо подзаголовки, графики, иллюстрации к тексту? О чём они говорят? Какие понятия в тексте несут на себе основную смысловую нагрузку? Рассматривая текст, студент фиксирует полученную информацию о тексте в виде рабочих записей.

Основными приёмами по обучению говорению на основе аутентичных текстов являются:

- 1) обоснование собственного суждения или отношения к фактам;
- 2) оценка прослушанного или прочитанного;
- 3) формулировка главной мысли текста;
- 4) краткое изложение основных идей текста;
- 5) высказывание о том, что узнали нового и что было известно ранее;
- 6) составление ситуации с опорой на жизненный опыт и ранее прочитанное;
- 7) проведение ролевых игр;
- 8) проведение дискуссии и диспута [1].

Таким образом, в результате использования профессиональных аутентичных материалов формируются лингвистические, коммуникативные и социокультурные компетенции студента.

Библиографический список

1. Маслыко Е. А., Бабинская П. К. Настольная книга преподавателя иностранного языка. – Мн. : Высшая школа, 2001. – 522 с.
2. Митрофанова О. Д., Костомаров В. Г. Методика преподавания русского языка как иностранного. – М. : Русский язык, 1990. – 270 с.
3. Обучение русскому языку в школе : учеб. пособие для студентов педагогич. вузов / Е. А. Быстрова, С. И. Львова, В. И. Капинос и др.; под ред. Е. А. Быстровой. – М. : Дрофа, 2004. – 237 с.
4. I. S. P. Nation Teaching and Learning Vocabulary. – Boston : Heinle & Heinle Publishers, 1990. – 275 p.
5. Hedge T. Teaching and Learning in the Language Classroom. – New York : Oxford University Press, 2002. – 464 p.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ПРЕЗЕНТАЦИИ ГРАММАТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Г. М. Нуруллина

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Summary. This article observes the lingvocultural approach presentations of grammatical material in Russian language. In this paper the contents of symbolic approach reveals in study of Russian grammar, gender's category explores the word's symbolic beginning.

Keywords: lingvocultural approach; gender's category; grammatical material.

Современная система обучения русскому языку направлена на владение языковыми и речевыми навыками в социокультурном пространстве. В школах назревает необходимость применения лингвокультурологического подхода в обучении русскому языку. По утверждению Л. Г. Саяховой, «соизучение языка и культуры, выработка не только языковой, но и коммуникативно-культурологической компетенции личности становится основной линией обучения русскому языку как в русских, так и в национальных школах» [3].

В процессе обучения, развития и воспитания школьника неоспорима роль русского языка как мировоззренческого предмета, обеспечивающего единство и взаимодействие языка, культуры, личности. Лингвокультурологический подход в современном языковом образовании означает, что в процессе обучения русскому языку учащихся «реалии социума и культуры (как духовной, так и материальной) должны быть осмыслены личностью посредством языка как ценности бытия» [1, с. 34]. Основу новой структуры ценностей составляют *компетенция, компетентность*, которые достаточно широко используются в последние годы в педагогической практике. Компетенция рассматривается как совокупность взаимосвязанных качеств личности, задаваемых по отношению к определенному кругу предметов и процессов и необходимых, чтобы качественно, продуктивно действовать по отношению к ним.

При обучении русскому языку на фоне лингвокультурологии выделяется много подходов в рассмотрении *культурных явлений*: описательный, ценностный, деятельностный, функционалистский, герменевтический, нормативный, духовный, диалогический, информационный, символический, типологический. Все эти подходы реализуются в дидактических материалах, на основе которых происходит презентация грамматического материала русского языка.

Среди перечисленных подходов особый интерес представляет **символический подход**, который акцентирует внимание на

употреблении символов в культуре. Культура – это «символическая вселенная» (Ю. М. Лотман). Некоторые ее элементы, приобретая особый этнический смысл, становятся символами народов. При анализе грамматического материала понятие *символ* нередко является ключевым, основополагающим. Символы вырабатываются у каждого народа на основе сравнения [2, с. 34].

Так, при изучении темы «категория рода имен существительных» символический подход может быть реализован с помощью лингвокультурологического комментирования слов определенной тематической группы. Особый интерес представляет тематическая группа «названия деревьев». В работе мы исследовали названия таких деревьев, как *береза, сосна, ель, клен, дуб, хмель*.

Береза испокон веков связана с бытом русского человека. Она освещала жилище (лучина), согревала (березовые дрова), мыла (веничек, с которым ходили в баню), лечила (березовый сок истарил ценился как лакомство и как целительный напиток). В силу своей чистоты и свежести береза почитается как женский символ.

К тому же тот образ, который создается поэтами, раскрывает красоту девическую. Так, например, поэт С. А. Есенин создает образ девушки-березки: у березок *девическая грудь, зеленая прическа, она зеленокошая, а осенью у нее золотистые косы, холщовый сарафан или юбочка белая и лунный гребешок*.

Женская нежность, хрупкость, но и верность, стойкость славятся поэтами в образе березы. Во все времена чистота, свежесть, красота березы соединяются с образом девушки, невесты, женщины.

Вероятно, именно сближение образа березы с образом женщины послужило условием отнесенности этого священного дерева к женскому роду.

Вновь у С. Есенина («Пороша») читаем:

...Словно белою косынкой подвязалась сосна.

Понагнулась, как старушка, оперлася на клюку...

Здесь образ задан женским родом слова *сосна*. В толковом словаре Ожегова, Шведовой дается следующее определение слову *сосна*: «Вечнозеленое хвойное дерево с длинными иглами и округлыми шишками». Прилагательное *вечнозеленое* как бы характеризует дерево как всегда молодое, свежее, чистое. Эти качества мы приписываем женскому образу. Нередко в речи употребляют эпитет *пышная сосна*, который также сближает образ сосны с женским.

По аналогии с сосной возникает и женский образ ели: *Пригорюнились девушки-ели...* (С. Есенин). Ель по природе является конусообразной. Такой вид кроны ели легко ассоциируется с платьем девушки. Следовательно, есть основание отнесенности слова *ель* к женскому роду.

С тем же постоянством нежное, пышное и яркое дерево – клен – представлено у С. Есенина как *пьяный сторож*. *Клен, дуб, хмель* –

существительное мужского рода. На вид они кажутся мужественнее, выше, крупнее, крепче, чем береза или сосна. Известно, сто дуб отличается крепкой древесиной, а хмель обычно обвивается вокруг березы. К тому же в русских песнях дуб и хмель являются символом молодца, а береза – символом девицы. С. Г. Тер-Минасова пишет, что «русский человек сострадает бедной женщине-рябине и мужчине-дубу, которые не могут соединиться» [4, с. 159].

Таким образом, расширяя объём обозначаемого понятия, слово или словосочетание в поэтической речи нередко приобретает значение символа. Символическое начало заложено в самой природе слова. Символический подход, следовательно, выступает как один из главных факторов формирования лингвокультурологической компетенции языковой личности.

Библиографический список

1. Архипова Е. В. Основы методики развития речи учащихся : учеб. пособие для студ. пед. вузов. – М. : Вербум, 2004. – 192 с.
2. Нуруллина Г. М. Вербальные артефакты как средство актуализации категории рода имен существительных // Вестник ВятГГУ. Филология и искусствоведение. – Киров : Изд-во ВятГГУ, 2009. – № 2 (2). – С. 34–37.
3. Саяхова Л. Г. Спецкурс «Русский язык в диалоге культур» в профессиональной подготовке студентов-филологов. URL: <http://ksu.ru/fil/kn1/index.php?sod=20/> (дата обращения: 10.03.2014).
4. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация : учеб. пособие для студ., аспирантов и соискателей по спец. «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – М. : Слово / Slovo, 2000. – 262 с.

КОНЦЕПТ В ФОРМИРОВАНИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПЕРЕВОДЧИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫХ ТЕКСТОВ

И. В. Тележко

**Российский университет дружбы народов,
г. Москва, Россия**

Summary. The questions related to translation knowledge structuring are considered in the given article. The role of the concept and its potentiality while forming professionally-oriented texts translator's socio-cultural competency has been determined. The results of the concept «Ordnung»/ Order in the German geological discourse have been presented.

Keywords: linguistic view of the world; concept; discourse; professionally-oriented translation; formation of the translator's socio-cultural competency; specialized culture.

В последние годы в ряде исследований активно стал рассматриваться вопрос о структурировании переводческих знаний,

в том числе и социокультурных. Когнитивный подход к изучению проблем перевода позволяет исследователям рассматривать перевод не только как систему адекватности / неадекватности между двумя языками / культурами, но и как когнитивную деятельность человека в контексте его социокультурных функций.

Каждый язык по-своему выражает и организует информацию о действительно существующей или воображаемой реальности, создавая свою собственную языковую картину. Под картиной мира исследователи понимают фундаментальное понятие, выражающее специфику человека и его бытия. Данная категория определяется как исходный глобальный образ мира, лежащий в основе языкового мироведения человека, репрезентирующий сущностные свойства действительности в понимании его носителей. Картина мира представляет собой интерпретацию, смысловой двойник мира, организованный по принципу ценностной ориентированности [4; 6; 8; 9 и др.]. В составе общей картины мира различают концептуальную и языковую стороны.

Языковая картина мира является знаковым способом вербализации концептуальной картины мира. Под языковой картиной мира понимается совокупность зафиксированных в единицах языка представлений народа о действительности, опосредованных культурой, проявляющихся в отборе национально маркированных языковых средств. Традиционно это своеобразие усматривается в особом членении такой информации между значениями языковых единиц, в различиях структур, составляющих системы отдельных языков. Особенности языковой картины мира определяются характером когнитивных структур, лежащих в основе построения речевых высказываний на данном языке, а также отражением в содержании и структуре таких высказываний специфических элементов культуры данного языкового коллектива [6; 8; 9 и др.].

Практика показывает, что у будущих переводчиков возникают трудности при передаче социокультурных реалий из-за неумения соотносить социокультурные «образы» родной культуры с «образами» культуры изучаемого языка.

Формирование социокультурной компетенции переводчика профессионально ориентированных текстов проводится в контексте диалога культур с учётом различий в социокультурном восприятии мира, что способствует достижению межкультурного понимания между людьми и становлению «вторичной языковой личности». Для переводчика профессионально ориентированных текстов важным представляется способность понять высказывание, созданное не просто представителем другого лингвосообщества (в нашем случае Германии), а представителем определенной профессиональной

группы (геологов), чтобы затем создать на основе понятого смысла высказывание на родном языке для российских геологов, которые получили в России отличное от немецких представителей образование. Подобная деятельность обязательно сопряжена с необходимостью отождествлять и различать объекты. Именно для обеспечения ментальных операций такого рода в языке и создаются концепты.

Концепт является ключевым понятием когнитивной лингвистики. На макроуровне предметом когнитивной лингвистики является дискурс – текст, восходящий в жизнь (Н. Д. Арутюнова), текст в контексте (М. М. Бахтин), в единстве внутренних и внешних (экстралингвистических) факторов. Дискурс запускает механизмы коммуникации, действующие в культуре. Прямые и обратные связи, потенциально данные в системе «культура», начинают «работать» в высказывании и приводят к порождению новых смыслов. Смысл, возникающий в дискурсе, обозначается термином «концепт» [3, с. 162].

Исследования в области когнитивной лингвистики демонстрируют разнообразные подходы в понимании термина «концепт». Разные определения концепта позволили исследователям выделить его следующие инвариантные признаки:

- это минимальная единица человеческого опыта в его идеальном представлении, вербализирующаяся с помощью слова и имеющая полевую структуру;

- это основная единица обработки, хранения и передачи знаний;

- концепт имеет подвижные границы и конкретные функции;

- концепт социален, его ассоциативное поле обуславливает его прагматику;

- это основная ячейка культуры [5; 6; 8; 9 и др.].

Т. А. Фесенко рассматривает концепт в переводе и определяет его как «некий образ фрагмента (элемента) реальной действительности, проецируемый после когнитивной обработки» в языковой уровень сознания [10, с. 132]. К реальной действительности автор относит как реально существующее, так и принадлежащее виртуальному миру человека – плоды фантазий, воспоминаний, воображения.

Интерпретативный режим вербальных значений соотносится с социо- и этнокультурной компетенцией носителей концептуальных систем. Менталитет любого лингвокультурного сообщества обусловлен в значительной степени его «концептосферой», так как в системе образов, эталонов и стереотипов, характерных для данного народа, репрезентированы мировидение и миропонимание его членов, осознаваемые ими в контексте социо- и этнокультурных традиций. Концептосфера – совокупность концептов нации [5, с. 5]. Поскольку переводу подвергаются не вербальные формы, а стоящие за ним концепты, то определяющую роль при трансформации

исходного смыслового содержания играют концептуальные системы. Интерпретация фрагмента действительности в концептуальной системе – это конструирование информации об определённом мире или «картине мира». Структурирование концептуальной системы отражает релевантность для данной системы определённого концепта или их структуры. Семантическое содержание концепта интерпретируется в контексте форм мысли носителя языка как их этнокультурная репрезентация, что позволяет воссоздать лингвоментально-культурный образ носителя языка [10, с. 132]. Следует добавить, что формирование концепта в результате понимания и интерпретации профессионально ориентированных текстов определяется переводческим умением привлекать экстралингвистические знания, извлекать из своей памяти необходимые знания, следить за логикой представления информацией, её распределением в тексте, умением распознать интенцию автора и т. д. [2, с. 138].

При взаимодействии переводчика с инокультурным исходным текстом (ИТ) возможно возникновение «зон непонимания» (семантические пустоты) в том случае, когда осмысление заложенной информации в ИТ осложняется необходимостью воссоздания «ментального пространства» [10, с. 134]. Объяснением этому, по видимому, может служить тот факт, что картины мира, образы мира переводчика и получателя различны, а соответственно, различны и когнитивные базы, и реализующиеся в них концептосферы. Процессуально понимание в контексте концептуального перевода происходит в следующем режиме: переводчик к заданной вербальной единице в ИТ (ИЯ) вызывает соответствующий ментальный образ (концепт), который репрезентируется вербальной единицей языка перевода (ЯП). Концепты и вербальные единицы взаимно активизируют друг друга [10, с. 134]. При этом переводчик исходит из своей концептуальной системы, руководствуется своим образом мира, ввиду чего может просто не понять транслируемое сообщение или понять его неверно. Исследователи отмечают, что условиями успешного перевода являются: этнокультурные стереотипы; психотипическая характеристика переводчика, социокультурный контекст, установки и прошлый опыт переводчика, которые задают ожидание и прогнозируют вероятность появления новой информации; образовательный уровень как часть прошлого опыта; те-заурус и фоновые знания; знание системы данного языка и уровень владения языком, использование конвенционных правил и соотнесённость с условиями коммуникации [7; 10].

Следовательно, у будущих переводчиков профессионально ориентированных текстов следует развивать способность к концептуализации, под которой понимают «процесс образования

и формирования концептов в сознании» [1], «осмысление новой информации, ведущей к осмыслению концепта» [4, с. 93–94], основанную на языковых, социокультурных, предметных знаниях, формирующихся или сформированных в процессе подготовки по основной специальности. В сознании переводчика должны быть сформированы базисные когнитивные структуры, позволяющие ему точно и полно воспринять и понять окружающий мир иной социокультурной общности.

С тем чтобы точно передать смысл высказывания, переводчику профессионально ориентированных текстов необходимо сопоставить исходный текст с текстом перевода как на этапе понимания, так и на этапе создания текста перевода, установить точное значение терминов. Анализ одного и того же концепта в разных языках позволяет выявить национальную специфику репрезентации концепта, проявляющуюся в разных способах его вербализации [8, с. 90]. Такой подход отражает особенности культуры (в нашем случае специализированной культуры в области геологии) и мировидения конкретной лингвокультурной общности, поэтому исследование любого концепта представляет ценность для реконструкции языковой картины мира.

Примером этому служит концепт «*Ordnung*» / «порядок», представляющий культурную значимость в немецкой лингвокультуре. Особую роль *Ordnung* приобретает в профессиональной сфере общения. В ней возрастает значимость дисциплины, пунктуальности, точности, детализованного изложения информации в письменной форме, что характерно для профессионально ориентированных текстов. Данный концепт был проанализирован нами в немецком геологическом дискурсе. Проведенный анализ показал, что концепт актуализируется в письменном немецком геологическом дискурсе на уровне лексики, грамматики, логико-смысловой структуры дискурса, стиля, жанра. Концепт *Ordnung* играет важную роль в формировании немецкого научного стиля, отражает языковую норму, ему присущи категоричность и эксплицитность, т. е. он определяет нормы и правила общения в профессиональной сфере. В профессиональной среде геологов существует большое количество различных полевых документов: полевые дневники, полевые карты, журналы документации горных выработок, специальные бланки радиометрических, геохимических наблюдений и другие. Ко всем из них предъявляются определённые требования. Концепт «*Ordnung*» / «порядок» будет актуализироваться в выполнении этих требований, при этом переводчику на этапе создания текста перевода будет необходимо учесть специфику и отличие немецкого геологического письменного дискурса от русского.

Таким образом, мы видим, что переводчик профессионально ориентированных текстов имеет дело с текстами, содержащими не только общенаучные концепты, но и концепты, отражающие профессиональную специфику. Выделение концептов является решающим для создания терминологической базы в любой области знания. Концепты выполняют две важнейшие функции: во-первых, они обладают содержанием, обозначая некоторые существенные для данной науки понятия, а во-вторых, они распределяют все другие слова языка данной науки по соответствующим категориям и классам. Они служат фильтрами для всех обсуждаемых в конкретной науке объектов, состояний и связей и определяют границы цельного поля данной науки.

При формировании СКК переводчика профессионально ориентированных текстов важным является учёт и функционирование концепта в языке и культуре в целом, соотношение схожих и различных концептов в разных специализированных культурах. Обращение к понятию «концепт» открывает возможность приобщения будущих переводчиков к коллективному когнитивному пространству другого языкового сообщества, расширяет у них диапазон соответствующих знаний о языке, языковой картине мира, а также расширяет кругозор самих переводчиков, что способствует формированию социокультурной компетенции переводчика.

Библиографический список

1. Болдырев Н. Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 29–30.
2. Гавриленко Н. Н. Теоретические и методические основы подготовки переводчиков научно-технических текстов : монография. – М. : Изд-во РУДН, 2004. – 269 с.
3. Зинченко В. Г., Зусман В. Г., Кирнозе З. И. Межкультурная коммуникация. От системного подхода к синергетической парадигме : учеб. пособие. – 2-е изд. – М. : Флинта: Наука, 2008. – 224 с.
4. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. – М., 1996. – 245 с.
5. Лихачёв Д. С. Концептосфера русского языка // Изв. РАН – СЛЯ. – 1993. – № 1. – С. 3–9.
6. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика : учеб. пособие. – 3-е изд., перераб. и доп. – Минск : ТетраСистемс, 2008. – 272 с.
7. Масленникова Е. М. Этнолингвистический фон текста как причина коммуникативных неудач. – Тверь, 2000. – С. 23.
8. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. – М. : АСТ: Восток-Запад, 2010. – 314 с. – (Лингвистика и межкультурная коммуникация. Золотая серия).
9. Прохоров Ю. Е. В поисках концепта. – 2-е изд. – М. : Флинта: Наука, 2009.
10. Фесенко Т. А. Специфика национально культурного пространства в зеркале перевода : учеб. пособ. – Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2002. – 228 с.

О НЕКОТОРЫХ ТРУДНОСТЯХ ОСВОЕНИЯ ЖАНРА МОТИВАЦИОННОГО ПИСЬМА ПРИ ИЗУЧЕНИИ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

Ю. Д. Багров

Санкт-Петербургский государственный
экономический университет,
г. Санкт-Петербург, Россия

Summary. French model of motivation letter presents some difficulties both for teachers and for students. Some of these problems are caused by cultural and mental difference.

Keywords: French; business French; motivation letter; lettre de motivation; mentality; genre.

В изучении делового иностранного языка особое место занимает овладение навыками составления стандартных форм, под которыми понимаются жанры письменной деловой речи: резюме, автобиография, сопроводительное письмо, официальное письмо. Несмотря на кажущуюся шаблонность большинства из этих жанров, они всё же могут представлять значительную сложность для учащихся, так как требуют не только знания жанровой модели и умения строить грамматически корректные высказывания. Учащийся должен овладеть деловым этикетом. Предъявляются требования также и к смысловому наполнению основного текста большинства стандартных форм. Именно с последними двумя обстоятельствами и связаны наибольшие трудности.

При изучении французского языка наиболее сложным как для студента, так и для преподавателя жанром считается мотивационное письмо (*lettre de motivation*). Следует установить, с чем связаны основные сложности жанра.

Во-первых, малоэффективным применительно к данному жанру оказывается довольно распространённый в методике преподавания языка «формальный» подход, заключающийся в усвоении обобщённого жанрового шаблона и его наполнении готовыми фразами: содержание мотивационного письма сугубо индивидуально и напрямую зависит как от личностных характеристик самого учащегося, так и от повода к составлению документа.

Во-вторых, необходимо осознание внутренней телеологии текста: понимание взаимосвязи цели написания конкретного письма конкретному адресату и задачи, выполняемой каждым из элементов жанровой модели.

В-третьих, в отличие от официального письма, состоящего в изложении объективных фактических обстоятельств, мотивационное письмо требует от учащегося выражения своих субъективных мотивов и намерений и их соотнесения с целью документа, то есть определённого самоанализа студента.

В-четвёртых, отсутствует единый универсальный шаблон. Тактика построения письма может различаться в зависимости от цели его написания и адресата. Это может быть заявка на вакансию, стажировку или магистерскую программу, соискание гранта или стипендии, участие в конкурсе и т. д.

Все указанные моменты заслуживают особого акцента при объяснении преподавателем требований к мотивационному письму, и такое теоретическое объяснение необходимо сопровождать примерами. Не меньшего внимания при овладении жанром требует само ключевое понятие мотивации, проблемы с которым у русскоговорящих студентов могут быть связаны уже в силу культурных различий. Экспликация личной мотивации достаточно важна для современной деловой культуры западных стран как часть более общего концепта «успех», что может не вписываться в ценностный ряд русскоязычных студентов: с одной стороны, не принято явно выражать свою мотивацию и амбиции, с другой стороны, сама работа или учёба уже считаются мотивацией, не требующей дополнительного подкрепления. Именно этими особенностями мы склонны объяснять и типичные ошибки в содержательной части письма. Отсутствие навыка формулирования мотивации ведёт либо к чересчур общим фразам (е. г. «развитие сотрудничества России и Франции»), либо к смешению понятий «мотивация» и «амбиции», что во французской традиции считается недопустимым. Качественно сформулированная мотивация должна не только описывать личную цель, но обозначать конкретную предполагаемую деятельность заявителя и интерес принимающей стороны. То есть для лучшего понимания студентами, осознания ими прагматики текста, понятие мотивации можно разложить на компоненты «цель», «планы», «**взаимная** выгода».

Таким образом, решение трудностей в овладении жанром мотивационного письма можно видеть в совместной рефлексии преподавателя и студентов над культурными и ментальными различиями, которые эти сложности порождают. Успешное овладение жанром мотивационного письма особенно важно в наше время, когда повышенное внимание уделяется академической мобильности и международным связям молодых учёных.

ФОРМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ВНЕАУДИТОРНОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ

Т. М. Ежкина

Омский государственный аграрный университет,
г. Омск, Россия

Summary. The problem of organization of the students' extracurricular work is represented in the article; the ways of its decision are supposed; the methods of project are examined as one of the organization form of students' extracurricular work.

Keywords: students' extracurricular work; method of projects; its principles; forms; aspects; stages.

В эпоху научно-технического прогресса необходима модернизация содержания образования, которая предполагает его информатизацию и оптимизацию методов обучения. Образование должно опираться на научную концепцию, отвечать требованиям государственного образовательного стандарта, обеспечивать достижение целей обучения, быть коммуникативно-направленным, аутентичным и обеспечивающим развитие личного потенциала студента.

Иностранный язык становится своеобразной производительной силой, а иноязычная грамотность – экономической категорией. Задача преподавателя – создать условия практического овладения языком: научить уметь извлечь необходимую информацию при чтении иноязычных текстов, понять собеседника, выразить свою мысль, точку зрения устно и письменно [4].

Однако существует ряд трудностей для решения данной задачи: сокращение аудиторного и увеличение внеаудиторного времени по дисциплине «Иностранный язык» в неязыковых вузах; недостаточно широко представлены инновационные методы и технологии в учебных, учебно-методических, научно-методических источниках; несоответствие оснащения вузов современным требованиям подготовки выпускников по дисциплине «Иностранный язык»; недостаточно организована переподготовка преподавателей в связи с модернизацией содержания образования.

Перед преподавателем стоит проблема организации и проведения аудиторных и внеаудиторных занятий с опорой на имеющиеся в его арсенале знания, умения, способности, компетенции. И если в организации и проведении аудиторных занятий у преподавателя есть опыт, то организация самостоятельной работы студентов требует серьезной подготовки.

Программа внеаудиторной академической работы студентов (ВАРС) по дисциплине является неотъемлемой составляющей образовательного процесса в университете и является обязательной

для каждого студента. Объем её определяется ФГОС ВПО и учебным планом по соответствующей специальности (направлению подготовки). Это планируемая учебная, **учебно-исследовательская и научно-исследовательская работа** студентов, которая выполняется во внеаудиторное время по заданию и при методическом руководстве и контроле преподавателя, но без его непосредственного участия [5].

Одним из эффективных методов организации ВАРС является метод *проектов* – совокупность учебно-познавательных приёмов, направленных на «развитие умений самостоятельно конструировать свои знания и ориентироваться в информационном пространстве, находить и решать проблемы, привлекать для этой цели знания из различных областей, способности прогнозировать результаты и возможные последствия разных вариантов решения, умение устанавливать причинно-следственные связи» [3].

Формы проекта могут быть различны: коллаж, афиша, объявление, стенгазета, видеофильм, выставка, спектакль, интервью, реклама, заочная экскурсия и т. д. С использованием информационно-коммуникативных технологий это могут быть слайд-шоу, WEB-сайт, WEB-проект, видеофильм, ролевой дублированный фильм. Проекты могут быть выполнены как в устной, так и в письменной форме. В обоих случаях должен быть представлен зафиксированный отчёт.

Проектная методика имеет ряд преимуществ перед традиционными методами. Это повышение значимости иностранного языка как средства межкультурной коммуникации, развитие умений работать самостоятельно и в коллективе, расширение кругозора, развитие творческой активности, интеграция всех четырёх видов речевой деятельности: чтение, говорение, аудирование, письмо [1].

Как любая нетрадиционная деятельность, работа над проектом может столкнуться с рядом трудностей:

Организация – установление контактов, подбор материала. Задача преподавателя – объяснить, что и как следует делать, убедиться, что каждый понял свою задачу в проекте.

Мониторинг. С одной стороны не следует устанавливать жёсткие рамки и строгий контроль, с другой – нужно следить за ходом работы студентов вне аудитории.

Личностные проблемы – отсутствие интереса, трудности во взаимопонимании с другими членами группы, занятость. Следует убедить студентов, что работа над проектом даст возможность проявить скрытые таланты (сценические, оформительские).

Распределение обязанностей. Важно, чтобы каждый выполнял работу в соответствии с возможностями, способностями и уровнем развития.

Можно выделить следующие основные этапы проектной работы: планирование, выполнение проекта, оформление, презентация, оценка.

Среди возможных проектов по страноведческой тематике можно выбрать заочное путешествие по стране, экскурсию по городам и т. д. Данный проект может включать такие виды работы: сочинение; изготовление проспекта, буклета для туристов; составление викторины; составления рекламы туристического маршрута; подготовка доклада по актуальным проблемам страны.

Таким образом, метод проектов способствует развитию навыков исследовательской деятельности, умению выразить себя, использовать знания, полученные из других дисциплин. Это одна из форм организации внеаудиторной академической работы студентов.

Библиографический список

1. Ломакин А. В. Технология проектного обучения. URL: <http://ladlav.narod.ru>
2. Полат Е. С., Елизарова А. А. Метод проектов в интернет-образовании. URL: http://www.gmcit.murmansk.ru/text/information_science/workshop/seminars/training_personality/method_proect.htm
3. Полат Е. С., Бухаркина М. Ю. Современные педагогические и информационные технологии в системе образования : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М. : Издательский центр «Академия», 2008. – 368 с.
4. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования. URL: <http://www.edu.ru>

ИНТЕГРАЦИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ НОВЫХ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ И ГОРОДА ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ СЕВАСТОПОЛЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО СТРАНЫ

Л. В. Адонина

**Севастопольский городской гуманитарный университет,
г. Севастополь, Россия**

Summary. This article discusses the features of the integration of the educational system of the Republic of Crimea and Sevastopol federal city in humanitarian educational area of the Russian Federation.

Keywords: integration processes; educational area regional features; prognostic analysis.

Принятие Республики Крым в Российскую Федерацию, осуществлённое в соответствии с Конституцией Российской Федерации, Федеральным конституционным законом «О порядке принятия

в Российскую Федерацию и образования в её составе нового субъекта Российской Федерации» и федеральным конституционным законом о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым – факт свершившийся [1]. Значимость данного события, как и исследование исторических, геополитических, общественно-политических предпосылок и условий второго присоединения полуострова к России ещё предстоит определить будущим поколениям историков.

Для Крыма и Севастополя вхождение в состав Российской Федерации означает качественно новый уровень развития экономики, функционирования всех сфер народного хозяйства, науки, образования, культуры и духовной жизни. Вместе с тем, новый статус закономерно ставит перед педагогами Крыма и Севастополя ряд сложных вопросов, связанных с проблемой интеграции системы образования новых субъектов в гуманитарное образовательное пространство страны, её адаптации к новым стандартам.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью определить первоначальные условия, знание которых необходимо для решения стоящей перед педагогами, методистами, учёными и государственными деятелями задачи, пунктирно наметить основные пути интеграции системы образования нового региона в образовательное пространство Российской Федерации.

Интеграция в образовании, как и в любой другой сфере жизнедеятельности, – это объективный, многогранный, сложный, противоречивый и длительный процесс, который должен охватить все сферы и уровни образования и обучения: дошкольное, общее среднее, среднее специальное, высшее образование, переквалификацию кадров, а также сферу науки.

Отбросив эмоциональную составляющую вопроса, констатируем наличие двух различных образовательных систем России и Украины (в образовательное пространство которой ранее входили Крым и Севастополь), имеющих единый фундамент (советскую систему народного образования), единый вектор развития (европейское образовательное пространство), но сформированных в различных общественно-политических и социально-культурных условиях, и, соответственно, имеющих различное содержание. И если комплекс математических и естественнонаучных дисциплин, преподаваемых в рамках учебных предметов базисного учебного плана, не подвергался в постсоветский период кардинальным изменениям ни в той, ни другой стране, то содержание дисциплин социально-гуманитарного блока переписывалось за двадцатилетний период неоднократно. Иные учебные планы, программы, учебники и учебные пособия, иные учебные предметы и их содержание, различные требования итоговой аттестации выпускников средних учебных заведений –

Единого государственного экзамена в России и Внешнего независимого оценивания на Украине и многое другое, мешающее возможности безболезненного вхождения образовательной системы новых субъектов РФ в её гуманитарное образовательное пространство.

Нивелировать различия в короткий срок – задача непростая. Адаптационный период интеграции системы образования Крыма и Севастополя в образовательное пространство Российской Федерации, по оценкам учёных, ориентировочно составит около трёх лет. Однако на данный срок можно рассчитывать лишь в том случае, если речь идёт о полном и равноправном вхождении регионов как субъектов федерации в российскую образовательную систему. Но если речь идёт о равенстве школьников в возможностях доступа к качественному образованию с использованием новейших технологий, о конкурентоспособности выпускников школ, средних специальных и высших учебных заведений, то срок интеграции должен быть иным. И рассчитывать на возможность долгосрочного поэтапного вхождения новых регионов в российское образовательное пространство не приходится.

По нашему мнению, необходимыми условиями успешной интеграции являются следующие:

1) анализ существующего положительного и отрицательного педагогического и управленческого опыта интеграции региона в украинскую образовательную систему до начала его интеграции в российское образовательное пространство;

2) разработка стратегии и технологии поэтапной интеграции образовательной системы Крыма и Севастополя в образовательное пространство Российской Федерации с учётом региональных особенностей новых субъектов, в том числе мультилингвизма и мультикультурализма;

3) адаптация российских образовательных стандартов и их соотнесение с образовательными стандартами, уже функционирующими в регионах;

4) использование интеллектуального потенциала учителей, методистов, преподавателей и учёных Крыма и Севастополя, знакомых с особенностями украинской образовательной системы и заинтересованных в форсировании интеграционных процессов, их активное участие в разработке новых учебных планов, программ, создании учебников, учебных пособий и т. д.;

5) совершенствование системы подготовки и переподготовки учительских кадров, создание организационно-педагогических условий для их комфортного вхождения в новые образовательные условия;

6) обеспечение равных возможностей доступа к качественному образованию всех уровней образования и обучения за счёт уве-

личения адаптационного этапа вхождения регионов как субъектов федерации в российскую образовательную систему, в том числе и льготного периода для выпускников средних и средних специальных учебных заведений и т. д.

Безусловно, данный перечень может и должен быть продолжен. В данной статье нами лишь намечены основные проблемы, связанные с возвратом Крыма и Севастополя в образовательное пространство Российской Федерации. Учёт региональных особенностей и существующего опыта субъектов при разработке стратегий интеграции, использование собственных кадровых ресурсов, увеличение адаптационного периода позволит минимизировать трудности переходного периода.

Библиографический список

1. Договор между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов (подписан в г. Москве 18.03.2014). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_160398/ (дата обращения: 20.03.2014).

**План международных конференций проводимых вузами
России, Азербайджана, Армении, Белоруссии, Болгарии,
Ирана, Казахстана, Польши, Узбекистана, Украины
и Чехии на базе НИЦ» Социосфера «в 2014 году**

Все сборники будут изданы в чешском издательстве
Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» (Прага)

2–3 мая 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Современные технологии в системе дополнительного и профессионального образования»** (К-05.02.14)

5–6 мая 2014 г.

V международная научно-практическая конференция **«Теория и практика гендерных исследований в мировой науке»** (К-05.05.14)

10–11 мая 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Риски и безопасность в интенсивно меняющемся мире»** (К-05.10.14)

13–14 мая 2014 г.

Международная научно-практическая конференция **«Культура толерантности в контексте процессов глобализации: методология исследования, реалии и перспективы»** (К-05.13.14)

15–16 мая 2014 г.

V международная научно-практическая конференция **«Психолого-педагогические проблемы личности и социального взаимодействия»** (К-05.15.14)

20–21 мая 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Текст. Произведение. Читатель»** (К-05.20.14)

22–23 мая 2014 г.

Международная научно-практическая конференция **«Реклама в современном мире: история, теория и практика»** (К-05.22.14)

25–26 мая 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция «**Инновационные процессы в экономической, социальной и духовной сферах жизни общества**» (К-05.25.14)

1–2 июня 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция «**Социально-экономические проблемы современного общества**» (К-06.01.14)

3–4 июня 2014 г.

II международная научно-практическая конференция «**Теоретические и прикладные вопросы специальной педагогики и психологии**» (К-06.03.14)

5–6 июня 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция «**Права и свободы человека: проблемы реализации, обеспечения и защиты**» (К-06.05.14)

7–8 июня 2014 г.

II международная научно-практическая конференция «**Социогуманитарные и медицинские аспекты развития современной семьи**» (К-06.07.14)

11–12 июня 2014 г.

международная научно-практическая конференция «**Социально-политические взгляды прошлого и настоящего**» (К-06.11.14)

13–14 июня 2014 г.

международная научно-практическая конференция «**Труд и человеческий капитал в современной экономике: теория и практика**» (К-06.13.14)

10–11 сентября 2014 г.

V международная научно-практическая конференция «**Проблемы современного образования**» (К-09.10.14)

15–16 сентября 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция «**Новые подходы в экономике и управлении**» (К-09.15.14)

17–18 сентября 2014 г.

Международная научно-практическая конференция «**Современные философские парадигмы: взаимодействие традиций и инновационные подходы**» (К-09.17.14)

20–21 сентября 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция «**Традиционная и современная культура: история, актуальное положение, перспективы**» (К-09.20.14)

25–26 сентября 2014 г.

II международная научно-практическая конференция «**Проблемы становления профессионала**» (К-09. 25.14)

28–29 сентября 2014 г.

II международная научно-практическая конференция «**Этнокультурная идентичность как стратегический ресурс самосознания общества в условиях глобализации**» (К-09.28.14)

1–2 октября 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция «**Иностранный язык в системе среднего и высшего образования**» (К-10.01.14)

5–6 октября 2014 г.

V международная научно-практическая конференция «**Семья в контексте педагогических, психологических и социологических исследований**» (К-10.05.14)

10–11 октября 2014 г.

Международная научно-практическая конференция «**Актуальные проблемы связей с общественностью**» (К-10.10.14)

12–13 октября 2014 г.

Международная научно-практическая конференция «**Информатизация высшего образования: современное состояние и перспективы развития**» (К-10.12.14)

13–14 октября 2014 г.

Международная научно-практическая конференция «**Цели, задачи и ценности воспитания в современных условиях**» (К-10.13.14)

15–16 октября 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Личность, общество, государство, право. Проблемы соотношения и взаимодействия»** (К-10.15.14)

20–21 октября 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Трансформация духовно-нравственных процессов в современном обществе»** (К-10.20.14)

25–26 октября 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов»** (К-10.25.14)

28–29 октября 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Социализация и воспитание подростков и молодежи в институтах общего и профессионального образования: теория и практика, содержание и технологии»** (К-10.28.14)

1–2 ноября 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия»** (К-11.01.14)

3–4 ноября 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Профессионализм учителя в информационном обществе: проблемы формирования и совершенствования»** (К-11.03.14)

5–6 ноября 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Актуальные вопросы социальных исследований и социальной работы»** (К-11.05.14)

10–11 ноября 2014 г.

III международная научно-практическая конференция **«Дошкольное образование в стране и мире: исторический опыт, состояние и перспективы»** (К-11.10.14)

15–16 ноября 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Проблемы развития личности»** (К-11.15.14)

20–21 ноября 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция «**Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования**» (К-11.20.14)

25–26 ноября 2014 г.

III международная научно-практическая конференция «**История, языки и культуры славянских народов: от истоков к будущему**» (К-11.25.14)

1–2 декабря 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция «**Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях**» (К-12.01.14)

3–4 декабря 2014 г.

Международная научно-практическая конференция «**Проблемы и перспективы развития экономики и управления**» (К-12.03.14)

5–6 декабря 2014 г.

III международная научно-практическая конференция «**Актуальные вопросы теории и практики лингвострановедческой лексикографии**» (К-12.05.14)

7-8 декабря 2014 г.

Международная научно-практическая конференция «**Безопасность человека и общества**» (К-12.07.14)

**Plan of the international conferences organized by
Universities of Russia, Armenia, Azerbaijan, Belarus, Bulgaria,
Iran, Kazakhstan, Poland, Uzbekistan, Ukraine and the Czech
Republic on the basis of the SPC» Sociosphere «in 2014**

All Conference Proceedings will be published in the Czech publishing house
Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» (Prague)

May 2–3, 2014.

II international scientific conference «**Modern technologies in
system of additional and professional education**» (K-05.02.14)

May 5–6, 2014.

V international scientific conference «**The theory and practice of
gender researches in world science**» (K-05.05.14)

May 10–11, 2014.

II international scientific conference «**Risks and safety in rapidly
changing world**» (K-05.10.14)

May 13–14, 2014.

International scientific conference «**The culture of tolerance in a
context of globalization: methodology of research, reality and
prospect**» (K-05.13.14)

May 15–16, 2014.

V international scientific conference «**Psycho-pedagogical problems
of a personality and social interaction**» (K-05.15.14)

May 20–21, 2014.

II international scientific conference «**Text. Literary work. Reader**»
(K-05.20.14)

May 22–23, 2014.

International scientific conference «**Advertizing in the modern
world: history, theory and practice**» (K-05.22.14)

May 25–26, 2014.

IV international scientific conference «**Innovative processes in
economic, social and spiritual spheres of life of society**» (K-05.25.14)

June 1–2, 2014.

III international scientific conference «**Social and economic prob-
lems of modern society**» (K-06.01.14)

June 3–4, 2014.

II international scientific conference «**Theoretical and practical questions of special pedagogics and psychology**» (K-06.03.14)

June 5–6, 2014.

IV international scientific conference «**Rights and freedoms of people: problems of realization, providing and protection**» (K-06.05.14)

June 7–8, 2014.

II international scientific conference «**Socio-humanitarian and medical aspects of development of a modern family**» (K-06.07.14)

June 11–12, 2014.

International scientific conference «Socio-political views of the past and the present» (K-06.11.14)

June 13–14, 2014

International scientific conference «**Labour and human capital in the modern economy: theory and practice**» (K-06.13.14)

September 10–11, 2014.

V international scientific conference «**Problems of modern education**» (K-09.10.14)

September 15–16, 2014.

IV international scientific conference «**New approaches in economy and management**» (K-09.15.14)

September 17–18, 2014

International scientific conference «**Modern philosophical paradigms: the interaction of traditions and innovative approaches**» (K-09.17.14)

September 20–21, 2014.

IV international scientific conference «**Traditional and modern culture: history, actual situation, prospects**» (K-09.20.14)

September 25–26, 2014.

II international scientific conference «**Problems of formation of a professional**» (K-09. 25.14)

September 28–29, 2014.

II international scientific conference «**Ethnocultural identity as a strategic resource of consciousness of society in the conditions of globalization**» (K-09.28.14)

October 1–2, 2014.

IV international scientific conference «**Foreign language in the system of secondary and higher education**» (K-10.01.14)

October 5–6, 2014

V international scientific conference «**Family in a context of pedagogical, psychological and sociological researches**» (K-10.05.14)

October 10-11, 2014.

International scientific conference «**Actual problems of Public Relations**» (K-10.10.14)

October 12–13, 2014.

International scientific conference «**Informatization of higher education: current situation and development prospects**» (K-10.12.14)

October 13–14, 2014.

International scientific conference «**Purposes, tasks and values of education in modern conditions**» (K-10.13.14)

October 15–16, 2014.

IV international scientific conference «**Personality, society, state, law. Problems of correlation and interaction**» (K-10.15.14)

October 20–21, 2014.

II international scientific conference «**Transformation of spiritual and moral processes in modern society**» (K-10.20.14)

October 25–26, 2014.

IV international scientific conference «**Socio-economic, sociopolitical and sociocultural development of regions**» (K-10.25.14)

October 28–29, 2014.

II international scientific conference «**Socialization and education of teenagers and youth in institutes of the general and professional education: theory and practice, contents and technologies**» (K-10.28.14)

November 1–2, 2014.

IV international scientific conference «**Religion – science – society: problems and prospects of interaction**» (K-11.01.14)

November 3–4, 2014.

II international scientific conference «**Professionalism of a teacher in the information society: formation and problems of improvement**» (K-11.03.14)

November 5–6, 2014.

II international scientific conference «**Current issues of social researches and social work**» (K-11.05.14)

November 10–11, 2014.

III international scientific conference «**Preschool education in a country and the world: historical experience, state and prospects**» (K-11.10.14)

November 15–16, 2014.

II international scientific conference «**Problems of development of a personality**» (K-11.15.14)

November 20–21, 2014.

IV international scientific conference «**Preparing a competitive specialist as a purpose of modern education**» (K-11.20.14)

November 25–26, 2014.

III international scientific conference «**History, languages and cultures of the Slavic peoples: from origins to the future**» (K-11.25.14)

December 1–2, 2014.

IV international scientific conference «**Practice of communicative behavior in social and humanitarian researches**» (K-12.01.14)

December 3–4, 2014.

II international scientific conference «**Problems and prospects of development of economy and management**» (K-12.03.14)

December 5–6, 2014.

III international scientific conference «**Current issues of the theory and practice of lingvo cross-cultural lexicography**» (K-12.05.14)

December 7–8, 2014.

International scientific conference «**Safety of a person and society**» (K-12.07.14)

ИНФОРМАЦИЯ О ЖУРНАЛАХ «СОЦИОСФЕРА» И «PARADIGMATA POZNÁNÍ»

Научно-методический и теоретический журнал «Социосфера» (ISSN 2078-7081) публикует научные статьи и методические разработки занятий и дополнительных мероприятий по социально-гуманитарным дисциплинам для профессиональной и общеобразовательной школы. Тематика журнала охватывает широкий спектр проблем. Принимаются материалы по философии, социологии, истории, культурологии, искусствоведению, филологии, психологии, педагогике, праву, экономике и другим социально-гуманитарным направлениям.

Журнал приглашает к сотрудничеству российских и зарубежных авторов и принимает для опубликования материалы на русском и английском языках. Полнотекстовые версии всех номеров журнала размещаются на сайте НИЦ «Социосфера», а также на сайтах Электронной научной библиотеки и Directory of open access journals.

Содержание журнала включает следующие разделы:

- Наука
- В помощь преподавателю
- В помощь учителю
- В помощь соискателю

Периодичность выпуска – 4 раза в год (март, июнь, сентябрь, декабрь).

Статьи принимаются до 20 февраля, 20 мая, 20 августа и 20 декабря, соответственно. Оплата должна быть произведена только после принятия статьи к публикации до 1 марта, 1 июня, 1 сентября и 1 декабря, соответственно для каждого номера.

Главный редактор – Б. А. Дорошин, кандидат исторических наук, доцент.

Редакционная коллегия: Дорошина И. Г., кандидат психологических наук, доцент (ответственный за выпуск), Антипов М. А., кандидат философских наук, Белолипецкий В. В., кандидат исторических наук, Ефимова Д. В., кандидат психологических наук, доцент, Саратовцева Н. В., кандидат педагогических наук, доцент.

Международный редакционный совет: Арабаджийски Николай, PhD. (экономика), профессор (София, Болгария); Берберян Ася Суреновна, доктор психологических наук, профессор (Ереван, Армения); Большакова Алла Юрьевна, доктор филологических наук, (Москва, Россия); Волков Сергей Николаевич, доктор философских наук, профессор (Пенза, Россия); Голандам Араш Карим, преподаватель (филология), (Решт, Иран); Исламов Захиджан Махмудович, доктор филологических наук, профессор

(Ташкент, Узбекистан); Кашпарова Ева, PhD. (социология), (Прага, Чехия); Кушаев Умиджон Рахимович, PhD. (философия), (Ташкент, Узбекистан); Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук, (г. Кызылорда, Казахстан); Сапик Мирослав, PhD. (философия), доцент (Колин, Чехия); Танцошова Джудита, PhD. (экономика), профессор (Братислава, Словакия); Хрусталькова Наталья Александровна, доктор педагогических наук, профессор (Пенза, Россия); Цибак Любош, PhD. (экономика), MBA (Братислава, Словакия).

Чешский научный журнал «**Paradigmata poznání**» (Парадигмы познания) публикует научные статьи, теоретические обзоры и результаты эмпирических исследований, отзывы на книги, статьи, диссертации, рецензии, отчеты о научных мероприятиях по социально-гуманитарным, техническим и естественно-научным дисциплинам. Тематика журнала охватывает широкий спектр проблем.

Журнал приглашает к сотрудничеству российских и зарубежных авторов и принимает для опубликования материалы на чешском, английском и русском языках. Журнал «Социосфера» зарегистрирован Международным Центром ISSN (региональное отделение в г. Прага), ему присвоен номер ISSN 2336-2642. Полнотекстовые версии всех номеров журнала размещаются на сайте НИЦ «Социосфера» <http://sociosphera.com>, на сайте Электронной научной библиотеки по адресу <http://elibrary.ru>, а также на сайте Directory of open access journals по адресу <http://www.doaj.org>.

Содержание журнала включает следующие разделы:

- Теория и анализ.
- Эмпирические и прикладные исследования.
- Обзоры, рецензии и отзывы.
- Научная жизнь.

Периодичность выпуска – 4 номера в год (февраль, май, август, ноябрь).

Главный редактор – **Дорошина Илона Геннадьевна**, кандидат психологических наук, доцент

Редакционная коллегия: Абдуллаев Равшан Вахидович, доктор экономических наук, профессор (Ташкент, Узбекистан); Бойцов Виктор, DrSc. (информационные системы), профессор (Рига, Латвия); Бушина Филип, PhD. (экономика), MBA (Колин, Чехия); Вернигора Александр Николаевич, кандидат биологических наук, доцент (Пенза, Россия); Девярых Сергей Юрьевич, кандидат психологических наук, доцент (Витебск, Беларусь); Замаровский Петер, RNDr. (Nature Sciences) (Прага, Чехия); Ивановска Божена, Ph.D. (социология), (Варшава, Польша);

Кашпарова Ева, Ph.D. (социология) (Прага, Чехия); Крейчова Ленка, Ph.D. (психология), (Прага, Чехия); Кобец Петр Николаевич, доктор юридических наук, профессор (Москва, Россия); Коротаев Андрей Витальевич, доктор исторических наук, профессор (Москва, Россия); Кушаев Умиджон Рахимович, Ph.D. (философия), (Ташкент, Узбекистан); идяк Ян, Ph.D., (международные отношения), профессор (Колин, Чехия); Митюков Николай Витальевич, доктор технических наук, профессор (Ижевск, Россия); Сапик Мирослав, Ph.D. (философия), доцент (Колин, Чехия); Сигмунд Томаш, Ph.D. (философия) (Прага, Чехия); Танцошова Джудита, Ph.D. (экономика), профессор (Братислава, Словакия); Хаджкова Ванда, Dr. Paed. (педагогика), доцент (Прага, Чехия); Хайруллина Нурсафа Гафуровна, доктор социологических наук, профессор (Тюмень, Россия).

Требования к оформлению материалов, отправляемых в журналы «Социосфера» и «Paradigmata poznání»

Материалы представляются в электронном виде на e-mail sociosphere@yandex.ru. Каждая статья должна иметь УДК (см. www.vak-journal.ru/spravochnikudc/; www.jssc.ru/informat/grnti/index.shtml). Формат страницы А4 (210×297 мм). Поля: верхнее, нижнее и правое – 2 см, левое – 3 см; интервал полуторный; отступ – 1,25; размер (кегель) – 14; тип – Times New Roman, стиль – Обычный. Название печатается прописными буквами, шрифт жирный, выравнивание по центру. На второй строчке печатаются инициалы и фамилия автора(ов), выравнивание по центру. На третьей строчке – полное название организации, город, страна, выравнивание по центру. В статьях методического характера следует указать дисциплину и специальность учащихся, для которых эти материалы разработаны. После пропущенной строки печатается название на английском языке. На следующей строке фамилия авторов на английском. Далее название организации, город и страна на английском языке. После пропущенной строки следует аннотация (3–4 предложения) и ключевые слова на английском языке. После пропущенной строки печатается текст статьи. Графики, рисунки, таблицы вставляются, как внедренный объект должны входить в общий объем тезисов. Номера библиографических ссылок в тексте даются в квадратных скобках, а их список – в конце текста со сплошной нумерацией. Ссылки расставляются вручную. Объем представляемого к публикации материала (сообщения, статьи) может составлять 4–25 страниц. Заявка располагается после текста статьи и не учитывается при подсчете объема публикации.

Имя файла, отправляемого по e-mail,
для журнала «Социосфера»

соответствует фамилии и инициалам первого автора, например:
Петров ИВ или **German P**. Оплаченная квитанция присылается в
отсканированном виде и должна называться, соответственно
Петров ИВ квитанция или **German P receipt**.

для журнала «Paradigmata poznání»

файл со статьей – **PP-Петров ИВ** или **PP-German P**, квитан-
ция – **PP-Петров ИВ квитанция** или **PP-German P receipt**.

Материалы должны быть подготовлены в текстовом редакторе
Microsoft Word, тщательно выверены и отредактированы.

Стоимость публикации в журналах составляет **200** рублей за
1 страницу («Социосфера») или **250** рублей за 1 страницу («Paradig-
mata poznání»). Выпущенная в свет статья предусматривает выдачу
одного авторского экземпляра. Дополнительные экземпляры (в
случае соавторства) могут быть выкуплены в необходимом коли-
честве из расчета 200 руб. («Социосфера») или 250 рублей
 («Paradigmata poznání») за один экземпляр.

INFORMATION ABOUT THE JOURNALS «SOCIOSPHERE» AND «PARADIGMATA POZNÁNÍ»

Methodological and theoretical journal «Sociosphere» publishes
scientific articles and methodological books for lessons and comple-
mentary activities at social-humanitarian disciplines for professional and
comprehensive schools. Themes of journal cover a wide range of
problems. Materials about philosophy, sociology, history, culturology,
study of art, philology, psychology, pedagogy, law, economics and other
social-humanitarian areas are accepted.

The journal invites to cooperation Russian and foreign authors and ac-
cepts materials in Russian and English languages for publication. Full-text
versions of all issues of journal will be placed on the website of Scientific
Publishing Center «Sociosphere» <http://sociosphera.com> and on the
website of Electronic research library at <http://elibrary.ru> and also on the
website of Directory of open access journals at <http://www.doaj.org>.

The content of journal has following parts:

- Science
- In help to professors
- In help to teachers
- In help to doctoral candidates.

Periodicity of journal – 4 issues in a year (March, June, September, December).

The articles are accepted before the 20th February, 20th May, 20th August and 20th November, respectively. The payment is made only after receiving the notification about the acceptance of article for publishing before 1st March, 1st June, 1st September and 1st December, respectively for each issue.

The chief editor – **Boris Doroshin**, candidate of historical sciences, associate professor.

The editorial board: I. G. Doroshina, candidate of psychological sciences, associate professor (responsible for release), M. A. Antipov, candidate of philosophical sciences, V. V. Belolipeckiy, candidate of historical sciences, D. V. Efimova, candidate of psychological sciences, associate professor, N. V. Saratovceva, candidate of pedagogical sciences, associate professor.

The international editorial council: N. Arabadzhiiski, PhD (Economics), professor (Sofia, Bulgaria); A. Yu. Bolshakova, doctor of philological sciences, professor (Moscow, Russia); A. S. Berberyan, doctor of psychological sciences, professor (Erevan, Armenia); S. N. Volkov, doctor of philosophical sciences, professor (Penza, Russia); A. K. Golandam, lecturer (Philology), (Rasht, Iran); Z. M. Islamov, doctor of philological sciences, professor (Tashkent, Uzbekistan); E. Kashparova, Ph.D. (Sociology), (Prague, Czech Republic); U. R. Kushaev, Ph.D. (Philosophy), (Tashkent, Uzbekistan); M. O. Nasimov, candidate of political sciences, (Kyzylorda, Kazakhstan); M. Sapik, Ph.D. (Philosophy), associate professor (Kolin, Czech Republic); Ju. Tancoshova, PhD. (Economics), Professor (Bratislava, Slovakia); N. A. Hrustalkova, doctor of pedagogical sciences, professor (Penza, Russia); L. Cibak, PhD. (Economics), MBA (Bratislava, Slovakia).

Czech science journal «**Paradigmata poznání**» (ISSN 2336-2642) publishes research papers, theoretical surveys and results of empirical studies, reviews for books, articles, dissertations, reviews, reports about scientific events at social-humanitarian, technical and natural-scientific disciplines. Themes of journal cover a wide range of problems.

The journal invites to cooperation Russian and foreign authors and accepts materials in Russian and English languages for publication. Full-text versions of all issues of journal will be placed on the website of Scientific Publishing Center «Sociosphere» <http://sociosphera.com> and on the website of Electronic research library at <http://elibrary.ru> and also on the website of Directory of open access journals at <http://www.doaj.org>.

The content of journal has following parts:

1. Theory and analyses.
2. Empirical and applied studies.
3. Surveys, reviews and comments
4. Science life.

Periodicity of journal – 4 issues in a year (February, May, August, November).

The chief editor – **Iлона Doroshina**, candidate of psychological sciences, associate professor.

The editorial board: R. V. Abdullayev, Doctor of Economic Sciences, professor (Tashkent, Uzbekistan); V. Boicov, DrSc. (Information Systems), professor (Riga, Latvia); Ph. Bushina, PhD. (Economics), MBA (Colin, Czech Republic); A. N. Vernigora, Candidate of Biological Sciences, associate professor (Penza, Russia); S. Yu. Devyatych, Doctor of Psychological Sciences, associate professor (Vitebsk, Belarus); B. Ivanovska, Ph.D. (Sociology), (Warsaw, Poland); V. Hajkova, Dr. Paed. (Education), associate professor (Prague, Czech Republic); E. Kashparova, Ph.D. (Sociology), (Prague, Czech Republic); N. G. Khayrulina, Doctor of Sociological Sciences, professor (Tyumen, Russia); L. Krejcová, PhD. (Psychology), (Prague, Czech Republic); P. N. Kobets, Doctor of Law, professor (Moscow, Russia); A. V. Korotayev, Doctor of History, professor (Moscow, Russia); U. R. Kushaev, Ph.D. (Philosophy), (Tashkent, Uzbekistan); J. Lidyak, Ph.D. (Political science), professor (Colin, Czech Republic); N. V. Mityukov, Doctor of Technical Sciences, professor (Izhevsk, Russia); M. Sapik, Ph.D. (Philosophy), associate professor (Kolin, Czech Republic); T. Sigmund, PhD. (Philosophy) (Prague, Czech Republic); Ju. Tancoshova, PhD. (Economics), Professor (Bratislava, Slovakia); P. Zamarovsky, RNDr. (Nature Sciences) (Prague, Czech Republic).

Guidelines for publications sent to the journals «Sociosphere» and «Paradigmata poznání»

Articles are to be sent in electronic format to e-mail: sociosphere@yandex.ru or sociosfera@seznam.cz. Each article should have a UDC. Page format: A4 (210×297 mm). Margins: top, bottom, right – 2 cm, left – 3 cm. The text should be typed in 14 point font Times New Roman, 1.5 spaced, indented line – 1.25, Normal style. The title is typed in bold capital letters; central alignment. The second line comprises the initials and the family name of the author(s); central alignment. The third line comprises the name of the organization, city, country; central alignment. The methodical articles should indicate discipline and specialization of students for which these materials are developed. After a blank line the name of the article in English is printed. On the next line the name of the authors in English is printed. Next line name of the work place, city and country in English. After one line space comes the abstract in English (3–4 sentences) and a list of keywords in English. The text itself is typed after one line space. Graphs, figures, charts are included in the body of the article and count in its total volume. References should be given in square brackets. Bibliography comes after the text as a

numbered list, in alphabetical order, one item per number. References should be inserted manually. Footnotes are not acceptable. The size of the article is 4–25 pages. The registration form is placed after the text of the article and is not included in its total volume.

The name of the file

for the journal «Sociosphere» – family name and initials of the first author, for example: **German P**. The payment confirmation should be scanned and e-mailed, it should be entitled, for example **German P receipt**.

for the journal «Paradigmata poznání» – *the file with an article* – **PP-German P**, the payment confirmation – **PP-German P receipt**.

Materials should be prepared in Microsoft Word, thoroughly proof-read and edited.

The publication fee is 4.5 € per page («Sociosphere») or 5.5 € per page («Paradigmata poznání»). Participants will receive one copy of the journal per article. In case of co-authorship, additional copies can be bought for 4.5 € per copy («Sociosphere») or 5.5 € per copy («Paradigmata poznání»).

**Образец оформления статьи для журналов «Социосфера»
и «Paradigmata poznání»**

**Sample of articles for journals «Sociosphere»
and «Paradigmata poznání»**

КУЛЬТУРА Г. СЕМИРЕЧЕНСКА В XIX ВЕКЕ

И. И. Иванов, кандидат исторических наук, доцент,

В. В. Петров, аспирант

Семиреченский институт экономики и права,

г. Семиреченск,

Н-ский край, Россия

CULTURE IN SEMIRECHENSK IN THE XIX CENTURY

**I. I. Ivanov, candidate of historical sciences, associate
professor,**

V. V. Petrov, graduate student

Semirechensk Institute of Economics and Law, Semirechensk,

N-sk region, Russia

Summary. This article observes the periodicals of Semirechensk as written historical sources for its socio-economical history. Complex of publications in these periodicals are systematized depending on the latitude coverage and depth of analysis is described in these problems.

Keywords: local history; socio-economic history; periodicals.

Некоторые аспекты социально-экономического развития г. Семиреченска в XVIII–XIX вв. получили достаточно широкое освещение в местных периодических изданиях. В связи с этим представляется актуальным произвести обобщение и систематиза-

цию всех сохранившихся в них публикаций по данной проблематике. Некоторую часть из них включил в источниковую базу своего исследования Г. В. Нефедов [2, с. 7–8]. ...

Библиографический список

1. Богданов К. Ф. Из архивной старины. Материалы для истории местного края // Семиреченские ведомости. – 1911. – № 95.
2. Нефедов Г. В. Город-крепость Семиреченск. – М. : Издательство «Наука», 1979.
3. Рубанов А. Л. Очерки по истории Семиреченского края // История г. Семиреченска. URL: <http://semirechensk-history.ru/ocherki> (дата обращения: 20.04.2011).
4. Семенихин Р. С. Семиреченск // Города России. Словарь-справочник. В 3-х т. / Гл. ред. Т. П. Петров – СПб. : Новая энциклопедия, 1991. – Т. 3. – С. 67–68.
5. Johnson P. Local history in the Russian Empire, the post-reform period. – New York.: H-Studies, 2001. – 230 p.

Сведения об авторе

Фамилия

Имя

Отчество

Ученая степень, специальность

Ученое звание

Место работы

Должность

Домашний адрес

Домашний или сотовый телефон

E-mail

Научные интересы

Согласен с публикацией статьи на сайте до выхода журнала из печати? Да/нет (оставить нужное)

**ИЗДАТЕЛЬСКИЕ УСЛУГИ НИЦ «СОЦИОСФЕРА» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

Научно-издательский центр «Социосфера» приглашает к сотрудничеству всех желающих подготовить и издать книги и брошюры любого вида:

- ✓ учебные пособия,
- ✓ авторефераты,
- ✓ диссертации,
- ✓ монографии,
- ✓ книги стихов и прозы и др.

Книги могут быть изданы в Чехии

(в выходных данных издания будет значиться –

Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)

или в России

(в выходных данных издания будет значиться –

Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

Мы осуществляем следующие виды работ.

- Редактирование и корректура текста (исправление орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок) – 50 рублей за 1 страницу *.
- Изготовление оригинал-макета – 30 рублей за 1 страницу.
- Дизайн обложки – 500 рублей.
- Печать тиража в типографии – по договоренности.

Данные виды работ могут быть осуществлены как отдельно, так и комплексно.

Полный пакет услуг «**Премиум**» включает:

- редактирование и корректуру текста,
- изготовление оригинал-макета,
- дизайн обложки,
- печать мягкой цветной обложки,
- печать тиража в типографии,
- присвоение ISBN,
- обязательная отсылка 5 экземпляров в ведущие библиотеки Чехии или 16 экземпляров в Российскую книжную палату,
- отсылка книг автору по почте.

Тираж	Цена в рублях за количество страниц				
	50 стр.	100 стр.	150 стр.	200 стр.	250 стр.
50 экз.	7900	12000	15800	19800	24000
100 экз.	10800	15700	20300	25200	30000
150 экз.	14000	20300	25800	32300	38200
200 экз.	17200	25000	31600	39500	46400

* **Формат страницы** А4 (210x297 мм). Поля: левое – 3 см; остальные – 2 см; интервал 1,5; отступ 1,25; размер (кегель) – 14; тип – Times New Roman.

Тираж включает экземпляры, подлежащие обязательной отсылке в ведущие библиотеки Чехии (5 штук) или в Российскую книжную палату (16 штук).

Другие варианты будут рассмотрены в индивидуальном порядке.

PUBLISHING SERVICES
OF THE SCIENCE PUBLISHING CENTRE «SOCIOSPHERE» –
VEDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»

The science publishing centre «Sociosphere» offers co-operation to everybody in preparing and publishing books and brochures of any kind:

- ✓ training manuals,
- ✓ autoabstracts,
- ✓ dissertations,
- ✓ monographs,
- ✓ books of poetry and prose, etc.

Books may be published in the Czech Republic
(in the output of the publication will be registered

Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»

or in Russia

(in the output of the publication will be registered

Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»

We carry out the following activities.

- Editing and proofreading of the Russian text (correct spelling, punctuation and stylistic errors) – 1,1 € per 1 page*.
- Making an artwork – 0,7 € per 1 page.
- Cover design – 11,1 €.
- Print circulation in typography is by arrangement..
- These types of work can be carried out individually or in a complex.

«Premium» package includes:

- editing and proofreading of the text,
- production of an artwork,
- cover design,
- printing coloured flexicover,
- printing copies in printing office,
- ISBN assignment,
- delivery of required copies to the Russian Central Institute of Bibliography or leading libraries of the Czech Republic,
- sending books to the author in Russia by the post.

Quantity	Price in € for the number of pages				
	50 pages	100 pages	150 pages	200 pages	250 pages
50 copies	176	267	351	440	533
100 copies	240	349	451	560	667
150 copies	311	451	573	718	849
200 copies	382	556	702	878	1031

* Page size A4 (210 x 297 mm). Margins: left-3 cm, the others – 2 cm; 1.5 spacing; indentation 1.25; size (font size)-14; type-Times New Roman.

Circulation includes copies, which are obligatory delivered to the leading libraries of the Czech Republic (5 items) or to Russian Central Institute of Bibliography (16 items).

Other options will be considered on an individual basis.

Science Publishing Center «Sociosphere-CZ»
University of Guilan
Belarusian State University
Secondary school №54, Moscow

Actual problems of the theory and practice of philological researches

Materials of the IV international scientific conference
on March 25–26, 2014

Editor – V. A. Doroshina
Corrector – J. V. Kuznetsova
The original layout – G. A. Kulakova
Cover design – Yu. N. Bannikova

Signed in print 27.04.2014. 60×84/16 format.
Writing white paper. Publisher's sheets 13,38.
100 copies.

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», s.r.o.:
U dálnice 815/6, 155 00, Praha 5 – Stodůlky, Česká republika.
Tel. +420608343967,
web site: <http://sociosfera.com>,
e-mail: sociosfera@seznam.cz